

КАБИР
ГРАНТХАВАЛИ

कबीर-ग्रंथावली

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

*

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА

ХСV

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 1965 ГОДУ

« НАУКА »

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

КАБИР
ГРАНТХАВАЛИ
(СОБРАНИЕ)

ПЕРЕВОД С БРАДЖА
И КОММЕНТАРИЙ Н. Б. ГАФУРОВОЙ
ВВЕДЕНИЕ
Н. Б. ГАФУРОВОЙ И Н. М. САЗАНОВОЙ

МОСКВА • 1992

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

О. Ф. Акимушкин (зам. председателя),
С. С. Аревшатян, А. Н. Болдырев,
Г. М. Бонгард-Левин (зам. председателя),
Г. Ф. Гирс (зам. председателя), *В. Н. Горегляд,*
П. А. Грязневич, Д. В. Деоник, И. М. Дьяконов (председатель),
Г. А. Зограф, Дж. В. Каграманов, У. И. Каримов,
Е. И. Кычанов, Л. Н. Меньшиков, Е. П. Метревели,
Э. Н. Темкин (отв. секретарь), *А. Б. Халидов,*
С. С. Цельникер, К. Н. Юзбашян

Ответственный редактор *Н. М. Сазанова*

Редактор издательства *Т. М. Швецова*

Кабир

- К13** Грантхавали: (Собрание). Пер. с браджа и комментариев Н. Б. Гафуровой. Введение Н. Б. Гафуровой и Н. М. Сазоновой.— М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992.— 143 с.
ISBN 5-02-016764-9

Книга представляет собой перевод двустийши (сакхи) — жанра, входящего в собрание (Грантхавали) произведений, выдающегося деятеля религиозно-реформаторского движения (бхакти) в Индии Кабира (XV в.).

Перевод сопровождается развернутым введением, подробным комментарием и английским резюме.

К 4703020000-061
013(02)-92

Без объявления

ББК 84(0)4-5

ISBN 5-02-016764-9

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука»,
1992

Полный список книг серий «Памятники литературы народов Востока» и «Памятники письменности Востока» за 1959—1985 гг. опубликован в брошюре «Памятники литературы народов Востока. Памятники письменности Востока. Каталог серийных изданий. 1959—1985». М., 1986. Ниже приводится список книг, вышедших в свет после публикации каталога и готовящихся к изданию.

- XXXII, 4. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. IV. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. М., 1986.
- XXXII, 5. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. V. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. М., 1987.
- XXXII, 6. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. VI. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. М., 1992.
- LXI. Мела Махмуд Байазиди. Таварих-и кадим-и Курдистан («Древняя история Курдистана»). Т. I. Перевод «Шараф-наме» Шараф-хана Бидлиси с персидского языка на курдский язык (курманджи). Изд. текста, предисл., указатели, оглавление К. К. Курдсева и Ж. С. Мусаэлян. М., 1986.
- LXXIII, 2. Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 2. Изд. текстов, исслед., пер. с санскрита и коммент. Г. М. Бонгард-Левина и М. И. Воробьевой-Десятовской. (Bibliotheca Buddhica, XXXIV).
- LXXVI. Бай юй цзин (Сутра ста притч). Пер. с китайского и коммент. И. С. Гуревич. Вступит. статья Л. Н. Меньшикова. М., 1986.
- LXXVII. Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений. Пер. с древнеармянского и примеч. М. О. Дарбинян-Меликян и Л. А. Ханларян. Вступит. статья С. С. Аверинцева. М., 1988.
- LXXVIII. Книга деяний Ардашира, сына Папака. Транскрипция текста, пер. со среднеперсидского, введ., коммент. и глоссарий О. М. Чунаковой. М., 1987.
- LXXIX. Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История возникновения законов янычарского корпуса). Факсимиле рукописи. Изд. текста, пер. с турецкого, коммент. и введ. И. Е. Петросян. М., 1987.
- LXXX. Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва). Пер. с санскрита, коммент. и предисл. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М., 1987.
- LXXXI, 1—4. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149—1169). Изд. текста, пер. с тангутского, исслед. и примеч. Е. И. Кычанова. В 4-х кн. Кн. 1. Исследование. М., 1987.
- Кн. 2. Факсимиле, пер. и примеч. (гл. 1—7). М., 1987.
- Кн. 3. Факсимиле, пер. и примеч. (гл. 8—12). М., 1989.
- Кн. 4. Факсимиле, пер., примеч. и глоссарий (гл. 13—20). М., 1989.
- LXXXII. Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги (Да Тан Сань-цзан цюй цзин шихуа). Пер. с китайского, исслед. и примеч. Л. К. Павловской. М., 1987.
- LXXXIII. 'Аджа'иб ад-дунья (Чудеса мира). Критич. текст, пер. с персидского, введ., коммент. и указатели Л. П. Смирновой.
- LXXXIV. 'Али ибн Мухаммад ибн 'Абдаллах ал-Фахри. Китаб талхис ал-

- байан фи зикр ахл ал-фирак ва-л-адйан (Краткое разъяснение к перечню последователей разных вер). Факсимиле рукописи. Изд. текста, вступит. статья, краткое изложение содержания, примеч. и указатели С. М. Прозорова. М., 1988.
- LXXXV. Аннамбхатта. Тарка-санграха («Свод умозрений») и Тарка-дипика («Разъяснение к своду умозрений»). Пер. с санскрита, исслед. и примеч. Е. П. Островской. М., 1989.
- LXXXVI. Васубандху. Абхидхармакоша (Энциклопедия Абхидхармы). Пер. с санскрита, исслед. и коммент. В. И. Рудого. (Bibliotheca Buddhica. XXXV). М., 1990.
- LXXXVII. Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим. Изд. текста, вступит. статья, пер. с тангутского, коммент. и прилож. К. Б. Кепинг. М., 1990.
- LXXXVIII. Вопросы Милинды (Милиндапаньха). Пер. с пали, исслед. и коммент. А. В. Парибка. (Bibliotheca Buddhica. XXXVI). М., 1989.
- LXXXIX. Дзаами Мотокиё. Предание о цветке стиля (Фуси кадэн), или Предание о цветке (Кадэнсё). Пер. со старояпонского, вступит. статья и примеч. Н. Г. Анариной. М., 1989.
- XC. История Чойджид-дагини. Факсимиле рукописи. Транслитерация текста, пер. с монгольского, исслед. и коммент. А. Г. Сазыкина. (Bibliotheca Buddhica. XXXVII). М., 1990.
- XCI. Махабхарата. Т. VIII. Карнапарва (Книга о Карне). Пер. с санскрита, предисл. и коммент. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М., 1990.
- XCII. Мах Шараф-ханум Курдистани. Хроника дома Ардалан (Та'рих-и Ардалан). Пер. с персидского, примеч. и предисл. Е. И. Васильевой. М., 1990.
- XCIII. Великое зеркало (Окагами). Пер. со старояпонского, исслед. и коммент. Е. М. Дьяконовой.
- XCIV. Изведать дороги и пути праведных. Пехлевийские назидательные тексты. Введ., транскрипция, пер., коммент., глоссарий и указатели О. М. Чунаковой. М., 1991.
- XCVI. Ме'ор айин («Светоч глаза»). Караймская грамматика древнееврейского языка. По рукописи 1208 г. Изд. текста, пер., исслед. и коммент. М. Н. Зислина. М., 1990.
- XCVII. Норито. Сэммё. Пер. со старояпонского, коммент. и предисл. Л. М. Ермаковой. М., 1990.
- XCVIII. Та'рих-и Бадахшан (История Бадахшана). Факсимиле рукописи. Пер. с персидского А. Н. Болдырева. Предисл. и примеч. С. Е. Григорьева. М., 1992.
- XCIX. Хуэй цзяо. Жизнеописание достойных монахов (Гао сэн чжуань). Раздел I. Переводчики. Пер. с китайского, исслед. и коммент. М. Е. Ермакова. (Bibliotheca Buddhica. XXXVIII). М., 1991.
- C. Биджой Гупто. Подмапуран. Пер. с бенгальского, исслед., коммент. и указатели И. А. Товстых. М., 1992.
- CI. Васубанху. Абхидхармакоша-бхашья (Комментарий к энциклопедии Абхидхармы). Раздел III. Лока-нирдеша (Учение о мире). Пер. с санскрита В. И. Рудого, вводит. статья и коммент. Е. П. Островской и В. И. Рудого. (Bibliotheca Buddhica. XXXV, 3).
- CII. Каталог ленинградского рукописного Ганджура. Сост., введ., транслитерация и указатели З. К. Касьяненко. (Bibliotheca Buddhica. XXXIX).
- CIII. Ким Чегук. Новеллы. Факсимиле. Изд. текста, пер. с корейского, предисл. и примеч. Д. Д. Елисеева.
- CIV. Мухаммад ибн ал-Харис ал-Хушани. Книга о судьях. Пер. с арабского, предисл. и примеч. К. А. Бойко. М., 1991.
- CV. Угаритский эпос. Пер., коммент. и исслед. И. Ш. Шифмана.
- CVI. Шамс ад-Дин Мухаммад б. Кайс ар-Рази. Свод правил персидской поэзии (Ал-Му'дjam фи ма'айир аш'ар ал-'аджам). Пер. с персидского, введ. и коммент. Н. Ю. Чалисовой.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Глава I. Эпоха Кабира	9
Глава II. Легенды о жизни Кабира	13
Глава III. «Кабир грантхавали» и проблемы творческого наследия Кабира	19
Глава IV. Бхакти Кабира и его поэзия	30
Кабир. Грантхавали (Собрание)	39
1. Глава о Божественном гуру	40
2. Глава о поминании [имени Рамы]	43
3. Глава о разлуке [с Рамой]	45
4. Глава о разлуке со знанием	49
5. Глава о знакомстве [с Богом]	50
6. Глава о соке [Рамы]	54
7. Глава о безграничном	55
8. Глава о неизрекаемом	55
9. Глава об изумлении	56
10. Глава о достижении [Бога]	56
11. Глава о бескорыстной преданности	56
12. Глава о предостережении	58
13. Глава о душе	63
14. Глава об узком пути	66
15. Глава о неуловимом слиянии [с Божеством]	67
16. Глава о майе	67
17. Глава о нищенстве	70
18. Глава о слове без дела	72
19. Глава о деле без слов	72
20. Глава о чувственном муже	72
21. Глава о [состоянии] слияния со Всевышним	75
22. Глава об истине	75
23. Глава об [искоренении] заблуждения	77
24. Глава об обличье	78
25. Глава о дурном обществе	80
26. Глава о [благом] обществе	81
27. Глава о лжесвятых	81
28. Глава о святых	82
29. Глава о свидетельствах святости	83
30. Глава о хвале святым	85
31. Глава о срединном [пути]	86
32. Глава о постижении сути [Бога]	87
33. Глава о размышлении	87
34. Глава о наставлении	88
35. Глава о вере	89
36. Глава о распознавании Возлюбленного	91
37. Глава о безразличии	91
38. Глава о всемогуществе [Бога]	92
39. Глава о злословии	93
40. Глава о слове [истинного гуру]	94

41. Глава об умершем при жизни	94
42. Глава о лицемерии	96
43. Глава о поисках наставления учителя	96
44. Глава о нежности и любви	97
45. Глава об отваге	97
46. Глава о смерти	101
47. Глава о жизни	103
48. Глава об ослеплении	104
49. Глава о проницательности	105
50. Глава о рождении	105
51. Глава о милости и дружелюбии	106
52. Глава о прекрасной [возлюбленной]	106
53. Глава о мускусной антилопе	107
54. Глава о поношении	108
55. Глава о лишенных [благих] качеств	108
56. Глава о мольбе	109
57. Глава о свидетеле	110
58. Глава о лиане	110
59. Глава о неотделимом	111
Комментарий	112
Библиография	138
Summary	142

ВВЕДЕНИЕ

Глава I

ЭПОХА КАБИРА

Имя великого поэта средневековой Индии Кабира (1440—1518), выдающегося деятеля религиозно-реформаторского движения бхакти, «простого ткача из Бенареса», хорошо известно каждому индийцу, известно оно и за пределами Индии.

Жизнь каждого человека зависит от реалий времени, в котором он живет, от стереотипов современного ему мышления. Поэтому, чтобы правильно понять творчество Кабира, следует представить себе эпоху поэта, печали и надежды его современников.

Кабир жил в эпоху, когда Делийский султанат, бывший когда-то сильным государством, приходил в упадок. Надвигались смуты и беспорядки, а вместе с ними вечные спутники политической нестабильности — тревожные слухи, эпидемии, голод. Закат Султаната начался с падения Мухаммада Бин Туглака (1325—1351), недальновидного и жестокого властителя. Его преемнику, Фируз Шаху Туглаку (1351—1388), несмотря на попытки проводить более мягкую, гуманную политику, не удалось предотвратить бедствия, обрушившиеся на страну. Все это не могло не ослабить военную мощь Султаната. И поэтому, когда в Северную Индию в 1398 г. вторгся Тимур — Железный Хромец, делийские правители не смогли оказать ему достойного сопротивления. Дели был разграблен, жители его вырезаны, каждый шаг завоевателя сопровождался убийствами, насилиями, грабежами.

После ухода Тимура правление страной ненадолго захватили афганские династии Сайидов (1414—1450) и Лоди (1451—1526), власть которых реально ограничивалась только Дели и его ближайшими пригородами. Можно представить себе, в какой обстановке жили родители будущего поэта. Безумные прорицатели бродили из деревни в деревню, на дорогах кишели шайки разбойников, брахманы посылали «нечестивым» смертоносные проклятия, каждый маленький князек воображал себя владыкой Индии. Непрерывающимся гонениям подвергалась традиционная религия индусов: разрушались храмы и святыни, избивались брахманы, практиковалось насильственное обращение индусского населения в ислам.

Множество бедняков, в основном представители низших каст, принимали ислам, желая избавиться от имущественного и духовного гнета. Принимая веру Мухаммада, человек избавлялся от джизии, налога на иноверие, и из парии — представителя низшей касты — превращался в равноправного члена общества, так как ислам не знал кастовых различий. Целые поколения ткачей Северной и Восточной Индии, среди которых жили традиции сект натхов и сиддхов, не признававших ортодоксального индуизма, становились мусульманами.

Афганские правители, несмотря на попытки удержать власть в Делийском султанате, не смогли изменить ход истории. У порога уже стояли новые завоеватели — то были воины Бабура, Великого Могола из Ферганы. Судьбу преемника и сына Сикандара Лоди, Ибрагима Лоди, решила битва при Панипате, в которой Бабур одержал победу.

Более терпимая, тонкая и последовательная политика новых правителей изменила духовную атмосферу в Северной Индии. Отношения между хинду и мусульманами стали принимать мирный характер, между ними наступило известное взаимопонимание. В Индии в XV—XVI вв. возникает индо-мусульманская культура. Вполне естественно, что две великие культуры, вступившие в близкий контакт, должны были воздействовать друг на друга во всех областях — религиозной, философской, литературной, художественно-образительной. Многолетнее сосуществование ислама и индуизма обогатило эти разные культурные традиции во всех сферах жизни Индии той эпохи, что привело к возникновению интересного и своеобразного феномена культуры — индо-мусульманского синтеза [119, 137]. Движение бхакти («любовь к Богу») было одной из форм проявления этого синтеза. «В Индии мусульмане победили на политической арене, но в области культурной и духовной жизни победителями вышли и мусульмане и индусы, достигнув тесного и далеко идущего сотрудничества. Истинная история Индии в средние века — это история попыток синтеза и сотрудничества между индусами и мусульманами в тысяче областей. Сразу же на ум приходят имена Рамананды, Кабира, Нанака, Чайтаньи» [44, 22].

Учение бхакти зародилось в глубокой древности. Уже в упанишадах (важнейшей в философском отношении части ведического канона) мы можем проследить зарождающиеся элементы этой системы. Дорога к Божеству через любовь к нему и к каждому отдельному человеку — структурная основа индуистской этики. Бхакти — один из основных, практиковавшихся в индуизме способов постижения высшей истины и достижения освобождения, включающий путь знания — джнянамарга (jñā-

patānga), путь соединения — йогамарга (yogamārga) и путь преданности — бхактимарга (bhaktimārga). Последний предполагает установление эмоционального контакта верующего с Богом. Для бхакта необязательно знать священные тексты и совершать обрядовые действия, чтобы постигнуть Бога. В этом смысле путь бхакти оказывается наиболее открытым и демократичным [31]. Основное развитие концепции бхакти дает «Бхагавадгита», в центре этических проблем которой — пути спасения и освобождения души индивидуума с помощью бхакти. «Бхагавадгита» служит источником развития этого учения философами раннего и позднесредневекового периодов Индии.

Наиболее детально учение бхакти было освещено в трудах философов школы «адвайта-веданты», и в первую очередь Рамануджи, религиозного реформатора, жившего в XI—XII вв. на юге Индии. «Всеобъемлющей философии, которая отстояла права и обязанности свободной души, Рамануджа придал религиозную форму, что дало простор для выражения духовных эмоций. Идея бога, внутренне присущая помыслам и деяниям любого человека, открывала возможности безграничной терпимости, опрокидывавшей барьеры каст и верований» [28, 200].

Среди причин, вызвавших появление бхакти, можно назвать распространение в Индии буддизма, демократической направленности и этике которого не мог удовлетворить традиционный брахманизм с его громоздким культом жертвоприношений и каст. Возникла необходимость реформации, проводниками которой стали в VII—VIII вв. тамильские поэты-бхакты, последователем которых был ачарья Рамануджа. «Люди в сансаре, согласно доктрине этого философа, похожи на островитян, живущих, не замечая моря» [28, 633—34].

Основой поэзии, выражавшей идеи бхакти, явилась многовековая традиция почитания заступника простых людей, справедливого и любящего бога Вишну в двух его земных аватарах-воплощениях — пастуха Кришны и царя Рамы, о многочисленных и добрых деяниях которых рассказано в пуранах и мифах, а также в древнеиндийском эпосе «Рамаяна». В средние века поэты-бхакты, отказавшись во многом от канонов классической санскритской литературы, переосмыслили традиционные сюжеты мифологии, писали на народных языках.

В эпоху расцвета бхакти (XV—XVI вв.) поэтов привлекает не Кришна-царевич, а Кришна-пастушок, который выбирает себе в возлюбленные пастушку — Радху. Любовь Радхи к Кришне в этот период явилась нравственным идеалом бхакти, ибо она символизировала слияние человека со своим божеством. Культ любви к Кришне способствовал возникновению и расцвету трогательной и лиричной кришнаитской поэзии на

брадж, представленной знаменитыми поэтами-бхактами Сур Дасом (1478—1582), Мира Баи (1499—1547) и другими.

Среди движений вишнуитского бхакти большую популярность получает сагун-бхакти (почитание Бога в образах Кришны и Рамы) и особенно рамаитское движение, героем которого был Рама. Сказание о Раме широко распространено в Индии, пользуется огромной любовью народа. Вот почему идеология бхакти охотно обращалась к нему в целях пропаганды своего учения. Персонаж «Рамаяны» и многочисленных народных сказаний о Раме Вальмики был могучим, благородным и способным на великие подвиги героем древнеиндийского эпоса. С течением времени происходит постепенное обожествление Рамы, его наделяют сверхъестественными чертами и поступками. Впервые в «Вишну-пуране» (очевидно, IV век) четко фиксируется определение Рамы как аватары Вишну. Ярчайшим представителем рамаитского бхакти был великий поэт Тулси Дас (1532—1634).

Воззрения упоминавшегося выше Рамануджи оказали огромное влияние на развитие именно народного этического сознания в средневековой Индии. Это объясняется не только доступностью основных идей мыслителя, отсутствием эзотеризма в его требованиях к обыкновенному человеку, но и демократической, антикастовой направленностью религиозного учения.

Учение Рамануджи воспринял и развил индийский философ и проповедник Рамананда (1400—1470). Переселившись на север страны, он организовал религиозную общину «Рамананда-сампрадай», куда имели доступ все желающие, не исключая женщин. Рамананда учил, что все люди — индус или мусульманин, мужчина или женщина, пария или аристократ — достойны уважения и любви перед лицом единого Господа. Свое учение Рамананда распространял повсюду от юга до севера Индии — это придало новый импульс движению бхакти по всей стране.

Поэты-бхакты Южной, а потом и Северной Индии переходят на диалекты и народные языки, ставшие впоследствии национальными языками. Демократизация литературы неминуемо влекла за собой и демократизацию самого учения. Его все чаще начинали проповедовать представители не только брахманских, но и низших каст, основываясь не на традиционном авторитете, а на личном почитании. Среди них был Кабир — ткач, Раи Дас — сапожник, Нанак — торговец, Дхана — крестьянин из касты шудров и другие. В основе проповедуемого ими бхакти лежала возможность спасения путем любви и преданности Богу, которая противопоставлялась догме «джняны» — «знания» ортодоксального индуизма.

В этот же период (XV—XVI век) получает распространение и учение ниргун-бхакти, т. е. любовь к невоплощенному Богу — Абсолюту. Поэзия ниргун-бхакти примыкает к поэзии индийских суфиев и связана с учением религиозных сект натхов, сиддхов и тантрических буддистов, среди которых господствовала идея поклонения абстрактному Божеству, включающая отрицание внешней обрядности и ритуала.

Идея любви к Богу также нашла свое яркое проявление в суфийской поэзии XV—XVI вв. — в литературах урду, пенджабской, синдхи, кашмирской, персоязычной и др. Ортодоксальный ислам рассматривал связь души (духа) и Бога как отношения слуги и господина, и поэтому в основе религиозной этики лежала идея почитания, подчинения адепта божеству. Но поэты-суфии, провозгласив единство души человека с душой Господа, заменили категорию почитания аллегорической любовью противоположных полов: мужчины и женщины. В свою очередь, и исламский пантеизм оказал воздействие на поэзию бхакти. Таким образом, поэзия суфиев и бхактов развивалась и взаимобогащалась, и уже к XV в. формируется синтез индусских и мусульманских традиций, идей бхакти и суфизма. Подобное слияние двух различных традиций наблюдалось по преимуществу в демократической, близкой к народной, литературе, идейно не связанной с ортодоксальным индуизмом и исламом. Эстетическое приобщение человека к миру божественному духовно поднимало человека средневековой Индии, заставляло его задуматься над смыслом бытия, своего места и назначения на земле.

Поэзия ниргун-бхакти, вобравшая в себя гуманистические идеи философии веданты, демократическую идеологию сект сиддхов и натхов, идеи мистической любви суфизма, — явление глубоко народное, и в то же время синкретическое по своей сути.

Духовным центром ниргун-бхакти стал Бенарес (Каши), священный центр индуизма на берегу Ганги. Именно там, по преданию, жил и творил Кабир.

Глава II

ЛЕГЕНДЫ О ЖИЗНИ КАБИРА

Имя Кабира связано со множеством легенд. Согласно индуистской традиции¹, Кабир был сыном вдовы брахмана, которая,

¹ Первое известное нам письменное упоминание о Кабаре содержится в созданном около 1600 г. Набха Дасом стихотворном жизнеописании «святых» — «Бхакта мала» («Гирлянда бхактов»), а также в священной книге сикхов «Адигрантх» (1604 г.).

чтобы скрыть позор, бросила его на берегу Ганги, где его нашли ткач-мусульманин Ниру и его жена Нима. Они-то и взяли к себе на воспитание мальчика — будущего известного поэта. Существуют и другие версии, дающие совершенно удивительные и сверхъестественные сведения о его рождении. Однако имена Кабира и Рамананда всегда в них упоминаются рядом. Так, одно из преданий гласит.

Говорят, что однажды гуру Рамананд, проходя мимо озера Лахар Талаб (на окраине Бенареса), увидел странное сияние, исходящее от поверхности воды. Рамананд изрек, что такое сияние может исходить лишь от ребенка, которому суждено стать великим сантом (т. е. святым). Мусульманская чета ткачей — Ниру и Нима, пришедшие на берег озера, увидели прекрасного малыша, плававшего на листе лотоса. После некоторых сомнений они решили усыновить младенца, так как сами были бездетны. Ребенок изрек, что он послан семейству ткачей из-за благих деяний доброго Ниму в предшествующей жизни, и сам он явился в мир, дабы еще раз попытаться спасти человечество от нескончаемых страданий иллюзорного бытия — круга сансары.

А может быть, все случилось иначе, как сообщает другая легенда, основанная на мусульманской традиции². Один брахман привел к Рамананде свою дочь-вдову, и великий сант, несмотря на ее вдовство, предрек ей рождение сына. Вскоре у брахманки родился прекрасный мальчик, и она, боясь позора, отнесла младенца на берег озера Лахар Талаб и оставила его там. Проходившие мимо Нима и Ниру взяли подкидыша на воспитание. Чтобы наречь ребенка, они пригласили кадия (мусульманского богослова). Кадик открыл Коран и нашел там сразу четыре имени: Кабир, Акбар, Кибра и Кибулия, все они означают «великий» и служат только для прославления величия Господа. Кадик казалось невероятным назвать сына бедняков-ткачей таким возвышенным именем. Он стал перелистывать Откровение в поисках иного имени, но, увы, везде он читал: Кабир, Акбар, Кибра и Кибулия. Ниру, приемный отец ребенка, был очень смущен, но мальчик утешил родителя, сказав, что происходит не от грешной плоти, а от света божественного.

Существуют легенды о том, как уже в юности Кабир снова

² К литературе биографического жанра мусульманской традиции может быть отнесена компиляция Парамананда Даса из Фирозпура «Кабир мансур», написанная первоначально на урду (ок. 1880 г.), а в 1903 г. изданная в переводе на хинди. На это произведение в немалой степени опираются позднейшие канонические жизнеописания Кабира. Одним из таковых является «Кабир касаути» («Пробирный камень Кабира»), изданное в 1886 г. и вскоре получившее широкую популярность.

встретился с Раманандой. Учитель обычно спускался к Гангу до восхода солнца, чтобы помолиться и совершить омовение. Кабир знал об этом и искал подходящего случая встретить Рамананду. Однажды с раннего утра он лег на одну из ступеней спуска к реке в ожидании Рамананды. Когда Рамананда спускался, он наткнулся на распростертое тело Кабира, не заметив его в темноте. Учитель в испуге вскрикнул: «Рам! Рам!». Гуру таким образом освятил его божественным именем. Так Кабир стал учеником Рамананды.

Кабир был достойным учеником и вскоре сам достиг просветления и смог проповедовать истину. Тема истинного учителя занимает едва ли не центральное место в творчестве поэта, который на собственном опыте познал, как много значит порой одно слово мудрого гуру. Недаром в его сборнике «Кабир грант-хавали» специальный раздел «О Божественном учителе» (вполне в согласии с традицией и его собственным мироощущением) начинается следующими словами: «Кто может быть тебе родней, чем истинный гуру? Ни один дар не сравнится с духовной чистотой!» (1.1). Далее он говорит о решающем повороте в его жизни, связанном с учителем-наставником в вере:

Я шел путем, [проложенным] людьми и Ведами.
[Но] впереди встретился [мне] истинный гуру и дал
[мне] в руки светильник.
[Истинный гуру] дал светильник [знания], наполненный
маслом [любви], фитиль которого никогда не сгорит
(1.11 и 1.12).

Кабир не стал, как его учитель, странствующим вероучителем, он пытался претворить свои идеалы любви в повседневную жизнь.

Согласно преданию, у Кабира было двое детей — Камал и Камали, мальчик и девочка. Легенда гласит, что однажды Кабир вместе с шейхом Такки сидел на берегу Ганги. Вдруг он увидел тело мертвого ребенка, плывущее по реке. Кабир вытащил ребенка и оживил его. Шейх был ошеломлен и сказал: «Ты совершил сегодня камал (чудо)». На что Кабир ответил: «Что ж, пусть дитя носит имя Камал».

В тридцать лет Кабир женился второй раз. Согласно легенде, однажды в лесу он набрел на хижину бедного аскета и встретил там молодую девушку. Девушка спросила у незнакомца, как его зовут, какой он касты и какого вероисповедания. На все вопросы Кабир отвечал кратко: Кабир. Девушка была изумлена ответом и вежливо предложила Кабиру сесть. Тем временем в хижину забрели несколько садху³, и хозяйка при-

³ Садху (sādhu), букв. «прямой, правильный» — подвижник, аскет.

нялась угощать всех молоком. Однако Кабир не притронулся к молоку, сказав, что сейчас придет еще один святой. Такое благородство поразило девушку, и она поведала Кабиру, что ее спас бедный садху, вытащив из реки завернутой в одеяло, почему она и получила имя Лои, что означает «одеяло». Кабир полюбил Лои, и она стала его второй женой.

Но и Лои было трудно жить с Кабиром, который почти все свое добро раздавал людям. Обычно в доме поэта собиралось множество отшельников, они беседовали о Боге, о предназначении человека и цели его жизни на земле, и Лои видела только, что они едят их скудный хлеб, и, с ее точки зрения, эти бритоголовые⁴ не только лишали ее общества любимого мужа, но и «выстригали» достаток из их дома. Однако, несмотря на домашние трудности и бедность, Лои, подобно многим индийским женщинам, чтילה своего мужа и слушалась его во всем.

Однажды Кабир попросил Лои приготовить угощение для святых, которые в очередной раз должны были навестить его. Но в доме, на беду, не было ни денег, ни провизии. Тогда Кабир послал Лои к бакалейщику попросить еды в долг. Бакалейщик же, очарованный красотой молодой женщины, пообещал дать ей вдоволь продуктов, если она останется у него на ночь. Лои вернулась домой и все рассказала мужу. Кабир велел ей согласиться на условия бакалейщика. Провизия была доставлена, и Лои накормила святых отменными кушаньями. Кабир сдержал слово: ночью, в ужасный ливень, он завернул жену в одеяло, взвалил ее на плечи и понес торговцу. Когда бакалейщик увидел Лои сухой, он спросил: «Каким образом тебе удалось пройти по улице в такой жуткий ливень, не намочив одежды?» Лои рассказала, что муж ее Кабир сам принес ее в дом торговцу, накинув на нее одеяло, и сдержал тем самым данное слово. Бакалейщик был смущен и бросился в ноги Кабиру, вымаливая прощение. Таков был этот поэт и проповедник, удивлявший и восхищавший окружающих его людей.

Разумеется, такой человек, как Кабир, не мог спокойно жить и проповедовать. Он был обречен на преследования властителей и клевету завистников. Однажды к султану Сикандару Лоди явилась толпа врагов Кабира — и мусульман, и хинду. Они шли средь бела дня с пылающими факелами и кричали, что все царство пребывает во мраке из-за гнусной проповеди Кабира, который не уважает ни одной из религий и сам полагает себя Брахманом и Великим Учителем. Разгневанный султан призвал Кабира, но тот не спешил предстать пред грозные очи владыки, заявляя, что для него Государь — один лишь Рама.

⁴ Аскеты либо выбривали себе голову наголо, либо, наоборот, отращивали косу.

Когда наконец поэт был доставлен во дворец, Сикандар Лоди спросил его: «Отчего не боишься ты моего гнева, почему не пришел по первому зову?» — «Я смотрел чудный спектакль», — отвечал ему Кабир. «И что же ты видел?» «Я видел часть мира сквозь игольное ушко, чрез которое прошли тысячи верблюдов и слонов». «Ты лжешь!» — воскликнул разгневанный султан. «Знаешь ли, Владыка, — отвечал Кабир, — как велико расстояние меж землей и раем? Знаешь ли ты, о Шах, сколько живых существ разгуливает по этим просторам? И меж тем все они отражаются в глазах Верного. Разве глаз санта не похож на игольное ушко?» Сикандар Лоди, сраженный мудростью поэта, отпустил его с миром.

Однако шейх Такки, придворный султана, был раздосадован успехами Кабира при дворе и не переставал оговаривать поэта перед своим властителем. Он утверждал, что бенаресский проповедник сеет смуту и искушает как хинду, так и мусульман, и, полагая себя воплощением Божества, впадает в оскорбительную для Аллаха ересь. Особенное недовольство окружающих вызывало то, что Кабир не желает жить ни как хинду, ни как мусульманин, но утверждает, что Бог обитает в каждом сердце. Мало того, он, бедняк, человек презренной касты, называет себя Кабир-Великий, хотя так приличествует называть только Бога или падишаха.

Сикандар Лоди снова призвал к себе поэта-ткача и спросил его: «Каково твое настоящее имя, работник?» Кабир ответил: «Имя мое — Великий, имя мое — во всех трех мирах, вода, воздух и времена года — все это Я. Я — создатель Вселенной». Султан растерялся. Такого ему еще не доводилось слышать. И, чтобы впредь более никому не повадно было воображать себя создателем Вселенной, он приказал заковать Кабира в цепи, привязать ему на шею камень и утопить в Ганге, что и было исполнено. Возликовали враги Кабира, когда он исчез под водой, а ученики санта зарыдали, заламывая руки. Но через мгновение люди на берегу застыли от изумления: они увидели Кабира сидящим на оленьей шкуре посредине реки и плывущим против течения.

Тогда враги Кабира потребовали, чтобы поэта сожгли. Султан уступил. Кабира посадили в железную клетку и разожгли огонь. Но пламя не достигало святого, и он ежился от прохлады. «Он колдун, чародей и маг, он в сговоре с нечистой силой», — возопили завистники пророка. Султан испугался и велел, связав по рукам и ногам новоявленного мага, бросить его под ноги разъяренному слону. Слон, однако, даже не приблизился к Кабиру. Взбешенный султан сам уселся на слона и двинулся на несчастного поэта. Однако Кабир, сколь ни плачевно

было его положение, нисколько не испугался, а слон, приблизившись к пророку, опустился на колени. Тогда уж и Сикандар Лоди, испугавшись, пал пред Кабиром ниц и разрешил поэту расправиться с его врагами по собственному усмотрению. Но, дабы подобное не повторялось впредь, властитель изгнал поэта из Бенареса, приговаривая: «Так будет спокойнее». Легенды о взаимоотношениях Кабира и султана близки к различным сказаниям о пророках и святых, которых толпа, побивая камнями, влечет на суд властей. Здесь хочется упомянуть известные библейские истории Исхода из Египта, суда над Иисусом, Иоанном Крестителем и другие, указав лишь на то, что Христос отказался творить чудеса во свое спасение, в чем и видели богословы источник его спасительной миссии. Очевидно, существует некий общий для всех культур сюжет, по которому строятся легенды о взаимоотношениях святого и власти⁵.

Согласно традиции, Кабир жил 119 лет, 5 месяцев и 27 дней и ушел из жизни в 1518 г. в местечке Магхар, недалеко от Горахпура. По преданию, все, умершие в Магхаре, обретают спасение. Когда Кабир почувствовал приближение смерти, он стал собираться в Магхар. Весь город был охвачен печалью, и люди просили святого не уходить из Бенареса. Однако Кабир ответил, что каждый должен умереть там, где ему должно, а тот, кто расстается с жизнью в Магхаре, будет жить вечно.

Ученик Кабира раджа Бир Сингха, узнав о том, что учитель идет в Магхар, собрал свое войско и пошел навстречу гуру. Правитель Магхара, мусульманин Биджли Хан, тоже с нетерпением ожидал прихода Кабира.

Сант пришел в Магхар в сопровождении тысяч своих последователей и учеников, рыдавших и посыпавших голову пеплом. Кабир поселился в маленькой хижине на берегу реки Ами. Войдя в нее, он приказал принести ему два покрывала и цветы лотоса, велел закрыть за ним дверь и оставить его в покое. Однако скоро вломился раджа Бир Сингха и стал умолять уважаемого учителя дать разрешение после его смерти совершить обряд по всем законам индуистской религии, т. е. предать тело огню. Но тут же явился мусульманский наваб Биджли Хан и возопил: «Похоронить учителя по индийскому обряду! Лучше все мои воины полягут костями на этой земле! Я похороню учителя, как заповедал пророк Мухаммад». Несчастный Кабир, почувствовав, что ученики готовы схватиться за оружие и пролить кровь не только свою, но и двух армий, воскликнул: «Будьте

⁵ Близки эти легенды и к сюжетам «житийной» литературы Индии. Так, в «Житиях 84 вишнуитов» рассказывается о достойном поведении Сур Даса при встрече с падишахом Акбаром.

осторожны! Не обсуждайте между собой этот вопрос и не беритесь за оружие!»

Ученики, пристыженные, удалились. Когда, спустя некоторое время, люди вошли в хижину, они не обнаружили тела Кабира. На смертном одре лежали лишь два покрывала с разбросанными на них цветами. Индусы взяли одно покрывало с цветами и предали кремации, а пепел сохраняют и по сей день в резиденции секты кабирпантх (Бенарес). Второе же покрывало мусульмане захоронили в Магхаре. Впоследствии там были выстроены два белоснежных надгробия: одно индусское, другое — мусульманское.

Легенда гласит, что уже после смерти Кабир являлся своим ученикам. Однажды он показался в Матхуре, где проповедовал ученику по имени Ратна, появлялся он и перед Дхармой Дасом в Бандогархе, где рассказывал обо всех обрядах, которые надлежит выполнять адептам секты кабирпантх. Кабир рассказывал своему ученику о грядущих поколениях его преемников и предостерегал их от Калиюги, т. е. века зла и насилия.

Учение Кабира получило дальнейшее развитие после его смерти. Можно выделить три традиционных типа интерпретации идей поэта, что нашло отражение в сектах кабирпантх, дадупантх и сикхской.

Глава III

«КАБИР ГРАНТХАВАЛИ»

И ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ КАБИРА

Важнейшей проблемой в изучении творчества Кабира оказывается определение аутентичности произведений, ныне функционирующих под его именем, и выделение из всей массы распространенных по Северной Индии в устной или письменной форме версий подлинных сочинений Кабира.

Проблема эта не нова. Она возникла вскоре после того, как пробудился литературоведческий интерес к Кабиру, и исследователям литературы хинди стало известно большое число ходящих под его именем произведений. Так, Кшитимохан Сен из «наследия Кабира» признает подлинно таковым лишь то, что передается изустно, и скептически относится к стихам, зафиксированным в рукописях [106]. Правда, трудно согласиться с его незыблемым доверием к устной традиции. Вряд ли можно полагать, что изустная передача могла быть настолько точной, чтобы сохранить в неизменности на протяжении четырех с лишним столетий форму стихов Кабира. Кроме того, и при поверхностном ознакомлении этот материал обнаруживает некоторые

явные лингвистические анахронизмы (обстоятельное его филологическое, и в частности историко-лингвистическое, исследование остается пока делом будущего). Мотивированные сомнения в аутентичности письменного наследия Кабира высказывают и авторы первых монографических исследований его зафиксированного в рукописях творчества: Г. Весткотт [122, 46] и Айодхьясинх Упадхьяй (Хариаудх) [57, 30—40]. Впоследствии эти сомнения становятся обычными для любого критически настроенного исследователя, однако, поскольку глубокое текстологическое исследование наследия Кабира сделало пока лишь первые шаги¹, до окончательного решения проблемы еще далеко.

УСТНАЯ И ПИСЬМЕННАЯ ТРАДИЦИИ

Все наследие Кабира членится по способу его передачи на два основных раздела: устную традицию и письменную традицию². К устной традиции относятся в первую очередь те стихи и гимны поэта, которые бытуют в среде его религиозных последователей — членов секты кабирпантх, число которых в начале нашего века перевалило за миллион человек, и передаются ими изустно из поколения в поколение. Сюда же следует отнести те стихотворные афоризмы, изречения и наставления, которые распространились далеко за пределами секты в широчайших массах крестьянского населения Северной Индии и в какой-то мере сомкнулись с фольклором. Такие произведения обычно весьма невелики по объему (преобладающую долю их составляют двустушия), но многочисленны.

В письменную традицию включаются те обозначенные именем Кабира творения, которые либо были зафиксированы до начала текущего столетия в виде отдельных произведений, или в собраниях речений Кабира (например, «Биджак»), или в смешанных сборниках типа канонизированных священных книг того или иного религиозного течения или секты (например, «Адигрантх»), либо они входят в состав коллекций морально-этических наставлений (например, «Сабад-салок»), литературных антологий и т. п., а также различных «житий», «бесед» и прочих традиционных жанров дидактических компиляций. Объем подобной лите-

¹ Имеется в виду упомянутая выше работа Параснатха Тивари [67, 30].

² Термин «традиция» мы вынуждены употреблять в двух значениях: в широком — при противопоставлении устного и письменного способов передачи творений Кабира («устная традиция», «письменная традиция») и в более узком, в основном для различения религиозно-сектантских течений и школ, канонизировавших и письменно фиксировавших ту или иную часть наследия Кабира («традиция кабирпантх», «сикхская традиция» и др., см. ниже).

ратуры достаточно велик. Одно лишь бенаресское общество «Нагари прачарини сабха» выявило среди обнаруженных в течение полувека (1901—1949) рукописей 140 различных произведений и сборников, приписываемых Кабиду (в это число, разумеется, не включаются отдельные стихи типа «сакхи» и «пада») [58, 23—25].

Строго говоря, различие двух названных традиций чисто условное. Если согласиться с общепринятым традиционным представлением, что Кабир был неграмотен (а опровергать это у нас нет достаточных оснований), что его изречения и песни были записаны его учениками и последователями, причем нередко посмертно, придется признать принадлежность всего творческого наследия Кабира к устной традиции. В то же время едва ли правомерно исключать возможность влияния на современную устную традицию передачи творений Кабира традиции письменной, подобно тому как иногда в фольклоре наблюдается обратное воздействие литературных вариантов сказочных сюжетов на живое народное творчество. Таким образом, суть различия между устной и письменной традициями сводится к чисто хронологическому аспекту — к тому, когда были письменно зафиксированы устные в своей основе произведения. Естественно при этом, что уверенность в подлинности того или иного произведения должна быть тем больше, чем раньше оно зафиксировано, т. е. чем меньший промежуток времени отделяет момент его записи от момента создания. При передаче из уст в уста представителями неграмотного или малограмотного и к тому же многодиалектного населения Северной Индии образцы «устной традиции» неминуемо должны были претерпевать определенную трансформацию под влиянием естественного языкового развития, затронувшего за истекшие четыре с лишним столетия некоторые стороны как звуковой, так и смысловой структуры стиха. Кроме того, нельзя недооценивать и субъективные факторы, ведущие к искажениям в передаче наследия Кабира.

Следовательно, первоочередной задачей исследователя становится выявление и изучение старейших рукописей, содержащих произведения Кабира. Число же датированных рукописей невелико и большинство их относительно поздние, а о времени составления большей части существующих сборников можно судить преимущественно лишь по косвенным данным. В этих условиях важнейшее значение приобретает кропотливая текстологическая работа: всестороннее внутреннее исследование сохранившихся текстов и их сопоставление между собой. Первым этапом на этом пути должна быть классификация источников и общая оценка их значения для восстановления подлинных произведений Кабира.

ТРАДИЦИЯ ДАДУПАНТХ И «КАБИР ГРАНТХАВАЛИ»

В среде дадупантхов — приверженцев учения Даду (1544—1603), одного из последователей Кабира, — особенным авторитетом пользуется собрание творений пяти средневековых поэтов-сантов, известное под названием «Панч-вани» («Пять голосов»). Это собрание имеет хождение только в рукописном виде и распространено главным образом в Раджастхане. Оно состоит из пяти последовательных частей, каждая из которых содержит творения одного из авторов — Даду, Кабира, Намдева, Райдаса и Харидаса.

Часть, принадлежащая Кабиру, составляет около одной седьмой сборника. Она включает произведения трех типов — сакхи, пады и рамайни, объединенные в соответствующие разделы. Все рукописи имеют аналогичное строение, хотя могут разниться между собой редакцией, числом и порядком включаемых в них стихов.

К традиции дадупантх относится и известное собрание «Кабир грантхавали», представляющее собой, как это показал на основе тщательного сопоставления Параснатх Тивари [67, 12, 55], соответствующую часть «Панч-вани». Особенности опубликованных в «Кабир грантхавали» произведений не выходят за рамки обычных расхождений между рукописными сборниками «Панч-вани».

Вошедшее в научный обиход собрание рукописей восходит к XVIII — началу XIX в. Только две рукописи определялись как более ранние, но их датировка сомнительна. Первая из них — основная рукопись «Кабир грантхавали» (так называемая рукопись «Ка»), в колофоне которой в качестве даты переписки указан 1561 г. викр. (1505 г. н. э.). Однако колофон этот — явно позднейшая приписка. Как показывает приводимое Шьям-сундаром Дасом фотографическое воспроизведение последней страницы рукописи [58, 9], колофон отличается от основного текста не только общим характером почерка, но также особенностями начертания некоторых буквенных сочетаний и орфографией ряда слов.

Сомнения в подлинности сведений, сообщаемых колофоном, и правомерности выведенного из них Шьямсундаром Дасом заключения о том, что данная рукопись представляет собой прижизненный вариант собрания творений Кабира, высказываются почти всеми индийскими и европейскими исследователями, обращавшимися впоследствии к этому вопросу. Предлагая различные соображения по поводу возможной датировки рукописи, они соглашались в том, что она принадлежит к числу старейших известных рукописей данной традиции, если не является дейст-

вительно самой старой из них. Характерно, что по объему включаемого материала она представляет наиболее распространенный тип рукописей (табл. 1), в частности, по составу и расположению стихов ей очень близка джайпурская рукопись 1831 г. в.кр. (1775 г. н. э.) [67, 56—57].

Старейшей, известной в традиции дадупантх рукописью Параснатх Тивари считает рукопись из частной коллекции Пурохита Харинараяна (Джайпур), датированную 1715 г. в.кр. (1659 г. н. э.) [67, 87]. Колофон и здесь приписан другим почерком, но те сведения (к сожалению, неполные) о ее составе, которые дает Параснатх Тивари [67, 59—60], позволяют считать, что она представляет более старый по сравнению с рукописью «Ка» вариант сборника.

Общее представление о составе известных рукописей рассматриваемой традиции может дать табл. 1³.

Данные таблицы свидетельствуют о любопытной закономерности: объем ранних сборников обычно меньше, чем поздних. Исключение в этом ряду представляют две рукописи: № 4 — фиксирует возрастание числа сакхи и № 3 — возрастание числа падов. Увеличение числа падов в рукописях № 6 и № 7 непоказательно, так как они не имеют точной датировки и их место в таблице определено условно. Оптимальный объем первого раздела — около 810 сакхи (точнее, от 807 до 812); только в рукописи № 4 и в совсем поздних (с 1824 г. н. э.) объем начинает приближаться к 900 и даже превышает эту цифру. Объем второго раздела — 384 или 386 (387) падов; в более поздних рукописях он возрастает до 404 (401—407), и только три рукописи дают серьезные отклонения от этих цифр вверх (423—№ 3) и вниз (343—№ 1 и 324—№ 8). Правда, полного совпадения оптимальных цифр для сакхи и падов мы не наблюдаем — они сходятся здесь в семи случаях (из десяти возможных). Раздел рамайни наиболее стабилен.

Следует иметь в виду, что при увеличении объема поздних рукописей происходит не только простое добавление новых сакхи и пад, но и их частичная замена. Как показывает сопоставление, произведенное Параснатхом Тивари, рукописи одинакового объема тоже могут отчасти различаться составом и порядком стихов. Однако в целом такие расхождения незначительны, и даже в самых очевидных случаях они затрагивают не более 10—15% входящего в сборник материала [67, 55—65].

Входящие в сборник сакхи организованы тематически и распределены по соответствующим разделам, число которых обыч-

³ Составлена по описаниям, сообщаемым Параснатхом Тивари, Парашурамом Чатурведи, и изданию Шьямсундара Даса.

Таблица 1

№ пп	Датировка визр./в.э.	Количественный состав			Коллекция
		сакхи	пады	рамай- ни	
1	1715/1659(?)	ок. 800	343	7	Пурохит Харинараян (Джайпур)
2	1768/1702	тот же (?)			Даду-махавидьялай (Джайпур)
3	1741/1685	702	423	7	Пурохит Харинараян
4	1771/1715	884	387	7	Нагари праচারини сабха (Бенарес), № 1409
5	1797/1741	810	386	7	та же; № 1406
6	1561/1505(??)	809	403	7	та же; № 108 (рукоп. «Ка», изд. «Кабир грантхавали» Ка- бир-мандир (Джайпур)
7	нет	810	404	7	—
8	1831/1775	811	324	7	—
9	1831/1775	807	385	7	Даду-махавидьялай
10	1836/1780	810	384	7	Нагари праচারини сабха № 1708
11	1841/1785	810	384	7	Даду-махавидьялай
12	1847/1791	810	386	7	та же
13	1854/1798	810	384	4	"
14	1866/1810	910	401	8	"
15	1872/1816	812	384	7	Нагари праচারини сабха № 1407
16	нет	886	384	7	Даду-махавидьялай
17	1880/1824	890	386	7	та же
18	1880/1824	917	407	8	"
19	1881/1825	921	404	8	Нагари праচারини сабха, № 109 (рукоп. «КХа» изд. «Кабир грантхавали»)
20	1885/1829	915	404		та же; № 1329

но близко к шестидесяти (в издании «Кабир грантхавали» — 59). Перечень этих разделов не только дает более детальную картину состава сборника, но и позволяет составить некоторое представление о шкале духовных ценностей в понимании последователей Кабира.

Описанное издание Шьямсундара Даса является единственной публикацией рукописей собрания Кабира в традиции дадупантх. Вышедшее впервые в 1928 г. и неоднократно переиздававшееся, оно послужило основой для всех дальнейших исследований данного сборника произведений Кабира. Благодаря этому собрание Кабира в традиции дадупантх получило обиходное название «Грантхавали», которое нашло широкое распростра-

нение. Все современное изучение наследия Кабира опирается, таким образом, на две рукописи коллекции «Нагари праচারини сабха». Единственный известный нам пример привлечения к исследованию и других рукописей дает критическое издание Параснатха Тивари.

Публикации Шьямсундара Даса обязаны своим появлением последующие издания «Грантхавали» с переводом-толкованием на современном хинди [59]. На этой же публикации основывается выполненный Шарлоттой Водевиль французский перевод той части «Грантхавали», в которую вошли двустихия (сакхи) — первый перевод данного собрания на европейский язык [95, 96].

В 1982 г. выходит интереснейшее издание Шарлотты Водевиль [97], представляющее собой сведенные воедино из разных публикаций поэтические произведения Кабира. Издание «Кабир-вани» («Речения Кабира») снабжено небольшим предисловием и таблицами конкордаций (соответствий), а также списком изданий Института французской индологии. Прежде всего хотелось бы отметить фундаментальность и актуальность издания. Дело в том, что вплоть до настоящего времени в Индии не существует единого принципа текстологической работы, в связи с чем многочисленные публикации произведений средневековых авторов иногда не удовлетворяют требованиям, предъявляемым к подобным изданиям. Сказанное относится к публикациям не только Кабира, но и других авторов, таких, как Сур Дас, Мира Баи, Раскхан и др.

Текстологическая работа осложняется неопределенностью датировки многочисленных рукописей и антологий, отсутствием авторской рецензии и неясностью степени аутентичности приписываемых автору строк. Даже наиболее полное издание, с обширным исследованием, предпринятое известным индийским текстологом и литературоведом Параснатхом Тивари в 1961 г., по мнению Ш. Водевиль, не достигло в полной мере целей реконструкции оригинального текста Кабира из-за методологических просчетов [97, 21—22].

«Кабир-вани» Ш. Водевиль базируется на трех изданиях текстов, приписываемых Кабиду; в качестве основной единицы сравнения и сопоставлений фигурирует издание Параснатха Тивари, затем следует «Кабир грантхавали», изданный Шьямсундаром Дасом, и, наконец, произведения Кабира из священной сикхской книги «Адигрантх», или «Гуру грантх сахиб»⁴. Все эти издания относятся к «западной» традиции, как ее называет Шарлотта Водевиль, поскольку в их основу положены рукописные рецензии, распространенные в Северо-Западной Индии,

⁴ Текст «Адигрантх» после его завершения гуру Арджуной в 1604 г. был канонизирован и во всех публикациях остается неизменным.

преимущественно в районах Раджастхана и Пенджаба. Именно в этих районах с XVI в. появились секты, так или иначе связанные с учением Кабира, такие, как дадупантх и ниранджани в Раджастхане и сикхов в Пенджабе. Известно, что ткач Кабир считается в индийской традиции родоначальником ниргун-бхакти и связан с наиболее демократическим направлением этого религиозно-реформаторского движения⁵.

Помимо изданий и рукописей, относящихся к «западной» традиции, существуют и такие, которые Шарлотта Водевиль, относя к «восточной» традиции, не использует в своем издании. Одно из самых популярных изданий произведений Кабира, каким является публикация Тивари, включает в себя рассмотрение рукописей «восточной» традиции, в том числе знаменитого сборника «Биджак». Поскольку именно «Биджак» является наиболее чтимым произведением Кабира в секте кабирпантх, он привлек особое внимание западных миссионеров и индийских христиан. Представлялось, что ниргун-бхакти Кабира где-то сближается с христианским монотеизмом и соответственно могло быть использовано в миссионерской практике [121]. Именно это обстоятельство было причиной того, что первые переводы Кабира на английский язык были сделаны в конце XIX в. с «Биджака» [112]. Начиная со 2-й половины XIX в. по семидесятые годы XX в. Параснатх Тивари насчитал свыше 30 публикаций (без учета переизданий) этого сборника. Наиболее употребительным и общепризнанным считается «Биджак», изданный в 1950 г. Хандасом Шастри и Махавиром Шастри [55].

В основе «Биджака» лежат понятия «семя», «зерно», «клад», что приверженцами сект Кабира толкуется как «клад сокровищ, истины», «зерно учения» и т. п. Запись «Биджака» приписывается ученику Кабира по имени Бхагван Дас, который со слов учителя сам стал проповедовать его учение. Сборник «Биджак» не имеет критического издания, удовлетворительного с научной точки зрения. Шарлотта Водевиль не включила «Биджак» в издание «Кабир-вани», поскольку он был отнесен составителем к «восточной рецензии». Однако в конечном списке соответствий этот сборник соотнесен с «Кабир грантхавали» и «Адигрантхом» [97, 452—9].

Публикация текстов Кабира делится на три части в соответствии с поэтической формой стиха. В первой части помещены так называемые сакхи Кабира, встречающиеся в издании Шьям-сундара Даса, Тивари и в «Адигрантхе». Сакхи-двустушия могут объединяться с другими, по теме схожими, стихами. Так, на-

⁵ В настоящее время в Индии продолжают существовать секты ниргун-бхакти кабировского толка, например кабирпантх (в Бенаресе и Раджастхане), дадупантх в Раджастхане и др.

пример, в «Кабир грантхавали» Тивари таких разделов насчитывается 59; сюда входят такие, как «Раздел о гуру», «Раздел о любви»⁶, «Раздел о жизни», «Раздел о рождении», «Раздел об истине», «Раздел о размышлении» и т. п. Причем в рукописях и разных изданиях под одним тематическим названием может объединяться разное количество двустийши-сакхи, и строки этих двустийши могут также различаться. Так, «Раздел о любви» в издании Тивари будет значиться под номером 12, а у Шьямсундара Даса — под номером 6, не говоря уже о том, что в издании Тивари на два сакхи больше.

Внутри этого тематического раздела порядок сакхи в разных редакциях также изменен, однако первая строка одинакова: «Кабир Хари рас йон пийа, баки рахи на тхаки» — «Кабир выпил столько амриты любви Хари, но не устал». Однако далее в этом разделе идут разные варианты не только порядка сакхи, но и порядка слов внутри них [97, 420—39]. Так, в КГ1⁷ заключительное двустийши: «Сабей расайан мэн кийа» — «Я упивался всеми чувствами» имеет в КГ2 другую вариантную форму при общем сохранении смысла, однако стоит в этом разделе не как последнее, а как второе. Совершенно очевидно, что название раздела связано с его первой строкой, где присутствует ключевое к данному разделу слово «раса», и именно это слово обыгрывается затем с позиций бхакти, повторяясь в самых разных формах и сочетаниях⁸.

Однако в других разделах эти принципы названия раздела не будут выдержаны. Например, первый раздел, открывающий обе публикации КГ1 и КГ2, будет иметь лишь немного различающиеся названия: «Сатгуру махима кау анг» (КГ2) и «Гурудэв кау анг» (КГ1), т. е. «О Божественном гуру», но первая строка и первый сакхи будут различаться в обоих изданиях «Кабир грантхавали» и в разных рецензиях. Создается впечатление, что объединение сакхи в разделы, порядок их внутри раздела, наконец, порядок слов и форм внутри сакхи носят довольно свободный характер.

Второй раздел публикации Шарлотты Водевиль составляют так называемые пады. Под падами Кабира (соответствующими, по мнению Водевиль, шлокам в «Адигрантхе») подразумеваются сравнительно небольшие лирические гимны — стихотворения

⁶ У Кабира есть слово «раса» (rāsā), которое имеет много значений в зависимости от контекста («любовь», «сок», напиток бессмертия — «амрита», «нектар», «эмоция» и т. д.). Очень важно подчеркнуть вариантность данного термина у Кабира. «Раса», взятая из санскритской поэтики, в поэзии бхакти приобретает особое значение (см. [50; 67; 68; 82; 96]).

⁷ КГ1 и КГ2 — сокращенные наименования изданий Шьямсундара Даса и Параснатха Тивари [36].

⁸ См. примеч. 6.

Кабира, редко превышающие четыре—пять строф. Стихотворная форма пад являлась наиболее распространенной в поэзии бхакти. Так, «Океан поэзии» Сур Даса — это очень большой сборник падов, имеющий определенную композиционную структуру лишь в главе о Кришне [36].

Следует отметить, что пады Кабира — типичные образцы философской лирики бхакти. Примером может служить цикл падов, озаглавленных в КГ2 «прем» — любовь, посвященный бхакти — любви к Богу. Он открывается падом «Дулхини гаваху манглачар» — «Пою благословение невесте» [97, 118; 225]. В нем речь идет о душе Кабира, любящей Бога, как невеста жениха, и ожидающей соединения с ним в браке. Подобная аллегория «душа-невеста, Бог-Супруг» была распространена во многих религиях. В бхакти отношение к Богу как к возлюбленному считалось высшей ступенью поклонения и называлось «мадхурьябхав», т. е. любовное чувство женщины к возлюбленному⁹. Известно, что знаменитый проповедник и основатель вишнуитского бхакти Чайтанья, современник Кабира, практиковал именно состояние «мадхурьябхав». Опыренный любовью к Раме, Кабир использует характерные для любовной лирики образы типа «Ты сеть, а я рыба, ею пойманная», «Ты клетка — я птица», но завершает раздел двустиише в духе бхакти — «Ты — истинный гуру, я — твой ученик». Деление на тематические разделы для падов в разных изданиях и рукописных рецензиях нехарактерно. Однако в КГ2 такие разделы есть, например: прем («любовь»), садху махима («величие садху»), парачай («знакомство»)¹⁰, майя¹¹, каруна винати («моление о сострадании»), Кал («время»), Рам-ниргуна, Сатгуру махима («величие божественного гуру») и др. Большинство падов этих разделов имеются и в КГ1, и в «Адигрантхе».

Наименьшую, третью, часть издания Ш. Водевиль составляют так называемые рамайни Кабира. Рамайни — более крупная по сравнению с сакхи и падами форма стихотворений Кабира. Обычно рамайни содержит от двух до двенадцати строк, и в одной рамайни может быть несколько чаупаи (четверостиший) и дох (двустииший). Некоторые рамайни состоят из ста с лишним строк и представляют собой небольшую поэму. Эта фор-

⁹ В соответствии с «Нарада бхакти сутрой» Шандильи бхакти — любовь к Богу для бхакта (приверженца учения) обретает разные формы: низшая ступень поклонения-любви — это любовь к Богу как к господину, затем приятель товарища к другу, потом чувство любви матери к ребенку и наивысшая ступень — это отношение к Богу как к возлюбленному см. [54, 75 и др.].

¹⁰ Имеется в виду знакомство с учением бхакти.

¹¹ Майя, или иллюзия, — философско-религиозное понятие, в соответствии с которым земной мир представляется лишь иллюзией (см. также Комментарий).

ма не встречается в «Адигрантхе», зато имеется в «Биджаке» (84 рамайни).

Сравнение трех приводимых Ш. Водевилем изданий КГ1, КГ2 и «Адигрантха» позволило ей сделать предварительный вывод о первоначальном составе поэтического наследия Кабира в «западной традиции». При дальнейшей работе с таблицей взаимоперекрестных сопоставлений может быть составлен корпус из наиболее часто встречающихся падов, сакхи и рамайни Кабира. Последняя таблица соответствий включает соотношения КГ2, «Адигрантха» и «Биджака», что существенно дополняет наше представление о взаимосвязях западных и восточных рецензий. В конечном итоге Ш. Водевиль не учитывает сравнений с КГ1 (т. е. изданием «Кабир грантхавали» Шьямсундара Даса), признавая его включенным в КГ2 (т. е. издание Тивари).

Во второй том «Кабир-вани», по словам Ш. Водевиля, будут добавлены сопоставления и соответствия переводов Кабира на английский язык и таблица соответствий между падами и рамайни. Во втором томе Ш. Водевиль намерена также представить аннотированный перевод 165 падов из 200 (из КГ2), при этом будут учитываться соображения аутентичности и будет дана тематическая классификация. Несомненно, изданием этого тома, вкупе с рассмотренным здесь, с учетом переводов Кабира на английский язык в 1974 г. Ш. Водевиль в известной степени завершит многолетнюю исследовательскую работу.

В заключение хотелось бы высказать еще несколько соображений. Подход Ш. Водевиля к исследованию творчества Кабира, учитывающий необходимость систематизации, классификации и обобщения опыта работы с рукописными рецензиями и изданиями индийских ученых, представляется совершенно справедливым. Даже критикуя индийских литературоведов и текстологов за нечеткую методологию, мы в конечном итоге пользуемся плодами их трудов. Выявление первоначального состава творческого наследия таких индийских поэтов, как Кабир, Сур Дас, Мира Баи и других, связано с трудностями, вряд ли до конца разрешимыми. Этому препятствует ряд факторов, среди них отсутствие прижизненных авторских рукописей¹², существование множества произведений, приписываемых этим авторам в системе разных традиций, разных сект, сфер бытования и т. п. Причем в этом безбрежном море текстов отмечается нечто об-

¹² Обычно самые «ранние» рецензии, обнаруженные в настоящее время, состоят на 70—80 лет от условных дат жизни поэта. Так, например, считающаяся самой старой рукопись Кабира под названием «К» (по Шьямсундару Дасу, датируемая началом XVI в.) теперь относится к XVII—XVIII вв. Самая ранняя рукопись Сура Даса датируется XVII в., Мира Баи — концом XVII в. и т. п.

шее — чем дальше отстоит время написания рукописи от времени жизни автора, тем более ее объем¹³. Сложность решения данной проблемы усугубляется тем, что сочинения поэтов-бхаггов во многом и сейчас сохранились в «живом бытовании», в естественной связи со сферой культуры и быта.

Поэзия Кабир?, как и Сура Даса, функционирует в Индии на разных уровнях: во-первых, как поэзия сакральная, которая исполняется (поется) во время богослужений; во-вторых, как поэзия народная, которая выступает в роли народной песни, и, наконец, в-третьих, как собственно поэзия, изучаемая в школах, колледжах и университетах. В процессе длительного исторического функционирования поэзия бхагги лишь со второй половины XIX в., времени просветительства, стала изучаться в Индии с научных позиций. Что касается неоднозначности взаимодействия поэзии Кабира с сознанием и оценкой людей различных эпох, то это представляется закономерным явлением в процессе осмысления и переосмысления лучшего из культурного наследия прошлого. С течением времени все яснее становится роль Кабира в системе культурных общечеловеческих ценностей.

Глава IV

БХАКТИ КАБИРА И ЕГО ПОЭЗИЯ

В поэзии Кабира ярко проявился индо-мусульманский синтез. Признание им возможности для каждого человека личного общения с Божеством фактически отрицало правомерность кастовых и имущественных привилегий, уравнивало всех людей перед лицом единого Бога.

Наследник еретических идей натхов и сиддхов, Кабир отвергал святая святых ортодоксального брахманства — Веды и пураны. Не принимал он обряды и обеты как индусов, так и мусульман. «Обряды, обеты, священные книги — все это ложь, истинный Бог не в храме, а в сердце человека», — говорил Кабир. Поэт не раз в своих произведениях называет себя ткачом и неустанно повторяет, что он не индус и не мусульманин. Мятежные проповеди поэта восстановили против него брахманов, мулл, дервишей, лжесвятых, йогов. По наущению богословов различных толков Кабир был изгнан из родного Бенареса правителем Дели Сикандаром Лоди. Об этом в народе живет много легенд и преданий.

Однако демократическое религиозно-философское мировоз-

¹³ Например, рукописи Сура Даса XVII в. содержат не более 500—800 падов, а XIX в. — 3000; то же самое — и с текстами Мира Баи и Кабира.

зрение Кабира не могло, естественно, уложиться в прокрустово ложе еретической секты сиддхов и натхов. Кабир преобразовал и развил учение и догматику своих предшественников. В первую очередь это относится к выбору способа общения с Божеством и пути достижения слияния с Ним, что составляет краеугольный камень учения бхакти Кабира. Натхи и сиддхи разработали сложную систему физических упражнений, целью которых было достижение психического состояния («сахадж»), ведущего к достижению истинного знания. Основатель секты натхов Горакх выступал против идолопоклонства и кастовых различий, придавая особое значение чистоте духа и воздержанию. Его этическая практика основывается исключительно на йоге, а преданность Богу и любовь к Нему, т. е. собственно бхакти, не играет в его учении никакой роли. Учение о йоге требовало от адепта долгой и сложной тренировки. Йогические упражнения для натхов явились одной из форм отмежевания от ортодоксальных догм как индусов, так и мусульман.

Для Кабира получившая столь широкое распространение в народных массах подобная этическая практика Горакха была неприемлема. Он, как и другие поэты-бхакты, отвергал подобный метод учения. Путь к спасению Кабир видел не в соблюдении обрядов и изощренных физических упражнениях, а в духовной чистоте, искренней любви к Божеству; именно его личность находилась в центре внимания Кабира. Отказываясь от внешних проявлений богопочитания, Кабир отдаляется от йогов, а признание опыта единения и возможности созерцания Бога, основанного на любви, — «прем-бхакти», приближается к учению суфиев и бхактов-вишнуитов.

Принимая концепцию Бога как абстрактной субстанции, Кабир отвергает имена божеств, которых воспевали сиддхи и натхи, — Шиву и Шакти. Лексика поэта, относящаяся к имени Божества, характеризуется свободным чередованием и разнообразием терминологии разных школ и религиозно-философских учений. Так, синонимами имени Бога у него служат обращения к Вишну: Рам, Хари, Гобинд, Кешав, Мурари и т. п. Богу как Высшей действительности он дает имена, заимствованные из ислама, например: Аллах, Кхуда (Кувва), Рахим, Эмир, Пир. Другие имена восходят к традициям веданты: это Алах, Ниракар, Ниргун, Анант, Брахман, Тат, Атма, Пуруш, Ап, Кевал, Сар. В качестве прочих имен используются Гьян («Мудрость»), Пура («Полнота»), Ек («Единство»), Сат («Истина»), Амрит («Бессмертие»), Джьёти («Свет»), Ниранджан («Чистота») и Сатгуру («Совершенный гуру») — два последних из традиции натхов.

Если в традиции хатха-йога эти понятия трактуются как

состояние, то у Кабира они являются синонимами Бога. Но каким бы именем ни нарек поэт своего Бога, для него Он всегда остается Единственным, непознаваемым, присутствующим в любой частице сущего. Идея любви к Богу, являющаяся стержнем мистических мотивов в поэзии Кабира,—это любовь отца к сыну, матери к ребенку, супруги к своему возлюбленному. Бог обитает в душе каждого человека, независимо от касты и веры,—все равны перед Ним. В своей поэзии Кабир показывает необходимую, с его точки зрения, модель поведения для верующего, цель которого — соединение с Божеством. Следование бхакти — единственный и верный путь к этой цели,—неустанно утверждает Кабир. Но поэт-бхакт постоянно подчеркивает трудности этого пути, ибо обязательное условие бхакти — отказ от мирских страстей — доступен не каждому. Постоянное поминание и прославление имени Бога устами и в сердце своем — вот проявление любви к Богу.

Опираясь на поэтическую традицию натхов и сиддхов, Кабир разработал свою систему образов, свой язык «кода» — «сандхья бхаша» [81, 96]. Ученые по-разному трактуют тайный смысл слова «сандхья». Одни предлагают толковать его как «сумерки», т. е. намек на истинный смысл бытия, колеблющийся между светом и тенью. Другие толкуют слово «сандхья» как «символ». Истоки жанра «языка тайны», языка символов и намеков — стихов-перевертышей, стихов-парадоксов, загадок — следует искать в недрах народного языка, в фольклоре [68; 81; 96]. Шуточные и забавные на первый взгляд стихи Кабира вводят нас в непростой мир религиозно-философских символов и ассоциаций поэта. В стихах-небылицах, как в зеркале, отражается несправедливый и уродливый мир железного века Кали.

Кабир, умело используя возможности жанра, стремился к эмоциональности и емкости своих произведений, широко привлекая традиционные и новаторские изобразительные средства. Разнообразие приемов и образная сила аргументации отвечали проповедническим целям, которые стояли перед Кабиром, но, помимо того, свидетельствуют о его незаурядном поэтическом таланте. В отличие от «темных» и непонятных образов и символов йоги натхов и сиддхов Кабир использовал в качестве символов обыкновенные, повседневные предметы, которые сопутствовал людям в их каждодневной жизни. Таким образом, самые сложные и глубокие религиозные и духовные идеи становились для человека близкими и узнаваемыми. Для выражения гаммы чувств и эмоций Кабир умело использует образы животного и растительного мира Индии.

Любовь Господа к человеку — любовь коровы к своему теленку; преданность адепта Раме — привязанность собаки к

своему хозяину; объятый гордыней дух — бешеный слон; душа, находящаяся в иллюзорном мире бытия, — олень, лань; душа истинного бхакта — лебедь, дерево сандала; заблудший человек — глупая цапля, сухое бревно; невежда, не обладающий знанием о Господе, — мотылек, летящий на пламя светильника; добродетельный человек — пчела; разделенность душ человека и божественной — птицы чатрик и чакви; разлука с Рамой — змея; лотос — Рама; символ гордыни — бамбук и пальма; горчичное зерно, муравей — обозначение мизерности и т. д.

Наряду с собственно индийскими образами флоры и фауны поэт использует символы, пришедшие из персидской, суфийской поэзии. Необычайно в этом плане содружество розы и пчелы: «тело — цветок розы, душа — пчела».

Повадки и привычки животных, качества, которыми обладают различные растения, служат для поэта благодатным материалом для отображения тончайших человеческих эмоций и чувств.

Чтобы передать бренность человеческого существования, особенности духовного мира, поисков и интересов человека, Кабир часто ссылается на атрибуты различных профессий, бытовавших в средневековой Индии. Многие образы поэта ассоциируются с его собственной профессией: ткачество, окраска, ткани, полотно. Истинная любовь к Всевышнему — дорогое полотно. Мысль о том, что человек сам вершит свою судьбу-карму (в широком ее понимании), подкрепляется образом нити, которую прядут на веретене. Нерадивость грешника и его невежество — это загрязненная ткань. В изречениях Кабира содержатся намеки на торговлю вразнос, ростовщичество, наказание должника, попавшего в бедственное положение и не отдавшего свой долг вовремя. Все это превращается в символы регистрации высшими силами всех поступков, совершаемых человеком в течение жизни, на основе которых решается его дальнейшая судьба, согласно мусульманской и индуистской традициям. Благая деятельность истинного гуру — духовного наставника, который дает своему ученику подлинное знание истины и ведет к спасению, ассоциируется с трудом шлифовальщика и кузнеца. С простым каменщиком и состоятельным купцом связан у Кабира образ Всевышнего, который, согласно религиозно-философской концепции Кабира, является создателем микро- и макрокосмоса. Любящий бхакт соотносится с образом ювелира, знатока драгоценностей, с тонким ювелирным делом.

Следующая цепочка символов связана с воинской доблестью, владением холодным оружием. Истинный гуру — воитель, лучник, метнувший в своего ученика слово-наставление, метафорически передается Кабиром словом «стрела». Труднодоступный

путь любви к Раме сравнивается в поэзии Кабира с острым лезвием, а достичь его можно с помощью меча. В ряде изречений истинный бхакт является олицетворением смелого, отважного воина-героя, который сражается на поле брани мирской жизни со своими страстями и привязанностями. В этом плане интересен и своеобразен образ сати — верной жены, которая, овдовев, заживо предаёт себя огню и её хоронят вместе с мужем.

Разбойники с большой дороги, мелкие воришки, негодяи, мошенники, обманщики и всякого рода преступники ассоциируются у Кабира с дурными человеческими страстями, покорение которых необходимо для бхакта, чтобы достичь желаемого единения с Божеством. Здесь религиозные воззрения Кабира тесно смыкаются с этическими проблемами духовного очищения индивидуума и тем самым создания гармоничного и идеального общества.

Игра в кости, проституция, процветающая на «открытом базаре», соотносится с майей — мирским бытием. Все это отображается поэтом в особой, характерной только ему манере — саркастической, резкой, беспощадной и в то же время с глубокой горечью и сожалением.

Широко представлены Кабиром образы и символы, связанные с различными реалиями человеческой жизни, домашнего обихода, близкими и знакомыми ему с детства. Так, для обозначения идеи бренности и преходящего характера земного бытия поэтом обыгрываются различные качества сосуда из глины. Кабир не осуждает мирскую жизнь и не проповедует полный аскетизм и бездействие, как того требовало учение йогов секты натхов. Напротив, поэт призывает познавать Бога в труде: «Чисты [помыслами], кто работает; не трудясь, не станешь чистым. [Но] те люди уничтожают себя, которые в мирских делах не размышляют о Боге» (12.21).

Поэт рассматривает рождение человека как исключительно благоприятный случай, который более не повторится, поэтому в этой жизни человек обязан творить добро путем любви к Богу, чтобы прервать цепь перерождений, несущих с собой неизбежное горе и страдание: «Не просто родиться человеком — не станешь им в новом рождении. Так плод, созрев, падает на землю [и] не может снова прорасти» (12, 34).

Образ светильника используется Кабиром в трех аспектах: 1) светильник — знание, т. е. духовное прозрение; 2) светильник — майя, мирское бытие, в огне которого сгорает человек; 3) светильник — бренное человеческое тело. Под лодкой — каменной, ветхой, сделанной из бумаги, — подразумевается мирская жизнь, полная различных прегрешений. Вместе с тем лод-

ка и плот — символы имени Рамы и любви к Нему. Топор — дурные поступки, совершаемые человеком; соломенная занавесь — символ майи; точильный камень — разлука с Господом; музыкальные инструменты, кукла, надутая воздухом, сравниваются с человеческим телом.

Образы, связанные с украшениями, драгоценностями: жемчужное ожерелье, нанизанное на тонкую нить; драгоценная жемчужина; бесценный драгоценный дар, алмаз, тилак трех миров — символы Божества, так же как синдур — символ любви к Раме.

В поэзии Кабира мы находим образы, отражающие и деревенский уклад жизни, нескончаемые заботы индийского крестьянина: орошение, возделывание, посев, сбор урожая. Механическое приспособление для подъема воды из колодца или реки в виде колеса с черпаками, персидское колесо-нория, которое постоянно вращается и символизирует сансару, в которой беспомощная душа переходит из одного тела в другое. Сильное и плодородное зерно, которое следует посеять и оросить, символизирует имя Рамы; съеденный птицами урожай, который не охранял сторож, соотносится с земными страстями, уничтожающими в душе человека любовь к Всевышнему.

Таков далеко не полный перечень образов и символов Кабира, взятых из повседневной жизни средневековой Индии.

Особое место в творчестве Кабира занимает лирическая символика любви, связанная с разлукой («вираха») ¹. Концепция разлуки, в основе которой лежит идея страстного желания соединиться с Божественной душой, нашла яркое отражение в поэтической традиции бхактов и суфиев. Тема разлуки, отделения имеет свою историю в лирико-романтической поэзии древней и средневековой Индии. Это чувство, как правило, испытывает женщина. Она описывается в стихах Кабира как «вирахини» — женский символ души-супруги, которая отделена от своего супруга и ждет мистического соединения с ним [53, 335]. Кабир, как и поэты-суфии, подчеркивает единство разлуки и любви, их неразделимость, стремление одного раствориться в другом. И в этом проявляется общность концепции любви Кабира и суфийской лирики. В то же время песни любви и разлуки у Кабира связаны с фольклорной песенной традицией народов Северной Индии и особенно с народными песнями Раджастхана [96, 146, 7]. Поэзия Кабира, питаясь корнями народной фольклорной мудрости, сливается с ней воедино, обогатив ее своим неординарным и оригинальным видением мира.

¹ *Вирах* — концепция, которая существовала еще в санскритской поэзии.

Известно, что Кабир не получил традиционного образования: «не прикасался к чернилам и бумаге», — как говорится в одном из его стихотворений. Он ткал свое полотно и распевал свои стихи-наставления повсюду, где он бывал. Традиция говорит о том, что Кабир много путешествовал по стране, общался с разного рода святыми, вероучителями — как индусами, так и мусульманами. Он участвовал в философско-религиозных диспутах, выходя из них всегда победителем. И, конечно, от суфийских поэтов Кабир слышал имена и стихи таджикско-персидских поэтов-классиков Рудаки, Саади, Хафиза, Омар Хайяма и своего современника Джами. Идея любви к Богу, призыв к единению с Ним являлись основным положением бхакти и суфизма в период средневековья как в Индии, так и в Персии.

В Иране, Средней Азии и в Индии в XIII—XV вв. наблюдается значительное сходство в исторической и культурной жизни. Подъем народных движений, усиление внимания поэтов к человеческой личности находили выражение в еретическом оппозиционном суфизме в Иране и Средней Азии и бхакти в Индии. «Из всех стран Востока, принявших Коран, наиболее чуткой к этому учению оказалась Персия, о чем явно говорит ее литература: целые плеяды писателей и, главным образом, поэтов своими высокохудожественными произведениями не только развили до совершенства и укоренили учение на своей родине, но непосредственно вынесли его далеко за ее пределы» [14, 3].

Идея равенства людей перед лицом единого Бога нашла благоприятную почву в Индии. Признание возможности для каждого человека общения с Божеством подрывало один из основных устоев ортодоксального индуизма, состоящий в том, что кастовая принадлежность человека — это следствие его кармы («воздаяния за поступки»). Общечеловеческим, гуманистическим содержанием, свойственным возрожденческому характеру творчества как Саади и Руми, с одной стороны, так и Кабира — с другой, объясняется единство их идей, которое выражается в так называемом индо-мусульманском синтезе Кабира.

Квинтэссенцию концепций Кабира и Руми составляет идея любви к Богу, любви равной и всеобъемлющей: «Я нахожусь, о чудо, в сердце верующего, если взыскуешь меня — в сердце ищи, оно вмещает и величие престола Божьего, и его проявление», — учил Руми².

По учению Руми и Кабира, истинная вера заключается не в строгом соблюдении религиозных обрядов и предписаний, а в

² Шафаг М. История литературы Ирана. Тегеран, 1948, с. 136.

очищении сердца. «Кааба,—учил Руми,—находится не в Мекке, а в собственном сердце»³, Кабир изрекал: «Шейх, если ты лишен смирения, зачем идешь в хадж к Каабе; как найдет (Бога) тот, у кого сердце не стойко в вере?» [11, 185].

«Слушай, подруга,—говорит Кабир,—то ли моя душа находится в Милом, то ли Милый в моей душе. Я не различаю души и Милого: что в моем сердце — душа или Милый?» [58, 200].

Под мистической оболочкой у Кабира часто выражена вполне определенная идея создания общества справедливости. Основой этого общества должно стать не только чувство «бхакти», но и «прем» — взаимной любви всех людей.

Кабир и Руми отвергают религиозную исключительность и хинду, и мусульман: «Умирая, хинду зывают: „Рам!“ Мусульмане — „Кхуда!“ Говорит Кабир: „Тот будет всегда жив, для кого оба имени значат одного Бога“» (31.7).

В этом и перекличка двух поэтов. Руми писал: «Как часто бывает, что два тюрка чужды друг другу. Как часто бывает, что тюрок и индеец единодушны. Значит, дело не в общем языке: единодушные дороже единопознания»⁴.

А спустя два столетия Кабир говорит: «На Востоке живет Хари, и на Западе обитель Аллаха. Вглядись в свое сердце, там ты найдешь и Карима и Раму. Откуда пришли хинду и мусульмане? Кто повел их разными дорогами?» [58, 202]

Эта гуманистическая направленность, звучащая так актуально в наши дни, делает творения Кабира бессмертными.

Гафурова Н. Б., Сазанова Н. М.

³ Там же, с. 125.

⁴ Там же, с. 142.

ГРАНТХАВАЛИ

(СОБРАНИЕ)

1. Глава о Божественном гуру¹

1.1. Кто может быть тебе родней, чем истинный гуру? Ни один дар не сравнится с духовной чистотой.

Кто тебе ближе, чем Хари²? Нет касты, подобной касте хариджана³.

1.2. Я приношу себя в жертву моему гуру, не раз отдам [свое] тело [Тому], кто из человека превратил [меня] в Бога, не помедлив ни мгновения.

1.3. Величие истинного гуру бесконечно, бесконечны его благодеяния.

Он открыл [мне] глаза на бесконечное, он показал Бесконечного⁴.

1.4. За имя Рамы взамен [мне] нечего дать.

Чем обрадовать гуру? Вот желание, которое [терзает] мою душу.

1.5. Я приношу себя в жертву истинному гуру, свидетель [этого] — мое сердце.

Калиюга⁵ [тщетно] борется со мной, потому что твердо мое решение.

1.6. Истинный гуру взял лук [знания] и начал пускать стрелы⁶ [наставлений].

Одна, которую он послал с любовью, осталась внутри [моего] тела.

1.7. Истинный гуру, настоящий воитель, метнул [в меня] одно-единственное слово.

Как только оно коснулось [меня], в сердце [моем] открылась рана.

1.8. Истинный гуру с силой пустил стрелу, крепко держа лук [в руке].

Она опалила мое обнаженное тело, словно вспыхнул лесной пожар⁷.

1.9. Не смеется, не говорит, душа парализована.

[Говорит] Кабир: оружие истинного гуру глубоко проникло [в меня].

1.10. Я стал немым, безумным, уши [мои] стали глухими.

Перестали двигаться ноги, словно у паралитика, когда истинный гуру пустил стрелу.

1.11. Я шел путем, [проложенным] людьми и Ведами⁸.
[Но] впереди встретился [мне] истинный гуру и дал
[мне] в руки светильник⁹.

1.12. [Истинный гуру] дал светильник [знания], напол-
ненный маслом [любви], фитиль которого никогда не сгорит.
Кончил я торговать, больше не пойду на базар¹⁰.

1.13. [Свет] знания вспыхнул, [когда] встретился гуру:
никогда не отделяйся от него.

Когда Гобинд¹¹ оказал милость, тогда встретился
гуру.

1.14. Кабир: встретил прославленного гуру — соль смеша-
лась с мукой¹².

Все исчезло: каста, род, семья. Как назовешь меня
теперь?

1.15. Если учитель слеп, [то] ученик [и] вовсе слепой.
Когда слепой ведет слепого, оба они падают в ко-
лодец.

1.16. Не встретил [истинного] гуру, не стал [знающим]
учеником — корысть повела [здесь свою] игру.

Оба утонули в потоке, забравшись в каменную лод-
ку¹³ [неведения].

1.17. Возжены шестьдесят четыре¹⁴ светильника при че-
тырнадцати лунах¹⁵.

Но какой же лунный свет может быть в доме¹⁶, где
нет Говинды?¹⁷

1.18. Чтобы разогнать темноту ночи, светят восемьдесят че-
тыре лакха лун¹⁸.

С большим трудом [ты] родился [человеком], но все
равно не обрел [истинного] зрения.

1.19. Какое счастье, что [я] встретил гуру: иначе бы погиб.
Как мотылек¹⁹, который летит на пламя светильника,
пропал бы, все созная.

1.20. Майя — светильник²⁰, человек-мотылек, кружась во-
круг [пламени], падает в него.

Говорит Кабир: благодаря знанию, [полученному от]
гуру, спасаются немногие.

1.21. Что делать бедному гуру, если ученик бестолков?

Пытаться его пробудить — то же самое, что играть
на бамбуковой свирели²¹.

1.22. Сомнение²² поглотило весь мир, но никто не поглотил
сомнение.

Только тот, кто пронзен словом гуру, поглотил со-
мнение.

1.23. Восседая на чауки²³, истинный гуру наградил [меня] стойкостью.

Освободясь от страха и сомнения²⁴, Кабир поминает только [Бога].

1.24. Если душа погрязла в заблуждениях, какой толк, что ты встретил истинного гуру?

[Если] ткань загрязнена²⁵, что может сделать бедная красная краска?

1.25. Тонул [я], но спасся, волна [озарения] от гуру²⁶ вынесла [меня].

Увидев, что лодка дырявая²⁷, [я] тотчас покинул ее.

1.26. Гуру и Гобинд — едины, [но] формы [их различны]. [Только] уничтожив свое «Я» [и как бы] умерев при жизни²⁸, обретешь Творца.

1.27. Кабир: [тот, кто] не встретил истинного гуру, остался недоучкой.

Приняв обличье аскета, просит милостыню, [ходя] от двери к двери.

1.28. Истинный гуру — настоящий воитель, [как] кузнец, он [кует] раскаленное железо.

Он очищает его и делает [подобным] золоту²⁹, огнем выявляя его сущность.

1.29. Нашел опору, обрел стойкость, истинный гуру придал мне смелости.

[И] на берегу озера Мансаровар³⁰ Кабир сторговал Алмаз³¹.

1.30. С нетленным Сокровищем соединил [меня] истинный гуру, твердый, терпеливый.

Многие хотели бы обрести [такое Сокровище]³², но Кабир [ни с кем] не делится.

1.31. Игральная доска³³ раскинута на перекрестке между верхом и низом базара³⁴.

[Говорит] Кабир: о слуга Рамы, думай, играя, о святом.

1.32. Схватив игральную кость любви [к Раме], превратил тело в доску [для игры].

Истинный гуру обучил игре Кабир даса³⁵.

1.33. Истинный гуру оказал милость — открыл мне тайну. Из облака любви полил дождь, наполнились любовью члены моего [тела].

1.34. Кабир: облако любви излилось на меня.

Душа [моя] пропиталась влагой, и все зазеленело в лесу моего [тела].

1.35. [Я] познакомился с Господом³⁶ — Он все печали мои прогнал.

Душа моя стала чистой, поэтому я стал вечным слугой [Всевышнего].

2. Глава о поминании¹ [имени Рамы]

2.1. Кабир: я постоянно повторяю, слушайте все:

Произносите [имя] Рамы, [от этого вам] будет благо, иначе блага не будет.

2.2. [Говорит] Кабир: [я] уже говорил; это говорили Брахма и Махеш².

Имя Рамы — сущность сущего: всем даю [такое] наставление.

2.3. Истинная реальность — тилак³ трех миров⁴, а имя Рамы — суть его.

Бхакт⁵ Кабир поставил [тилак] себе на лоб и стал беспредельно красив.

2.4. Бхакти⁶ и бхаджан⁷ — вот имя Рамы, все другое — бесконечная скорбь.

Суть [всего] — поминание [Всевышнего] в мыслях, в словах [и] делах, — о Кабир!

2.5. Кабир: суть [всего] — поминание [Всевышнего], все остальное — [пустые] хлопоты.

Все обискал везде и всюду — вокруг одна смерть.

2.6. Одна забота [у бхакта] — имя Хари, иных забот нет у слуги.

Все заботы, кроме [как забота о] Хари, — силки смерти.

2.7. Пятью чувствами [бхакт] повторяет: «пиу», «пиу»⁸, а шестое⁹ — душа, которая поминает [имя Рамы].

Когда дождь Свати¹⁰ излился на [раковину] Кабира, тогда [он] получил жемчуг Рамы.

2.8. Моя душа поминает имя Рамы, моя душа [слилась] с душой Рамы.

Теперь моя душа стала Рамой, перед кем теперь склоню [свою] голову?

2.9. Повторяя «Ты», «Ты», я стал Тобою — во мне не осталось [моего] «Я».

Я жертвую и жертвую собою [ради Тебя], куда ни посмотрю — везде Ты.

2.10. Кабир: без страха¹¹ поминай [имя] Рамы, пока в светильнике есть огонь¹².

[Когда] кончится масло [и] светильник погаснет, будешь спать дню и ночью.

2.11. Қабир: что ты делаешь, спящий¹³? Почему, пробудившись, не поминаешь Мурари?¹⁴
Еще день — и ты расстанешься с жизнью.

2.12. Қабир: что ты делаешь, спящий? [Почему], пробудившись, не поглядишь [вокруг]?
Почему отделился [от Господа]? Вернись [к Нему].

2.13. Қабир: что ты делаешь, спящий? [Почему], пробудившись, не рыдаешь от горя?
Как может спокойно спать тот, чье жилище — могила?

2.14. Қабир: что ты делаешь, спящий? [Пробудись и] прославляй Гобинда.
Яма¹⁵ стоит у изголовья [и] мало-помалу пожирает [свою жертву].

2.15. Қабир: что ты делаешь, спящий? [Пока] спишь, терпишь урон.
[Даже] Брахма сдвинулся [со своего] места, услышав шаги смерти.

2.16. Зови: «Кешав»¹⁶, «Кешав», не [трать] попусту [время на] сон.
[Если] будешь звать день и ночь, когда-нибудь [он] услышит [твой] зов.

2.17. В тех сердцах нет любви, ни сока¹⁷ любви, [кто] языком не произносил [имя] Рамы.
Те люди напрасно пришли в этот мир.

2.18. Қабир: не вкусил любви, а если и вкусил, то не познал ее вкуса.
[Такой человек, словно] гость в пустом доме, — как пришел, так [и] ушел.

2.19. Раньше [в прошлых рождениях], накопив дурные деяния, завязал узелок с ядом¹⁸.
[Но] миллионы дурных деяний¹⁹ исчезнут в одно мгновение, [когда] придешь в убежище Хари.

2.20. Миллионы дурных деяний исчезнут в один миг, едва лишь [уста] помянут имя Хари.
[Но] добрые дела, накопленные в течение веков, бесполезны без [имени] Рамы²⁰.

2.21. Кто на сколько познал Хари, на столько [и] получил пользы.
Росой жажды не утолишь, пока не войдешь в воду.

2.22. Оставив любимого Раму, поклоняется другим [божествам].

[Такой человек] подобен сыну падшей женщины. Кому [он] может сказать: «отец»?

2.23. Кабир: тверди сам [имя] Рамы и вели другим повторять его.

[А если кто] не произносит [имя] Рамы, снова и снова настаивай, чтобы твердили.

2.24. Как в душе поселил майю²¹, так же посели [и] Раму. Оставив мир, иди туда, где [обитает] Кешав²².

2.25. Можешь грабить — грабь, [если] добыча — имя Рамы. Иначе потом пожалеешь, [когда] оставишь это [человеческое] тело.

2.26. Можешь грабить — грабь сокровищницу имени Рамы. [Иначе] смерть схватит тебя за горло, [и] десять дней²³ окажутся закрытыми.

2.27. Долог путь, далек дом, дорога опасна, [на ней] много разбойников²⁴.

Скажи, сант²⁵, как добиться недоступного видения Хари?

2.28. [Когда ты] славишь достоинства [Рамы], рвутся мирские пути; [почему] не твердишь имя Рамы в разлуке [с Ним]?

[Если] день и ночь не размышляешь о Хари, [то] как достигнешь труднодоступного соединения [с Ним]?

2.29. Кабир: немалое это искусство — [всей душой] помнить имя Хари.

[Это все равно, что] балансировать на острие кола: свалишься — не уцелеешь.

2.30. Кабир: размышляй о Раме, вслух повторяя мантру²⁶. Не забывай океан Хари, увидев много небольших прудов²⁷.

2.31. Кабир: радуй Раму, воспевай амриту²⁸ [Его] достоинств.

Соединись [с ним так], как скрепляют [между собой] кусочки сколотого драгоценного камня.

2.32. Кабир: душа вздрогнула [от страха], увидев со всех сторон огонь [чувственных желаний].

[Взяв] в руки кувшин поминаний Хари, скорей за-туши [его].

3. Глава о разлуке¹ [с Рамой]

3.1. Супруга, которая разлучилась [со своим Возлюбленным], всю ночь плачет, словно кундж² по своим птенцам.

Кабир: душа сгорела дотла, страдает несчастная, покинутая.

3.2. Кундж взывает с жалобой к небу: все озера наполнились [водой] после грозы³.

Каково же положение тех [людей], которые отделились от Гобинда?⁴

3.3. Чакви⁵, разлучаясь на ночь [со своим супругом], встречается [с ним] утром снова.

Тот, кто разлучен с Рамой, не встречается [с Ним] ни днем, ни ночью.

3.4. [Тому, кто разлучен с Рамой], нет счастья ни днем, ни ночью, нет счастья [и] во сне.

Кабир: [тому, кто] разлучен с Рамой, нет счастья ни под солнцем, ни в тени.

3.5. Супруга, которая разлучилась [со своим Возлюбленным], стоя на обочине, обращается к путнику:

Скажи [хоть] одно слово о [моем] Возлюбленном: когда [Он] вернется [ко мне]?

3.6. Много дней я смотрю на дорогу, о Рам, ожидая тебя.

[Моя] душа жаждет встречи с тобой, нет душе покоя.

3.7. Супруга, которая разлучилась [со своим Возлюбленным], [горя желанием] увидеть [Его], падает [от усталости] и снова встает.

[Если ты] покажешься [мне] после [моей] смерти, то какая польза от этой встречи?

3.8. Если встретимся после смерти, о Рама, то что пользы от этого, о Рам? — говорит Кабир.

[Когда] все железо изотрут о камень, то какая польза от параса?⁶

3.9. Беспокойство [мое] не развеется от [одной только] весточки.

[Оно] развеется [только тогда], когда Хари придет ко мне, или я пойду к Хари.

3.10. [Я] не могу прийти к Тебе [и] не могу позвать Тебя: Вот так [Ты] возьмешь [мою] душу и сожжешь в огне разлуки.

3.11. Сожгу это тело и сделаю сажу, как только дым поднимется к небу⁷.

Может, [тогда] Рама окажет милость и, пролив дождь, погасит огонь [разлуки].

3.12. Сожгу это тело, сделаю [из него] чернила [и] напишу имя Рамы.

Из костей [своих] сделаю перо, [чтобы] написать [послание] Раме.

3.13. Кабир: боль мучительна, [эта] боль не покидает тело. Всепоглощающая боль любви ранила мое сердце.

3.14. Рана разлуки мучает [меня] и терзает все тело.
[Это] понимает тот, кто метнул [стрелу], и тот, кто страдает.

3.15. [Истинный гуру], взяв [в руки] лук, натянул [тетиву] и пустил стрелу.

[Она] глубоко вошла в [мое] тело — [теперь я не знаю], жив [я] или мертв.

3.16. Когда [истинный гуру], натянув [тетиву], послал [стрелу], тогда я получил знание [о Всевышнем].

Она пронзила мое сердце и принесла мучительные страдания.

3.17. Стрела, которую послал [истинный гуру] вчера, осталась в моей душе.

Ту же стрелу пошли и сегодня — без этой стрелы [я] не постигну истины.

3.18. В [моем теле] поселилась змея — разлука⁸, не действуют [на нее] никакие молитвы.

Разлученный с Рамой не живет, а если живет, то слышит безумным.

3.19. Змея — разлука проникла [внутрь] и ранила сердце.
[Но] садху⁹ [даже] не пошевелился: «Как хочешь, так и жаль».

3.20. Все сосуды — струны, тело — рубаб¹⁰, разлука беспрерывно играет [на нем].

[Но] никто не может слышать [эту музыку], кроме Господина и души [разлученной].

3.21. Не говори, что разлука плоха, разлука — это султан.
Тело, в котором не трепещет разлука, подобно ма-сану¹¹.

3.22. В глазах [моих] потемнело, [от того что] все время смотрю на дорогу.

Язык [мой] покрылся ранами, [от того что] все время зову Раму.

3.23. Из своего тела сделаю светильник, из души [своей] фитиль.

Кровью [своей] наполню [светильник], словно маслом.
О Возлюбленный, когда [же я] увижу [твой] лик?

3.24. Поток [слез] льется из [моих] глаз, словно [поток воды, льющейся из] колеса [мельницы], [которое] вращается день и ночь.

[Я], словно папиха¹², кричу: «пиу», «пиу», когда же [Ты] встретишься со мной, о Рам?

3.25. [Мои глаза] покраснели от страданий любви, [а] люди думают, [что они такие] от болезни.

Я постоянно плачу из-за любви к своему Господину.

3.26. Эти слезы святые, а те — греховные, [как их различить]?

[Но] если из глаз текут кровавые слезы, то знайте: это — истинная любовь!

3.27. Кабир: оставь смех и плачь во весь голос.

Как без слез обретешь любовь Возлюбленного?

3.28. Если плачу [в разлуке] — силы покидают [меня]; смеюсь — Раме не нравится.

Тоска гложет мою душу, словно жучок дерево.

3.29. Смеясь, не обретешь Бога; тот познал, кто плакал. Если бы, веселясь, можно было познать Хари, то не осталось бы несчастных женщин.

3.30. Если [Хари] можно было бы познать, играя и смеясь, то кто бы согласился [изнурять себя на точильном камне]¹³.

Кто оставит жадность, злость и похоть, тот встретит Бхагавана¹⁴.

3.31. Сын, любя своего Отца, подбежал прямо к нему.

[Но Отец] дал в руки [сыну] сладости-искушения и, таким образом, обманув его, ушел¹⁵.

3.32. Ребенок бросил сладости, страх охватил [его] душу, [когда он понял, что наделал].

Долго плача, он, наконец, вернул [своего] любимого Отца.

3.33. [Когда ты] войдешь в [мои] глаза, я день и ночь буду смотреть на тебя.

Когда настанет такой день, когда Хари покажет [свой] лик?

3.34. Кабир: день прошел в ожидании [Возлюбленного] и ночь тоже прошла.

Супруга не обрела [своего] Возлюбленного, сердце [ее] терзается, о подруга!

3.35. Дай супруге, которая разлучилась с Возлюбленным посмотреть на Тебя или разреши умереть.

[Я] не могу больше выносить [огонь страданий], который [жжет меня] восемь пахаров¹⁶.

3.36. Супруга, разлученная [со своим Возлюбленным], почему осталась жива? Почему не сгорела на костре, который разжег Возлюбленный?

Остановись, о глупая, не позорь любовь!

3.37. Я — головешка разлуки и, понимая это, постепенно тлею.

Когда мое тело сгорит совсем, тогда [я обрету] спасение и [освобожусь от страданий] разлуки.

3.38. Кабир: тело и душа сгорели в огне разлуки:
Мертвец не чувствует боли, [но я] чувствую этот огонь.

3.39. [Я] горю в огне разлуки и, охваченный огнем, иду к водоему.

Увидев меня, и водоем загорелся: «О сант, как объяснить [это]?»

3.40. Я [долго] бродил с горы на гору¹⁷, плача, [я] вы-плакал глаза.

[Но] я не нашел той целебной травы¹⁸, которая сохраняет жизнь.

3.41. [Я] разорву в клочья шелковую одежду и завернусь в [грубое] одеяло¹⁹.

3.42. Глаза мои ослепли²⁰ от [слез] в постоянном ожидании Тебя.

В какой одежде надлежит встретить Хари, такую одежду и надену.

[Но] я не встретил Тебя и нет мне радости — таковы мои страдания.

3.43. В океане [бытия я] с трудом нашел плот [любви, на котором была змея разлуки].

Если оставляю [его], то утону; [если] ухвачусь [за него], то [змея] ужалит в руку²¹.

3.44. Отделилась от Океана²², о раковина!²³ Погоди немно-го, не кричи [так].

Ты будешь громко кричать в каждом храме, когда взойдет солнце.

3.45. Все люди счастливы — едят и спят.

[Только] Кабир дас²⁴ печален — [он] бодрствует и проливает слезы [по Всевышнему].

4. Глава о разлуке со знанием¹

4.1. Светильник и пламя соединились, масло тоже соеди-нилось [с ними].

[Все] трое, соединившись, зажглись: мотылек, долго летая над ними, упал, сгорев².

4.2. Умереть можно и без стрелы [гуру].

Упадешь [ты] под дерево, крича [от боли] в ожида-нии близкой смерти.

4.3. В сердце горит огонь, но дыма не видно.

Это чувствует тот, кто разжег пламя, и тот, кто охва-чен им³.

4.4. Огонь охватил [все вокруг], сгорела одежда, чаша для подаяний⁴ разлетелась на куски.

Был джог⁵ и слился с [Богом], осталась на месте асаны⁶ лишь [горстка] пепла.

4.5. Огонь, который вспыхнул в воде, сжег ил, грязь.

[Все] пандиты Севера и Юга остались в раздумье⁷.

4.6. Разгорелся огонь и спалил океан [бытия], птицы прилетели и сели там.

Сгоревшее тело не возродится [вновь, потому что] истинный гуру развел [этот огонь].

4.7. Гуру разжег огонь [знания], и [ученик] [его] сгорел в огне разлуки.

Спасся [лишь] маленький побег травы, растворившись во Всевышнем.

4.8. Охотник разжег в лесу огонь, антилопа стала звать и плакать:

«Горит лес, в котором я [недавно] резвилась».

4.9. Огонь [появился] на воде, [а затем] разгорелся.

Остановилась бегущая река, [и вся] рыба выпрыгнула из воды.

4.10. Огонь охватил море, реки сгорели [и] превратились в пепел.

Кабир! Пробудившись [от сна майи], смотри, как рыба взбирается на дерево⁸.

5. Глава о знакомстве [с Богом]¹

5.1. Кабир: свет Бесконечного — это свет множества восходящих солнц.

Красавица² пробудилась возле [своего] Супруга, [и] великолепное зрелище предстало [перед ее взором].

5.2. Удивительное зрелище [увидела] красавица — без солнца и луны [вокруг] был чудесный свет³.

Поглощенный служением [своему] Господину, слуга безразличен [ко всему остальному].

5.3. Как можно [словами] передать [красоту] света Парабрахмы?⁴

Сказанному [никто] не поверит, увидеть [эту красоту] — вот доказательство.

5.4. Недоступен, невидим, недосягаем; там, [где находится Всевышний], всегда свет.

Там, где почитают Кабира⁵, не отличают греха от добродетели.

5.5. Оставив ограниченное⁶, я стал безграничным — обрел вечное жилище.

[Я увидел] лотос, который цветет без цветов⁷, его может лицеизреть [только] самый доверенный слуга.

5.6. Кабир: душа стала пчелой⁸ [этого] лотоса [и] нашла вечное жилище.

[Я увидел] лотос, который цветет без воды, его может лицезреть [только] самый доверенный слуга.

5.7. Внутри [моего сердца] расцвел лотос, там поселился Брахма.

Душа-пчела — жадно устремилась туда: [эту тайну] могут понять [только] святые, [постигшие Божественную суть].

5.8. Нет Океана и раковины, нет и капель [дождя] Свати⁹.

[Говорит] Кабир: [однако] Жемчужина зародилась на вершине шуньи-крепости¹⁰.

5.9. В теле [моем] появился Недоступный, а в Недоступном поселилось [мое] тело.

[Говорит] Кабир: [я] встретился [с Господом] — гуру указал [мне] этот путь.

5.10. Солнце растворилось в луне¹¹, [и теперь] оба живут вместе.

Исполнилось желание души — такова [моя счастливая] судьба.

5.11. Оставив ограниченный [мир бытия], я достиг Безграничного и совершил омовение в шунье.

[Даже великие] муни¹² не получили дворца, в котором Кабир построил [свою] обитель.

5.12. О человек! Смотри на карму¹³ Кабира — такова моя счастливая судьба.

Невидимого, чьего дворца не достигли муни, [я] сделал своим другом.

5.13. В сердце появилась любовь, пробудилась извечная связь [души и Бога].

Рассеялись сомнения, пришло счастье — [я] встретил Возлюбленного.

5.14. В сердце появилась любовь, [все] внутри [у меня] озарилось сиянием.

Рот полон аромата мускуса¹⁴, [и повсюду] распространилось благоухание от слова [«Рама»].

5.15. Моя душа соединилась с душой Всевышнего и достигла неба, [обители Его].

[Она] увидела лунное сияние без луны — там жилище невидимого Господина, Ниранджаны¹⁵.

5.16. Моя душа¹⁶ соединилась с Богом¹⁷, а душа Бога соединилась с моей душой.

Так соль растворяется в воде, а вода исчезает в соли¹⁸.

5.17. Вода превратилась в лед, лед [же], растаяв, превратился в воду.

Что было, то прошло: сейчас невозможно сказать, [что исчезло, а что осталось].

5.18. Хорошо, что меня обуял страх [перед рожденьями] — я забыл [обо] всем вокруг.

Град, растаяв, стал водой, [она] потекла и влилась в озеро¹⁹.

5.19. На базаре выставили драгоценную Жемчужину, и воры²⁰ завладели ею.

О Господин, сжался надо мною — теперь я никогда не встречусь ни с кем другим.

5.20. Душа-птица улетела в небо, а тело [ее] осталось на чужбине.

[Она] без клюва выпила воду, забыв этот мир бытия²¹.

5.21. Душа-птица улетела в небо и достигла обители Бога. Слово-стрела [истинного гуру], пронзившее небо, звучит у нее в ушах.

5.22. Любовь к Господу все равно, что размышление [о Нем], а размышление ведет к единению с Господом.

Любовь и поминание соединились — теперь раскрылись врата обители Бога.

5.23. Любовь к Господу растворилась в размышлении, произнесение [имени Бога] — в поминании.

Видимый растворился в Невидимом.

5.24. [Я] пришел в этот мир, чтобы созерцать множество [различных] форм [мирского бытия].

«О святой,— говорит Кабир: перед моим взором предстал Несравненный».

5.25. Все части тела полны [Всевышним], а в душе нет стойкости.

Говорит Кабир: «Как встречу Господина, если [наши] тела разделены?»

5.26. Постиг истину, обрел счастье, полноводна река — сердце.

Все грехи [мои] легко²² исчезли, как [только я] встретил Господина.

5.27. «[Если даже] не будет ни земли, ни неба, ни воздуха, ни воды, ни звезд,

То [все равно] будет Хари и слуги Хари»,— говорит Кабир в раздумье.

5.28. В тот день, когда не было иллюзорной вселенной²³, не было ни базара, ни торговли.

[Но] был Кабир, слуга Рамы, который созерцает видимый и невидимый мир.

5.29. Обрел постоянство, душа стала стойкой — истинный гуру оказал мне помощь.

Он рассказал историю Единственного, в [моем] сердце [поселился] Властитель трех миров.

5.30. Соединился с Хари, [и] остыл²⁴, исчез жар заблуждений.

Дни [и] ночи утопаю в радости, [с тех пор] как Ты появился внутри [меня].

5.31. Душа внутри тела [обрела] покой, [но] внешне [это состояние] невозможно выразить.

Пламя превратилось в воду, и [она] затушила огонь [страстей].

5.32. Познал сущность [Всевышнего], забыл о теле, когда душа сосредоточилась [на Раме].

Жар прошел, [я] остыл, когда совершил омовение в шунье²⁵.

5.33. Тот, кто обрел [Всевышнего], исполнен восторга — [он] отведал вкус [сока Рамы]²⁶.

Получил редкую Жемчужину, [которую] мир тщетно ищет.

5.34. Кабир: сердце стало стойким²⁷ [я] получил плод Всевышнего²⁸.

[Я] искал [его] в океане, [а] Алмаз попал [прямо] в руки.

5.35. Когда был я, то не было Хари; сейчас есть Хари, но нет меня.

Исчез мрак [невежества], когда [я, взяв] светильник [прозрения], заглянул внутрь себя.

5.36. Тот, кого я искал, пошел мне навстречу.

[Но] не отличается чистотой супруга, [а] Возлюбленный чист²⁹ — как я могу коснуться [его] стоп?

5.37. Того, кого я искал в другом месте, нашел в своем доме.

Он стал моим [Другом] — кого позову другого?

5.38. Кабир: увидел одну часть — о величии [ее] невозможно рассказать.

Знакомство [со Всевышним] — словно [ослепительный свет параса]³⁰, [которым] наполнены [мои] глаза.

5.39. [Озеро]-сердце наполнено [чистой] водой бхакти, лебеди³¹ резвятся [в нем].

[Они] клюют жемчуг спасения³²: отныне [они] никуда не улетят [отсюда].

5.40. Грохочет небо, идет дождь амриты³³, цветут банан и лотос [тысячелестковый]³⁴.

Там почитают [Бога] Кабир или преданные слуги.

- 5.41. Храм без фундамента, Божество без тела,
Там поселился Кабир и служит Невидимому.
- 5.42. Двери, ведущие в храм, узки, подобно кунжутному
семени³⁵.
Есть листья, вода [и] почитающий [Всевышнего].
- 5.43. Кабир: расцвел лотос, возшло безупречное солнце.
Мрак ночи исчез, [повсюду] звучит рог [любви].
- 5.44. Звучит рог [любви], струится амрита — [я] получил
знание Брахмы.
Внутри проявился Всевышний, [это состояние] — раз-
мышление о любви [к Всевышнему].
- 5.45. Небесный колодец³⁶ перевернут отверстием вниз, па-
нихари³⁷ из колодца [черпает воду].
Эту воду³⁸ пьет лебедь, мало подобных ему, думаю-
щих [о Боге].
- 5.46. Кто смотрит в сторону Шивы и Шакти³⁹, [тот] ви-
дит [лишь] столб пыли на западе.
Лев построил [себе] жилище на воде, [а] рыба возо-
ралась на пальму.
- 5.47. Излился дождь амриты, пророс Алмаз, раздается яс-
ный звук [рога любви].
Ткач-Кабир стал Пророком [и] без страха перешел
[океан бытия].
- 5.48. Что может сделать себялюбие, если любовь отворила
врата [к Богу]?
Достиг встречи с Милосердным — боль превратилась
в радость!

6. Глава о соке [Рамы]¹

- 6.1. Кабир выпил нектар Хари,— и исчезла усталость.
Обожженный горшок² уже не ставят на гончарный
круг.
- 6.2. Волшебный напиток³ Рамы — сок любви, пьющий [его
чувствует] бесконечную сладость.
Кабир: [Но] напиток трудно [получить, потому что]
Калал⁴ просит [взамен] голову.
- 6.3. Кабир: многие приходят к Калалу посидеть [и по-
пить вина].
[Но лишь] тот испил [сока], кто взамен отдал голову.
Если нет, то не выпил.
- 6.4. Знай, [если] выпил сок Рамы, опьянение никогда не
пройдет.

Опьяненный слон⁵ бродит [повсюду] — он не в состоянии совладать с собой.

6.5. Опьяненный слон не ест травы, душа [его] страдает от любви.

Связанный узами любви, [он] сыплет пыль на [свою] голову.

6.6. Опьяненный слон возлюбил [Бога], [он] победил [свои] желания.

[Он] опьянен амритой Рамы, обрел спасение при жизни.

6.7. В том пруду, где не тонет кувшин, купается слон, растирая [себя].

Храм утонул с крышей, [но] птицы [все равно] страдают от жажды⁶.

6.8. Я перепробовал все волшебные напитки, но ни один [из них] не может сравниться с [напитком] Хари.

[Если хоть] одна капля [его] попадет на кувшин, то все тело превратится в золото.

7. Глава о безграничном

7.1. Тело, что камандал¹, [я] наполнил чистой [и] свежей водой [бхакти и знания].

Тело [и] душа пьют [ее] большими глотками, но жажда не покидает тела.

7.2. Душа перевернулась², встретила с рекой [любви к Богу и] стала купаться в ней, очищаясь [от скверны сансары].

[Купаясь], в глубине [она] не нашла дна: «Ты бездонен, о Милосердный!»

7.3. [Везде] ищу тебя, о подруга³, но Кабир исчез.

Как найдешь ту каплю, которая растворилась в Океане?⁴

7.4. [Везде] ищу тебя, о подруга, но Кабир исчез.

Как найдешь Море, которое растворилось в капле?

8. Глава о неизрекаемом

8.1. [Если] скажу, [что Всевышний] — тяжелый, то боюсь [ошибиться], скажу легкий — неправда.

Как мне знать Раму, [если] мои глаза никогда не видели [Его].

8.2. [Если] увижу, то как скажу, [каков Он]? Сказанному никто не поверит.

Хари таков, каков Он есть,— с радостью восхваляя [Его] имя.

8.3. [Никому] не говори об этом чуде, сокрой [это] чудо [в глубине души].

Он не доступен ни ведам, ни пуранам: сказанному [тобой] никто не поверит.

8.4. Природа Творца непостижима, ты оцени [Его] сам. Иди потихоньку, [и] ты достигнешь истины.

8.5. Когда достигнем вершины счастья и будем ликовать в том месте, тогда [и] скажем, [каков Он].

[А] сегодня [наша] лодка в море, [и] все разговоры бесполезны.

9. Глава об изумлении

9.1. [Я] твержу пандитам¹ [об этом удивительном зрелище], но никто не верит мне.

[Когда] я говорю [им], что я един со Всевышним, они очень удивляются [этому].

9.2. В сердце [человека] обитает Божество без тела, и все же никто не может видеть Его.

Говорит Кабир: «О святой, я удивляюсь тому, [что люди не могут достичь Его]».

10. Глава о достижении [Бога]

10.1. В том лесу, куда не забредает лев, не залетает птица, куда не достигают солнце и луна,

Обитает Кабир, [слившись с Рамой].

10.2. Колодец тысячелепесткового лотоса [наполнен] соком любви, [которую] непрерывно пьет [бхакт],

Наполнив [ею из колодца] сосуд своей души с помощью журавля [любви] и веревки [растворения во Всевышнем].

10.3. Ганга и Джамуна находятся в сердце [человека], сахаджшунья служит им гхатом¹.

Именно в том месте [душа] Кабира построила [для себя] обитель, [а] мудрецы ищут [туда] дорогу.

11. Глава о бескорыстной преданности

11.1. Кабир: «О мой, обладающий всеми достоинствами Господь! [Я] возлюбил только Тебя».

[Я] выкрашу зубы [свои] в черный цвет¹, [если] буду разговаривать и смеяться с другим.

11.2. [О Возлюбленный!] Войди внутрь моих глаз, как только [Ты] войдешь, [я] тотчас же закрою [их].

[Я] не увижу [больше] никого, кроме Тебя, [и] никому не дам смотреть на Тебя.

11.3. [О Господь!] Во мне нет ничего моего, все, что есть,— Твое.

[Если] вручу тебе [мою жизнь и тело], что же останется мне?

11.4. Кабир: [я] покрасила пробор синдуром², каджал³ мне ни к чему.

Мой Возлюбленный обитает в моих глазах, [и] нет [там] места другому.

11.5. Кабир: раковина моря вызывает: «жажда», «жажда»!

В надежде на глоток воды дождя Свати она [целый] Океан считает малой каплей.

11.6 Я шел, чтобы обрести счастье [страдания в мире перерождений], но впереди встретил несчастье [разлуки со Всевышним].

О мирское счастье, распрощайся со мной, потому что я узнал страдания [разлуки с Божеством].

11.7. Я согласен на возмездие в аду⁴, у меня нет страха перед ним.

[Но] без Тебя, о мой Возлюбленный, мне не нужен и рай⁵.

11.8. Кто познал Единственного, тот познал все знания.

Кто не познал Единственного, у того все знания — неведение.

11.9. Кабир: [если] не познал Единственного, то к чему все знания.

Все происходит от Единственного, но не из всего произошел Единственный.

11.10. Пока существует корыстная любовь, служение Всевышнему бесполезно.

[Говорит] Кабир: как познаешь корыстной любовью бескорыстного Господа?

11.11. Единственная надежда — на Раму, все другое принесет разочарование.

[Человек] построил свой дом на воде⁶, но все равно умирает от жажды.

11.12. Если душа предана [одному] Всевышнему, то она обретает спасение.

Тот же, кто играет сразу на двух дудках, заслуживает быть битым.

11.13. Қабир: пришел в век Калиюги⁷, завел множество друзей.

Лишь тот, чье сердце связано с Единственным, спит счастливо и спокойно.

11.14. Қабир: я — собака Рамы, зовут меня Муття⁸.

На шее моей — ошейник Рамы: куда Рам потянет, туда и пойду.

11.15. [Если Хари ласкает меня] и зовет: «Эй, эй, сюда», я прижимаюсь к нему ближе; если гонит, то ухожу.

В каком месте Хари оставит меня, там остаюсь; что дает, то и ем.

11.16. Нет ни уверенности в душе, ни любовного настроения, ни [старых] привычек.

Как буду забавлять своего Возлюбленного при встрече с Ним?

11.17. Я — слуга Всевышнего, и [потому] никогда не буду в убытке.

Если преданная жена будет [ходить] нагой, то стыдно будет ее мужу.

11.18. Слушай, о любящий слуга, приветствуй Парамесура⁹ в доме [своем], словно гостя.

Разнообразной [и вкусной] пищей угощая, возлюби [Его], чтобы Он никогда не оставил тебя.

12. Глава о предостережении

12.1. Қабир: [все] десять дней [жизни не забывай] бить в свои литавры¹.

Ты больше не вернешься в этот город, в это селение, на эту улицу².

12.2. Кто бьет [только] в свои литавры, к дверям того привязан бешеный слон³.

Без имени единственного Хари вся жизнь прошла напрасно.

12.3. [Человек], играя одновременно на дхоле, дамаме, дурабаре, саханаи, бхери⁴,

Упустил случай [родиться человеком] — больше [он] не подвернется [тебе] снова.

12.4. В тех домах, где звучат семь звуков и раги⁵,

Те дома окажутся пустыми, и в них поселятся вороны.

12.5. Қабир: жизнь коротка, [а люди] превратили [ее] в огромную арену для представлений.

[В конце концов] все уйдут из этого мира — раджа, бедняк или султан.

12.6. Наступит такой день, когда со всем придется расстаться.

О раджа, царица, правитель! Почему сейчас не заботитесь о будущем?

12.7. Кабир: караван остановился в городе⁶, где пять воров⁷ и десять дверей⁸.

[Однажды] Ямарадж⁹ разрушит [этот] город — [пока не поздно], поминай [имя] Творца.

12.8. Кабир: не гордись своей юностью.

Дерево палас¹⁰ цветет четыре дня, [затем] становится сухим, как скелет.

12.9. Кабир: Не возносись, глядя на [свое] красивое тело. Ты скоро расстанешься с ним, как змея со старой кожей.

12.10. Кабир: Не возносись, глядя на [свой] высокий дом. Скоро будешь лежать в земле, а сверху вырастет трава.

12.11. Кабир: Не гордись собой и своим телом, [Даже тому, кто сегодня восседает] на боевом коне, под царским опахалом, впереди [уготована] яма в земле.

12.12. Кабир: не возносись, [ведь] смерть [уже] схватила [тебя за] волосы.

Неизвестно, где умрешь — в [родном] доме или на чужбине.

12.13. Этот мир подобен цветку хлопчатника¹¹.

Не обольщайся его ложью. Немного [дано тебе] для жизни.

12.14. Думай о рождении и смерти, брось презренные дела. По какой дороге тебе [следует] идти, той дороги [и] придержишься.

12.15. Без сторожа птицы съели урожай¹².

[Но] осталась [еще] часть урожая; если можешь думать [о том, как спасти оставшееся], то думай.

12.16. Кости горят, как дрова, волосы горят подобно траве. Видя, как горит все это тело, Кабир стал печален¹³.

12.17. Кабир: храм разрушился и порос могильной травой. Каменщик, [строивший этот храм], ушел и не вернется вновь¹⁴.

12.18. Кабир: храм разрушился, кирпичи [его] заросли могильной травой.

Возлюби этого Каменщика так, [чтобы этот храм] не разрушился во второй раз.

12.19. Кабир: этот дорогой храм украшен алмазами и рубинами.

Но зрелище [это] — на несколько дней: завтра же [это все] исчезнет.

12.20. Кабир: собрав щепотку праха, завязали в узелок — [вот так выглядит наше тело].

Но зрелище [это] — ненадолго: в конце концов прах [снова станет] прахом.

12.21. Чисты [помыслами], кто работает; не трудясь, не станешь чистым.

[Но] те люди уничтожают себя, которые в мирских делах не размышляют о Боге¹⁵.

12.22. Кабир: [человек живет в миру, словно] спит ночью с открытыми глазами.

[Ему снится, что] он грабит несметное богатство, однако, проснувшись, [понимает], что ничего не приобрел.

12.23. Кабир: ночью, во сне [неведения] я чувствую, что моя душа и Всевышний различны.

Когда сплю — чувствую двойственность, просыпаясь — [вижу], что [моя душа и Всевышний] едины.

12.24. В этом мире много неразумных людей.

[Они] не знают [о величии] имени Рамы и вводят мир в заблуждение.

12.25. Что [мы] совершили [хорошего], придя в этот мир? Что расскажем, уйдя [из него]?

[Мы] в этом мире не остались, промотав все [свое] состояние.

12.26. Напрасно пришел [в этот мир тот], кто привязан к мирскому бытию.

Впал в заблуждение [и] беспечность, из-за глупости [своей] потерял цену [жизни].

12.27. Кабир: без любви к Хари жизнь в этом мире — презренна.

Она, словно башня из дыма, которая моментально рассеивается.

12.28. Те [люди] не верны Хари, которые забыли воспеть достоинства Рамы.

Творец их сделал цаплями, которые [от стыда] склонили голову к воде.

12.29. [Твое положение такое же, как у] глины, [которую] гончар мнет [и она] терпит удары [ногами].

[Ты] не думал о [таком своем] положении и упустил случай [получить свободу].

12.30. Не думал о своем положении, словно животное питал [свое] тело.

Не осознал значение бхакти, в конце концов рот оказался наполненным прахом.

12.31. Не понял имени Рамы, погряз во множестве грехов. А ведь тело [твое] — не деревянный горшок, вторично [на огонь] не поставишь.

12.32. Не узнал имени Рамы — потерял самое главное.

Растратил [свой] силы в мирских хлопотах, в конце концов рот оказался наполненным пылью.

12.33. Не понял [смысла] имени Рамы, [лишь] вырастил большую семью.

Умер в мирской суете, и не осталось [от тебя] даже эха.

12.34. Не просто родиться человеком — не станешь им в новом рождении¹⁶.

Так плод, созрев, падает на землю [и] не может снова прорасти.

12.35. Кабир: возлюби Хари, оставь пристрастие к мирским соблазнам.

[Ведь] счастье родиться человеком не подвернется второй раз.

12.36. Кабир: это тело разрушится — [поспеши] выбрать путь:

Или служи святым, или прославляй [имя] Гобинда¹⁷.

12.37. Кабир: жизнь уходит зря, попытайся вновь стать человеком.

[Ведь] с голыми руками ушли те, у кого были миллионы и тысячи¹⁸.

12.38. Это тело подобно необожженному горшку, [который] терпит удары со всех сторон.

Без имени единственного Рамы исчезнет [это тело].

12.39. Это тело подобно необожженному горшку, [который ты] всюду берешь с собой.

[Но он однажды] разобьется от удара, [и] ничего не останется [от него].

12.40. Не позволяй [своему] телу следовать желаниям, изо дня в день [эта] болезнь разрушает [тебя].

Кабир питает любовь к Раме [как] к единственному спасителю от жара мирских страстей.

12.41. Кабир: устрани из души своей две вещи:

Алчность и гордыню — из-за них не теряй самого основного.

12.42. Один столб, два слона: как привязать [двух слонов] к дверям?¹⁹

Будешь себялюбивым, не [достигнешь] Возлюбленного, [достигнешь] Возлюбленного, значит, истребишь гордыню.

12.43. Забыл веру ради мирской [суеты], но люди не пошли [с ним] после [его] смерти²⁰.

[Так], заблудший [своей] собственной рукой отсек [себе] ноги топором.

12.44. Это тело превратилось в лес, карма²¹ стала топором.

[Так] мы изрубили самих себя,— говорит Кабир в раздумье.

12.45. Если утратишь родство с миром — обрешь истинную связь [с Господом], а сохранишь родственные связи с миром — лишишься Истинного.

Обрети, безродный, родство с Рамой²², все родство воплощено [в Нем].

12.46. Умерли [люди], обманутые мирскими соблазнами, те, кто гордился своим родом.

[Но] каким родом будешь гордиться, когда [тебя] понесут на кладбище.

12.47. [Этот] мир — горшок несчастий, до краев наполненный страстями.

Без милости Аллаха и Рамы — живот пуст от [горошины] кулатхи²³.

12.48. О Кабир! Не связывай [себя] той веревкой, какой связан мир.

[Иначе] тело, подобное золоту, исчезнет, как соль в муке.

12.49. Слушают, говорят и уходят из мира [люди, занятые] мирской суетой, не думают о смерти.

[Только один] Кабир полными пиалами пьет расалу²⁴ любви к [Раме].

12.50. Кабир: не открывай тайну своей любви [суетному] человеку.

Открой тайну [души] такому [человеку], [который] идет по пути к безграничному [Господу].

12.51. Кабир: не покидай [прибежища] Рамы.

[Иначе] подобно железу, [которое находится] между наковальной и большим кузнечным молотом, получишь удар по голове.

12.52. Кабир: произноси только [имя] Рамы, в страданиях и бедности поминай [имя Рамы].

Утопи порочную гордыню, [которая] завтра обернется тяжким бременем.

12.53. Что с того, что моешься и постоянно стираешь одежду?

Стал [внешне] чистым — еще не обрел спасение, [поэтому] не пребывай в счастливом сне.

12.54. [Люди] носят чистую одежду, жуют пан²⁵, супари²⁶,

[Но] без имени единственного Хари связанными пойдут в Джампур²⁷.

12.55. У тебя нет [настоящего] друга — все заботятся лишь о себе.

Пока в душе не зародится любовь [к Всевышнему], душа не достигнет спасения.

12.56. [Моя] мать — чужая²⁸, отец — чужой, я тоже чужой среди них.

[Мы встретились случайно] в лодке, плывущей по реке [мирского бытия].

12.57. Здесь — чужой дом, там — наш собственный дом. [Сюда] мы пришли на базар, [чтобы] заняться торговлей.

Продав плоды своих дел, [мы] уходим безвозвратно.

12.58. Пряди [свою] тонкую нить с большим тщанием и [тогда] продашь [ее] за дорогую цену.

Покупателем будет [сам] раджа Рама, никто другой [и] близко не подойдет.

12.59. Совершай бег по неровной лесистой местности, не пребывая в счастливом сне.

За прошлые заслуги [ты] получил тело, [так] не потеряй [его] напрасно.

12.60. Повторять «я», «я» — тяжкая болезнь, [если] можешь, избавься от нее.

О подруга! До каких пор можно хранить огонь, завернутый в вату?²⁹

12.61. Не говори «я», «я», «мой», «мой» — это главная причина гибели.

«Мой» — оковы на ногах, «мой» — петля на шее.

12.62. Кабир: лодка ветхая, лодочник — грешник.

Самые легкие [лодки] переплыли; потонули нагруженные доверчу³⁰.

13. Глава о душе

13.1. Не следуй желаниям своей души, избавься от них.

Подобно тому как необработанная нить на веретене обматывается вокруг его оси, так и твоя неопытная душа соединяется [со Всевышним].

13.2. Изгони из сердца мирские заботы, не думай ни о чем.

Подави [свои] желания, и [тогда ты] легко обретешь Господа.

13.3. [Мирские] желания употреблю на топливо, [сожгу] душу [свою] и превращу в пепел.

Буду скитаться всюду, как йог, [в поисках Всевышнего]; таким образом, [я] спряду нить [благих деяний].

13.4. Кабир: узка дорога [к Богу], а душа алчна, словно вор.

[Она] поглощена восхвалением [имени Рамы], однако в ней же [есть и] другие [желания].

13.5. Кабир: умерщвлю [непостоянную] душу [свою], [разрублю] на мелкие кусочки.

[Если] сначала засеял грядку [мирских страстей], то почему теперь сожалеешь, собирая [урожай]?

13.6. Сделав душу [свою] невосприимчивой [к сансаре], увижу невидимое Божество.

Пусть горячие угли падут на мою голову, если я не посвящу себя служению Всевышнему.

13.7. Душа понимает все [и], зная, поступает дурно.

Велика ли удача [иметь в руках] лампу, [если так или иначе суждено оступиться] и упасть в колодец.

13.8. Внутри сердца есть зеркало¹, но лица [Всевышнего] не видно.

Лик [этот] можно увидеть лишь тогда, когда сомнения покинут сердце.

13.9. Отдал [свою] душу, получил душу Господа, без души [Всевышнего] нет души человеческой.

Моя душа растворилась в душе Всевышнего, как вселенная растворилась в эфире и огне.

13.10. Душа — Горакх², душа — Гобинд³, душа — великий йог.

Тот, кто владеет своей душой, может стать самим Божеством.

13.11. Я сделал своим Другом того, чья голова украшена красным тюрбаном.

[Этот красный цвет такой глубокий], что если бы все прачки мира умерли [от усердия], стирая [эту ткань], то [и тогда бы] цвет⁴ [ее] не поблек.

13.12. [Кто] жиже воды, тоньше дыма, стремительнее ветра. Того Кабир сделал своим Другом⁵.

13.13. Кабир: [я] обуздал своего коня⁶, взяв в руки плетъ⁷.

Пока не кончился день, встречу Всевышнего, [а] потом пусть наступает ночь.

13.14. Душа поселилась между небом и землей и стала тонкой.

В созерцании Господа [она] обрела истинное знание и теперь никогда не расстанется с ним.

13.15. Не обуздал душу [свою] [и поэтому] не смог победить пять [дурных страстей]⁸.

[У такого человека] нет ни добродетелей, ни истины, ни веры — сегодня же избавься от [своих] желаний.

13.16. Кабир: душа погрязла [в мирских] страстях, пресытилась [мирскими] удовольствиями.

Теперь, когда она уже насытилась недозволенным, как ты овладеешь ею?

13.17. Кабир: душа стала беззаботной, не поминает [имя Всевышнего].

[За это она] будет терпеть ужасные муки в царстве Ямы.

13.18. В одно мгновение накопил миллион дурных дел, [потому что] душа отведала вкус мирских удовольствий,

Не слушала советов истинного гуру, и жизнь прошла напрасно.

13.19. Укроти [этого] бешеного слона — душу⁹, окружив [его] со всех сторон.

Если [попытается] убежать, пригони [его] вновь анкушем¹⁰.

13.20. Укроти бешеного слона — душу, [разруби] на мелкие кусочки.

[Только] тогда красавица¹¹ обретет счастье, когда свет Брахмы засияет над ее головой.

13.21. Лодка сделана из бумаги, а в Ганге течет вода.

Говорит Кабир: как переплыву [его], если со мной [еще] пять недругов¹²?

13.22. Кабир: куда ушла эта душа, которая была еще только вчера?

[Она] моментально исчезла, словно дождь, падающий с [вершины] холма.

13.23. [Человек, отрешенный от мира], словно мертвец, ничего не чувствует, моя душа тоже.

Но лишь заиграют на струнах грехов и страстей, оживает и мертвый.

13.24. Рыбу-[душу] разрезали на мелкие кусочки [и] подвесили в сетке [к потолку].

[Но] один лишь звук в душе [заставил ее] вновь прыгнуть в озеро [мирского бытия]¹³.

13.25. Кабир: душа стала птицей и взлетела высоко в небо,

[Но] упала с той высоты в [сети] майи.

13.26. Двери бхакти узки, как десятая доля горчичного зерна.

Душа [же] подобна бешеному слону. Как пройти через них?

13.27. Почему не думал о том, что вершил [дурные] дела? Почему теперь жалеешь о содеянном?

Посадив дерево бабул¹⁴, можно ли есть [сладкие плоды] манго?¹⁵

13.28. Тело — храм, душа — знамя, [которое] трепещет на ветру мирских страстей.

Ушла душа, ушел [и] храм — так все разрушилось.

13.29. О душа, откажись от [мирских] желаний, [все равно] желания [твои] не сбудутся!

Если бы, сбивая воду, можно было бы получить масло, то никто не ел бы сухой хлеб.

13.30. Натяну [свое] тело, словно лук; из пяти элементов¹⁶ сделаю стрелы.

Убью оленя — душу¹⁷, а не то знание [о Боге] бесполезно.

14. Глава об узком пути

14.1. Скажи, как узнать, из какой страны пришла сюда [эта душа]?

Не найдя той дороги, [которая ведет к Всевышнему], душа сбилась с пути [и теперь] блуждает в этом [мире].

14.2. Оттуда еще никто не возвращался, у кого спрошу, как туда добаться?

Все [люди] ушли отсюда, нагруженные [тяжелым] грузом.

14.3. [Я] спрашиваю у всех, как надо жить, [но] никто не может сказать [мне этого].

[Если люди] не любят Раму, [то] как могут [они] жить [в этом мире]?

14.4. Все говорят: «идем», «идем», но меня охватывает сомнение,

[Если они] не знакомы с Господином, [то] куда они пойдут?

14.5. Нет места, куда идти; нет места, где жить.

Говорит Кабир: о святые, дорога к Непостижимому иная.

14.6. Кабир: труден путь [к Всевышнему], не каждый достигнет его.

Кто дошел [до Всевышнего], тот не вернулся. Кто покажет дорогу туда?

14.7. [Истинная] обитель бхакта Кабира на вершине [горы], дорога туда трудна и опасна.

Туда, [где] не удержится [даже] муравей, хочет взобраться нагруженный доверху вол¹.

14.8. Куда не может взобраться муравей, где не удержится и горчичное зернышко,

[Куда] не может долететь душа и ветер, туда дошел [Кабир].

14.9. Кабир: трудна дорога, все мудрецы, устав, сели [отдохнуть].

[Но] Кабир дошел туда, вняв советам истинного гуру.
14.10. Боги, люди, мудрецы — все, устав, не могли дойти туда.

Один Кабир поселился там — такова [его] счастливая судьба.

15. Глава о неуловимом слиянии [с Божеством]

15.1. Кабир: душа не ведает о тайне неуловимого слияния с Господом.

Говорит Кабир: о душа, прогони ужасную смерть.

15.2. Дыхание покинуло тело, все говорят: «Он умер».

[Но] состояние быть мертвыми при жизни¹ [такое] непонятное, что никто не знает, [как это объяснить].

16. Глава о майе¹

16.1. Кабир: мир — базар, вождление — разбойник, майя — падшая женщина, [которая] сопровождает [его].

[О человек], крепко привяжись к стопам Хари, а не то [она] похитит твою жизнь.

16.2. Кабир: майя — грешница, которая раскинула [свои] сети на базаре.

Весь мир попал в [эти] сети, [один] Кабир разорвал [их и] ушел.

16.3. Майя — грешница, [которая] лаской увлекла [за собой] людей.

Никто не [успел] вдоволь насладиться [ею], как [она] разлучила их с [Рамой].

16.4. Майя — грешница, которая отвращает [от] Хари.

Она закрывает грешные уста [людей], не давая [им] произносить [имя] Рамы.

16.5. Понимаю, [что] поглощен поклонением Хари, но душа моя [полна] мирских желаний.

Майя-изменница разделила меня с Рамой.

16.6. Кабир: майя — чаровница, которая обвораживает [даже] самых известных мудрецов.

Они не могут спастись [даже] бегством — всех [она] поражает [своими] стрелами².

16.7. Майя — соблазнительница, сладкая, словно самый сладкий сахар.

[Но] истинный гуру оказал милость [и спас меня], а не то она превратила [бы меня] в шута.

16.8. Майя — чародейка, весь мир бросила под колеса [страстей].

[Только] те спаслись, которые порвали с мирскими обычаями.

16.9. Кабир: майя — колдунья, желаешь [ее] — в руки не дается.

[Но, если] душа, поняв ее лживость, отверщается [от нее], она сама [неотвязно] идет [за ней] следом.

16.10. Майя — рабыня святого [робко] стоит [и] шлет благословения.

Он [слушает, а затем] пинками гонит [ее], все время поминая имя Джагадиши³.

16.11. Майя не умерла — не умерла душа. Люди умерли и ушли.

[Но] желания и жажда [мирского бытия] не умерли — так сказал Кабир.

16.12. Желания живут, а мир умирает; люди умирали и умирают.

Умер тот, кто копил богатство, спасся тот, кто тратил [его].

16.13. Кабир: собирай такое богатство, которое пригодится [тебе] в будущем.

Никого [еще] не видели [уходящим из этого мира] с тюком [добра] на голове.

16.14. Вожделение — падшая женщина, не связывай себя [с ней] любовью.

Идешь [своим] путем, [спасаясь от нее], она — за тобой, и опозорит тебя.

16.15. [Огонь] вожделения не затушишь водой, [он] разгорается с каждым днем,

Подобно дереву джаваса⁴, которое засыхает от сильного дождя.

16.16. Кабир: что говорить о простых смертных? [Даже] слуги [Хари] тонут в океане бытия.

Покинув Господина, [будешь] подчиняться гордыне [своей] души.

16.17. Отрекся от майи, ну и что? Не расстался с гордыней. Великие мудрецы погибли из-за гордыни — гордыня всех пожрала.

16.18. [О человек], совсем мало зная о Раме, [ты] считаешь сансару слишком значимой.

Душу, которая подчинена майе, называешь раджей.

16.19. [О человек], почему ты гордишься собой? [Ведь] твоё тело — [это] бутон, состоящий из женской крови [и] мужского семени, которому придали [красивую] форму.

[Но] без имени Рамы [ты] потонешь в колодце мирского бытия, [наполненном] золотом [и] женщинами.

16.20. Майя — дерево, которое [связано] с тремя видами [страданий]⁵, ветви [его] — страдания [и] муки.

[Оно] не дает прохлады [даже] во сне, а его безвкусные плоды приносят мучения телу.

16.21. Кабир: майя — ведьма, всех пожирает.

О падшая! Я вырву [твои] зубы, если [ты] приблизишься к святым.

16.22. Лотос обитает в океане, [но вдруг] неистовый пожар разразился на воде⁶.

[Лотос] сгорел, превратившись в уголь, — таков плод прошлых деяний.

16.23. Кабир: [спасаясь от] дождя гун, [люди] нашли убежище под женским деревом [майи]⁷,

[Но] остались сухими, кто был снаружи, промокли, кто был в храме⁸.

16.24. Кабир: майя ввела [всех] в заблуждение, весь мир ослеплен [ею].

[Она] ограбила тех, кто спал⁹; спаслись, кто дома рыдал [по Всевышнему].

16.25. Всех в этом мире майя сковала [железной] цепью.

Как могут освободиться [от нее] несчастные [смертные], если сам Брахма опутан майей?¹⁰

16.26. Желание опутывает [душу], словно лиана¹¹, взобравшаяся на стену и цепляющаяся [за нее].

[Даже] разрубленная [на куски], она не отпускает, будто человек, давший клятву.

16.27. Надежда всех людей — это Господь, [Но] никто не возвратился [к Нему] из мира сансары.

Если [человек] находится в мире сансары, то как же он пойдет по пути соединения с Божеством?

16.28. Кабир: этот мир обманут чарами майи.

В доме, где много привязанностей, — много печалей.

16.29. Майя сказала мне так: «Эй ты, не отвращайся [от меня]!

Все в моей власти». — Но Кабир ушел [от нее], разгневанный.

16.30. Цапля испила воды и осквернила [весь] океан.

Другие птицы пили [эту воду], но лебедь [даже] клювом не прикоснулся¹².

16.31. Кабир: не приближайся к майе, [хоть она] сотни раз протянет [к тебе] руки.

[Она] погубила [такого] великого мудреца, как Напада¹³, — ей нет веры.

16.32. Из-за [страсти] к золоту [и] женщинам мир сгорел в огне майи.

Скажи, можно ли уберечь вату, в которую завернули огонь? ¹⁴

17. Глава о нищенстве ¹

17.1. Человек просил [подавание] у [другого] человека [ради Господа], но Невидимый ² не появился [в его сердце].

[Он] не встретил Гобинда, не затушил огня [страстей], который разгорается все сильнее и сильнее.

17.2. [Чтобы наполнить] свой живот, [человек] день и ночь просил милостыню,

[Но] так и остался опьяненный гордыней власти, не исполнив своего обета.

17.3. Гуру — хозяин тех слуг-учеников, которые прислуживают [ему].

Овцу привели, чтобы снять с нее шерсть, [а она], привязанная, съела весь хлопок ³, [хранящийся в доме].

17.4. Гуру — богатый купец, держит множество разносчиков [товара] ⁴.

Имя Рамы не произносит устами, а жаждет [только] поданий.

17.5. Кабир: [гуру] странствует с полной корзиной желаний.

Он не волнуется об имени Рамы, а признает только металл.

17.6. Хозяин в век Кали ⁵ жаден, собирая в чашу медные монеты.

Он прогуливается у ворот раджи, словно прожорливая корова [на чужом поле].

17.7. Хозяин в век Кали жаден, алчность его все возрастает.

Его занимают [только] деньги, и все [свое] время он проводит, подсчитывая их.

17.8. Кабир: век Кали порочен, [в нем] не встретишь [ни одного] истинного муні.

Алчные, обжоры, лицемеры — вот кто в почете!

17.9. Даже прочитав четыре Веды ⁶, [пандиты] ⁷ не привязались к Хари.

Кабир унес [свой] урожай, а пандиты ищут его в поле ⁸.

17.10. Пусть брахман — гуру в мире, но он не гуру подвизников.

Запутавшись в четырех Ведах, он губит свою жизнь, несчастный.

17.11. Шакт⁹ — словно веревка из конопли, [которая] от влаги становится крепче.

Без двоих — Буквы¹⁰ и гуру, связанный, [он] пойдет в Джампур¹¹.

17.12. Пандит, словно джайн¹², пьет воду, процеживая ее. А сам, ссорясь со своими соседями, по крупице теряет [свое] счастье.

17.13. Пандит без толку болтает [о Боге], [но] сердце [его] не ранено [любовью к Нему].

[Он] дает наставления другим, [а сам] попал в пасть [Ямы].

17.14. Не выходя из [своих] клеток, попугаи обучают премудростям других.

Они дают всем наставления, сами ничего не понимая.

17.15. Следя за чужим урожаем, прозевал [урожай] со своего поля.

Поучая других, [остался] со ртом, полным песка¹³.

17.16. Среди звезд луна пользуется уважением,

Но, когда восходит солнце, [она] скрывается, так же как и звезды.

17.17. С виду кажется красивой, словно крепость из инея, [Но, когда] восходит солнце, [луна] тает, так что не наберешь и горсти воды.

17.18. Совершая паломничество и купаясь в воде, все люди вымерли.

[Ибо] имя Рамы повторяли [только губами], смерть увлекла [их за собой].

17.19. Хоть поселись в Каши¹⁴, хоть пей святую воду [Ганга],

[Все равно] нет [тебе] спасения без имени Рамы, — так говорит Кабир, слуга [Рамы].

17.20. Кабир: сколько раз я объяснял этому миру:

Схватившись за хвост овцы, как переплыть [океан бытия]?

17.21. Кабир: расхаживая с гордым видом, [люди говорят]: «Я соблюдаю свой религиозный долг».

Не осознают своих заблуждений, уходят из мира с миллионом грехов.

17.22. [Весь] мир связан, как жертвенное животное, одной цепью: «мой», «твой».

Семья, сыновья, жена, подобно сухой траве, горят снова и снова¹⁵.

18. Глава о слове без дела¹

18.1. Что с того, что читаешь проповеди, если не подтверждаешь [их делом]?

Это похоже на крепость из земляной опоки, [которая] разрушается на ваших глазах.

18.2. Подкрепляй делами слова, [которые] исходят из [твоих уст].

[Тогда] будешь жить рядом с Парабрахмой², и он в один миг проявит к [тебе свою] милость.

18.3. Те, кто говорят одно, а [в жизни] поступают иначе, Не люди, а собаки; связанные, они войдут в Джампур.

18.4. От пения пад³ радуется сердце, от чтения сакхи⁴ истекает покой.

[Но ты] не постиг [сердцем] суть Господа, и веревка [смерти] опутывает [твою] шею.

18.5. Распевает киртаны⁵, подняв высоко голову.

[Но он] не понимает их божественной сути, [он] слеп, словно туловище без головы⁶.

19. Глава о деле без слов

19.1. Я считаю ученость благом, йогу — лучше учености. Возлюби же имя Рамы, даже если люди осудят [тебя]¹.

19.2. Кабир: брось чтение, пусти книги плыть по реке. Ищи среди пятидесяти букв [«ра» и «ма»]² и сосредоточь свои мысли [на имени Рамы]³.

19.3. Кабир: брось чтение — мир и так грамотен.

[Если в сердце] не появилась боль любви, то что позы от твоего крика?

19.4. От чтения [священных] книг вымер мир, [и] не осталось ни одного пандита.

[Но кто] познает хоть одно слово Возлюбленного, тот станет [истинным] пандитом.

20. Глава о чувственном муже

20.1. Женщина в трех мирах¹, словно змея.

Любящие Раму спаслись [от нее], чувственных мужей пожрало пламя [страсти].

20.2. Женщина, словно пчела, кто подойдет [к ней], того и жалит.

[Но она] не приближается к тому, кто предан стопам Хари.

20.3. Те, кто прелюбодействуют с чужой женой, пользуются ворованным добром.

Они наслаждаются недолго [и] в конце концов погибают.

20.4. Мало кто избавлен [от желания обладать] чужой женой.

Они [сначала] едят сахар, который затем превращается в смертельный яд.

20.5. Страсть к чужой жене — порок, а не добродетель.

[Мужчины], словно рыбы, сколько их плавают в горько-соленом океане [бытия]!

20.6. Любить чужую жену, что есть чеснок.

[Хоть и] спрячешься в углу, но в конце концов запах обнаружится².

20.7. [Связь] мужчины и женщины — сущий ад, когда [их охватывает] похоть.

Говорит Кабир: те [люди] принадлежат Раме, кто поминает [его имя], не ведая похоти.

20.8. [Мужчина], полюбив женщину, теряет все: разум и рассудок.

[О человек]! Зачем ты тратишь силы [ради любви к женщине], ведь так [ты] не добьешься успеха³.

20.9. Еда всех видов, превосходная еда, развлечения с женщиной...

Скорее брось [все это, а не то] будешь сожалеть, когда тело [твое] разрушится.

20.10. Женщины разрушают три вида счастья, когда [они] находятся рядом с женщиной.

Мужчина, [любящий женщину], никогда не обретет любовь [к Господу], не обретет спасение [и] Божественное знание.

20.11. Золото и женщины — одно и то же: они подобны отравленным плодам.

Посмотришь на них — отравишься, употребишь [их] — умрешь.

20.12. Золото и женщины — словно пламя огня.

Смотришь на них — загорается тело, дотронешься — сгоришь.

20.13. Кабир: из-за счастья обладания женщиной. сколько людей погибло!

Сколько [их] сегодня, веселящихся, отправляется в преисподнюю.

20.14. Женщина — очистки мира, [она — нечто] среднее между хорошим и плохим.

[Кто держится] от нее дальше — хорош, низок тот, кто близок с ней.

20.15. Женщина — колодец ада, редок [тот мужчина], который сдерживает свои желания.

Спаслись [от нее только] редкие садху — весь мир умер в [ее] объятиях⁴.

20.16. Лучше кол, чем красавица; мало кто спасается [от нее].

Железо, сгорая в огне, медленно превращается в золу, [так даже твердые характером мужи гибнут от связи с женщиной].

20.17. Ослепленный [любовью к женщине], мужчина ни о чем не думает, теряя самообладание.

Говорят, Хари прощает все грехи, [если поминать Его имя], но у сластолюбца нет ни веток, ни корней.

20.18. Наслаждаясь, сластолюбцы разрушают бхакти.

Они потеряли [бесценный] Алмаз [и] провели [свою] жизнь напрасно.

20.19. Сластолюбцу не нравится амрита, [он] ищет яда.

Сластолюбие не покидает его душу, [даже если сам] Всевышний предостерегает ослепленного любовной страстью.

20.20. Страсти пожирают душу, как червь [пожирает] зерно.

Не взойдет побег знания [в сердце сластолюбца]; даже если [истинный гуру] или сам Всевышний наставляют его.

20.21. Надев на себя змеиную кожу чувственной страсти, превратился в змею.

Хоть разбей ему голову, не воспринимает истину — кто может быть несчастней его!

20.22. Чувственный муж никогда не поклоняется Хари и не повторяет имени Кешава⁵.

[Хоть и] произносит [имя] Рамы, но [все равно] умирает, сгорает за свои прошлые грехи.

20.23. Чувственный муж не ощущает стыда, он радуется в душе, предаваясь чувственным наслаждениям.

[Сластолюбие бывает неразборчивым, как] и усталость не требует [удобной] постели, [а] голод не нуждается во [вкусной] пище.

20.24. Присвоив чужую жену, предается чувственному наслаждению — [такой человек] пойдет в ад.

Все, [кто связан с женщиной], говорят: «Огонь», «Огонь», но не суй [свои] руки [в него].

20.25. Кабир: я постоянно повторяю, [что женщина — это грех], но глупые [люди] не слушают [меня].

Что отшельник, что домохозяин — сластолюбцев и там и здесь хватает⁶.

20.26. Если [сластолюбец] хоть немного о чем-то ведаёт, то уже считает себя всезнайкой, ему неведомо сомнение.

Лучше бы задумался, почему он, попав во власть своих чувств, предаётся чувственным наслаждениям.

20.27. [Сластолюбец] восхваляет себя, считая себя Творцом.

[Но] мирянин лучше его, [потому что] в душе [у него] есть страх [перед Богом].

21. Глава о [состоянии] слияния с Всевышним

21.1. Все говорят: «сахадж», «сахадж», — [но] никто не понимает, [что такое] сахадж¹.

Когда человек легко отказывается от [своих] чувственных страстей и удовольствий, это и есть сахадж.

21.2. Все говорят: «сахадж», «сахадж», — [но] никто не понимает, [что такое] сахадж.

Кто покорил [свои] пять страстей, тот достиг сахаджа.

21.3. Обыденно [и] просто все ушли: сын, богатство, женщина, любовь.

Теперь раб Кабир слился воедино с Рамой.

21.4. Все говорят «сахадж», «сахадж», [но] никто не понимает, [что такое] сахадж.

Кто легко соединился с Хари джи², тот понял, [что такое] сахадж.

22. Глава об истине

22.1. Кабир: [О человек!] Ростовщик дал [тебе] займы денег, так не промотай же их напрасно¹.

[А не то] окажешься в бедственном положении, когда придет срок возвращать долг.

22.2. Хорошо возвращать долг, если сердце [твое] чисто.

И на высшем суде никто не схватит [тебя] за полу².

22.3. Кабир: в душе забрезжил слабый свет сознания, когда я отправился в далекое странствие.

Кабир: Счетовод³ взял книгу счетов [моих деяний], и на Высшем суде [выяснилось, что я] выплатил долг сполна.

22.4. [Когда] Счетовод откроет книгу счетов, [найдет] [у тебя] несметное количество долгов.

Пока в [твоем] теле есть дыхание, вызывай к [имени] Рамы.

22.5. Қабир: О люди! Все это ложно — пять раз [в день совершать] молитву⁴.

Қази⁵ оскорбляет веру, читая лживые [молитвы].

22.6. Қабир: для удовлетворения своего аппетита қази может убить [животное] — это все равно, что убить двух брахманов⁶.

Взобравшись на минарет, кричит: [«Бог»] един», [но] какую будет говорить истину во дворце [Всевышнего]?

22.7. Қази [и] мулла [впали в] заблуждение, пошли мирским путем,

Забыли веру в [своем] сердце, когда взяли в руки нож.

22.8. Употребляя насилие⁷, убивает живых [существ] и заявляет, [что это] дозволено.

Но в каком он окажется положении, когда Господь открывает книгу [деяний]?

22.9. Применять насилие — несправедливо, [а еще] просит у Бога справедливости.

Убийца, стоя у порога во дворце [Творца], будет бит по лицу.

22.10. Обокрал Всевышнего, подружился с ворами⁸.

Ты поймешь [все], о душа, когда [Господь] обрушит на тебя удары.

22.11. Шейх⁹, если ты лишен смирения, зачем совершаешь хадж к Каабе?¹⁰

Где найдет Бога тот, у кого сердце нестойко?

22.12. Хороша еда кхичри¹¹, если в нее добавить немного соли¹².

[Зачем] резать горло [живым существам] ради лакомства к хлебу?

22.13. Грешники, [собравшись в круг], совершают пуджу¹³ — едят мясо и пьют вино.

Им не достигнуть спасения, они примут миллионы мучений в аду.

22.14. Все варны¹⁴ объединились; поклоняются Шакти и едят [мясо] все вместе.

[Они] выдают себя за слуг Хари, но [они] пойдут только в Джампур.

22.15. Қабир: стыдись людей, [никто] не поминает истинного [имени Бога].

Сознательно отказываются от золота [и] хватают деревяшку.

22.16. Қабир: [почему те люди], которые познали, что Творец — единственная суть всего,

Впав в заблуждение, привязались к [этому] фальшивому миру?

22.17. [Если] лживый встречает лживого, то обоих связывают узы любви.

[Если] лживый встречает правдивого, тогда [узы] любви разрываются.

23. Глава об [искоренении] заблуждения

23.1. Из камня сделано изображение, которому поклоняются, как Творцу¹.

Те, кто пребывает в этой вере, потонет в темном потоке [сансары].

23.2. Этот мир — грязное жилище, черные деяния — дверь его — тоже в саже.

Каменными идолами усеяна земля — такой дорогой ведут пандиты².

23.3. Почему [человек] поклоняется камням, которые никогда не дадут ответа?

Глупец, ожидая милости [от камня], теряет уважение к самому себе.

23.4. Я тоже поклонялся камню, был, словно антилопа в лесу.

[Но] истинный гуру содеял милость — сбросил с головы груз [этой слепой веры].

23.5. Сколько в мире людей, столько и шалиграмов³.

Садху — вот истинные божества, а какая польза от камня?

23.6. Поклоняясь шалиграму, душа остается в заблуждении.

[Она] не находит себе покоя, даже во сне изо дня в день [ее] сжигает огонь [неведения].

23.7. О человек! Ты служишь камню, привязан к мирскому бытию,

Завернувшись в черное одеяло, принимаешь [его] за белое.

23.8. Чтение молитв, аскеза, паломничество, обеты — все бесполезно.

Человек обманут [этим], словно попугай плодами хлопчатника⁴.

23.9. Святые места — это все лиана, которая опутала весь мир.

[Но] Кабир вырвал [ее] с корнями, чтобы никто не проглотил [ее] яда⁵.

23.10. Душа знает Матхуру⁶, сердце — Двараку⁷, а тело — Каши.

[А] десятая дверь⁸ — храм, в нем сосредоточен свет [Всевышнего].

23.11. Кабир: люди в храмах склоняют голову перед [Божеством].

[Но] Хари обитает в [твоем] сердце, так дай обет себе всегда быть с Ним.

24. Глава об обличье

24.1. Вертя в руках четки, повторяют [имя Всевышнего], а в сердце бушует ураган [мирских страстей].

Ноги [их] околочены в снегу, [они] измучились от желания оставить мир бытия¹.

24.2. Пальцами [перебираешь] и считаешь четки, а душа твоя мечется в разные стороны.

Думал достичь Хари, перебирая [четки], а стал чурбаном².

24.3. Перебираешь четки, [которые висят у тебя] на груди, [пользы от этого] нет.

Перебирай четки души, и мир [для тебя] озарится сиянием [Всевышнего].

24.4. Много таких невежд, которые перебирают четки [у себя] на груди.

[Они] не возлюбили Хари и плывут [бесцельно] по течению Ганги.

24.5. Кабир: деревянные четки говорят тебе:

«[О человек!] Почему не перебираешь свою душу, а перебираешь нас?»

24.6. Кабир: четки души — [вот истинные четки; все] остальное — видимость мира.

[Если] надев [на шею] четки, [можно] достичь Хари, то посмотри на колесо для выкачивания воды из колодца!³

24.7. Перебирание четок бесполезно, только умрешь с этим грузом на [груди].

Сверху на тебе одеяние аскета, окрашенное охрой, [а] внутри — мусор.

24.8. Перебирание четок бесполезно, если [они] не пронзают твою душу.

До тех пор пока Хари не покажется [тебе], ты ничего не получишь в руки.

24.9. Перебирание четок бесполезно, [из-за них ты] потерял сокровища дворца [Хари].

Припади к стопам Хари [и] тогда [ты] достигнешь Амарapura⁴.

24.10. Перебирание четок напрасно, [если] ты не обладаешь бхакти.

Сббив усы и волосы, пошел вместе с мирянами [по одной дороге].

24.11. О брат! Будь честен по отношению к Господину, и сомнения покинут тебя,

Носишь ли ты длинные волосы, или бреешь [голову] наголо⁵.

24.12. Чем тебе навредили волосы, что ты бреешь [голову] сотни раз?

Почему не обрил душу, полную страстей и пороков?

24.13. Брею порочную душу, к чему обрил голову?

Все, что сделано, сделала [твоя] душа, [а] не волосы⁶.

24.14. В бритье головы пролетели дни, и сегодня не встретил Раму.

Невозможно произносить имя Рамы, если душа занята другими делами.

24.15. Приняв личину [святого], стал господином, пил и ел досыта.

Но дорога, по которой идут [истинные] садху, для тебя закрыта.

24.16. Стал вишнуитом, но что с того? Ведь не обрел знания [Бога].

Поставив [на лоб] тилак и чхапу⁷, постоянно сгораешь в огне сансары⁸.

24.17. Все могут заниматься йогой тела, [но] редок тот, кто [совершает] йогу души.

Все сиддхи⁹ достигли сахаджа, [потому что] занимались йогой души.

24.18. Кабир: [Бог] един, но сокрыт [от нас] иллюзорным миром.

Оставь все: заблуждения, [неверные] дела — и тогда Невидимый проявится всюду.

24.19. О душа, ты принимала множество личин, однако не избавилась от заблуждений.

Ты хотела постичь Истинного гуру внешними [средствами]¹⁰, и Рама не проявился в твоей душе.

24.20. Мир придумал ад, рассказывая ложные [легенды] о происхождении родовитости.

[Это] тело уйдет, уйдет и род, если не ухватишься за лодку Рамы¹¹.

24.21. Пристрастие к ложной родовитости погубило людей.

Не распознали Невидимого в мире бытия, потонув в темном потоке сансары.

24.22. Хитростью не достигнешь Хари — это основа основ.

[Только] беспомощных и бескорыстных Гопинатх¹² возьмет под свою защиту.

24.23. Красавица украшает себя украшениями шестнадцати видов, [она] ублажает тело и душу.

[Но если] в душе [она] не чувствует любви к [своему] Возлюбленному, [то] к чему украшать себя?

24.24. Пока девушка не встретила [своего] Возлюбленного, она остается девственницей.

[Но вот она] дала [свою] руку [Жениху] и обрела радость, но познание любви — дело трудное.

24.25. Кабир: любовь к Хари [дает] душе [бхакта] огромную радость.

[Его] слуга не бежит вон, а хочет соединиться с Все-вышним.

24.26. Слуга [Господа] убил вора¹³, избавился от негодяев¹⁴ В царстве любимого Рамы, в городе, полном благоденствия.

25. Глава о дурном обществе

25.1. Чистая капля с неба упала на землю [и стала] грязной¹.

Человек, лишенный [благого] общества [святых], стал подобен золе в очаге.

25.2. Не води дружбу с глупцом — ведь железо не плавает в воде.

Одна и та же капля, [попав] на дерево банана, на раковину [и] в пасть змеи, образует три [разных] вещества².

25.3. Слуги Хари не нравятся тем, [кто] привязан к мирским людям.

В сердце [у них] не взойдут ростки бхакти, они подобны бесплодному полю.

25.4. Гибну от дурного общества, словно банан от близости ююбы³.

Она раскачивает [свои ветви и] терзает его [шипами]. [Вот почему] не [следует] искать общества шакта⁴

25.5. Эгоизм — признак смерти, дурная компания — сама смерть⁵.

Говорит Кабир: «О люди! Устами повторяйте [имя] Брахмы».

25.6. Муха попала в гур⁶, и ее крылья завязли [в нем].

[Она тщетно] отталкивается лапками, мотает головой — она пленница лакомства, о друг!

25.7. Что с того, что высок происхождением, если дела не благородны?

Если [даже] золотой кувшин наполнен вином, аскеты порицают его.

26. Глава о [благом] обществе

26.1. Люди, ухватившись за видимый [мир бытия], пропустили невидимое [Божество].

[Но те] немногие спаслись, [кто] крепко держался за руку истинного гуру.

26.2. Истинный бхакт [не тот, кто] окрашен в цвет любви к Господу¹.

Лишь только [ему] встретятся трудности, [он] отрекается [от Господа], словно змея, сбросившая кожу.

26.3. Если выбираешь друзей, то подумай о том, чтобы друзья были из твоего круга.

Одеяло [хоть и] изорвется в мелкие кусочки [от стирки], но цвета² [своего] не изменит.

26.4. Отдай свою душу тому, кто на самом деле верный слуга [Рамы].

Хоть [держи] топор над [его] головой — [он] все равно не станет другим.

26.5. Не вбивай гвоздь в камень, не делай отверстия в глиняной посуде³.

[Ведь тот, кто] привязан к майе, терзается [только] мирской любовью.

26.6. Кабир: возлюби того, кто жизнь [свою] посвятил любви [к Раме].

Не связывай себя с разными женщинами, смотреть на них — [и то] грех.

26.7. Кабир: тело словно птица, куда летит душа, туда [и оно]⁴.

Какое общество [ты себе] находишь, такой и плод вкушаешь.

26.8. Этот мир — закопченное жилище.

Я жертвую собой ради того слуги [Господя], который, войдя [в него], чистым выходит оттуда⁵.

27. Глава о лжесвятых

27.1. Кабир: [носят] одежду аскета, но совершают множество грехов.

Снаружи выглядят, словно садху, [а] на самом деле ведут себя безнравственно.

27.2. Не доверяй [тому, кто] одет в белоснежную [одежду],

[Он], словно цапля¹, застывшая над водой в ожидании [рыбы].

Тихонько сидя у воды, [он] съедает [рыбу], утопив свою мудрость [в воде].

27.3. Не считай святым того, кто сладко говорит.

Сначала он покажет [тебе] брод, а затем потянет в глубину.

28. Глава о святых

28.1. Кабир: общение со святым никогда не будет бесплодным.

Тот, кто видел сандаловое дерево, [уже] не скажет, что это дерево ним¹.

28.2. Кабир: води дружбу со святыми — поспеши сделать [это].

Это общение поможет устранить [все] неприятности и укажет правильную дорогу.

28.3. Иди в Матхуру² или Двараку³, а желаешь — иди в Джаганнатх⁴,

[Но] без общества садху и любви Хари ничего не получишь.

28.4. У меня два друга: один — вишнуит, другой — Рам. Один ниспосылает спасение, другой заставляет помнить имя [Рамы]⁵.

28.5. Кабир: я [долго] бродил по лесам⁶ в поисках Рамы. И наконец встретил слуг, любящих Раму; теперь исполнились все мои желания.

28.6. Кабир: тот день хорош, в который [ты] встретишь святого.

Ты крепко обними [его, и] грехи покинут [твое] тело.

28.7. Кабир: бетель⁷ содержит чистотел и куркуму [тоже]; смешавшись с ними, сандал сохраняет свои свойства.

А [они] выросли рядом с сандалом и тоже становятся [благоуханными], как сандал.

28.8. Кабир: застоявшуюся во рву воду никто не пьет,

[Но] когда эта вода сольется с водою Ганги, она станет, как вода Ганги.

28.9. Кабир: [люди] сознательно отвергли истину [и] полюбили ложь.

О Рам джи⁸, такого общества не приведи мне увидеть даже во сне.

28.10. Кабир: О Всевышний, познакомь [меня] с теми, в чьих сердцах ты обитаешь!

А не то заberi мою жизнь: как [мне] вынести это бесконечное страдание?

28.11. Сколько волн у моря? Где [они] рождаются и куда уходят?

Я приношу себя в жертву такому дасу⁹, который возвратился [в Океан], чтобы раствориться [во Всевышнем].

28.12. Этот мир — грязное жилище, стены которого тоже в саже.

Я жертвую собой ради такого даса, который живет под покровительством Рамы.

28.13. Бхакт, словно дорогое полотно, к которому [никогда] не пристанет грязь.

Шакт¹⁰ [же] подобен черному одеялу — где хочешь, там [и] стели.

29. Глава о свидетельствах святости

29.1. [Жить] без вражды, бескорыстно, преданно любить Господина,

Быть вдалеке от [мирских] страстей — таковы свидетельства святости.

29.2. Святой [никогда] не утрачивает святости, хоть встретятся ему миллионы не святых.

[Как] сандаловое дерево, обвитое змеей, не теряет [своей] прохлады¹.

29.3. Кабир: того, кто страдает по Хари, видно издалека — Тело худое, желания умерщвлены², и живет [он] вдалеке от мира.

29.4. Кабир: тело страдающего по Хари худое, как скелет. Ночь его без сна, и тело [его] иссохло.

29.5. [Тот, кто] не любит [Хари], спит спокойно, любящий [же] не спит по ночам.

Он мучается и страдает, словно рыба, [которую] вытащили из воды.

29.6. Кто не знает [о любви к Всевышнему], пребывает в счастливом сне.

[Но, когда] я познал Непознаваемое, то на меня свалились все беды³.

29.7. Жизнь знающего бхакта — бесконечная смерть, а незнающий живет, словно принц.

[Он] не разбирает, что плохо и что хорошо. Занят [лишь тем, чтобы] наполнить свой живот.

29.8. Знающий бхакт страдает [в разлуке с Господом].

Он постоянно борется без меча со своей прельщающейся жизнью душой.

29.9. [Бхакт] страдает в разлуке с Рамой, и никто не знает о его страданиях.

[Он] бледнеет с каждым днем, так же, как вянут [листья бетеля] у торговца паном⁴.

29.10. О Господин! [Тело мое] пожелтело [от разлуки с Тобой]. Люди говорят, [что эта] желтизна от болезни.

[Но] я дал вечный обет, чтобы соединиться с любимым Рамой.

29.11. [Нельзя] Раму соединять с Камой⁵. [Это] волен испытать каждый.

Что может сделать бедный Кабир, если Сукхадев уже рассказал об этом⁶.

29.12. Тот, кто отвращен от плотских желаний и привязан к Хари,

Станет бессмертным в век Кали, как Горакхнатх⁷, [являющийся] свидетелем [этого].

29.13. До тех пор пока ты привязан к мирским страстям, Хари не поселится внутри [тебя].

[Если же] в душе поселился Хари джи, то [ты] не будешь чувствителен к [мирским] страстям.

23.14. Рама не может поселиться в том теле, где сомнение.

Между Рамой и любящим дасом не может стоять и былинка.

29.15. Всех связала личная корысть, [она] связала весь мир.

[Но тот, кто] бескорыстно почитает [Господа], будет вознагражден любовью Хари.

29.16. Как скроешь свет в [том] сердце, где поселился Хари?

Чем больше стараешься загасить [его], тем ярче [он] светит.

29.17. Я брожу с широко раскрытыми глазами, [но] не вижу ни одного [бхакта].

Как скроешь тело, в котором [поселился] мой Господин?

29.18. Мой Господин поселился в сердцах всех людей, нет ни одного пустого ложа.

Всех счастливее те, о подружки, в чьих сердцах Он проявился.

29.19. Рама — это огонь, который живет в каждом сердце.

[Но, если] душа не станет огнивом, от нее будет исходить только дым.

29.20. Кабир: бодрствует [только] Господин, и больше никто. Бодрствует [также] мирской человек, чтобы насытиться ядом [мирских страстей], и дас, [который] служит [своему Господину].

29.21. Кабир: шел я, [но] впереди мне встретился Кхуда⁸. Миран⁹ так сказал мне: «Кто велел тебе идти [туда]?»¹⁰

30. Глава о хвале святым

30.1. Кусочек сандала лучше, чем лес акации.
Хижина вишнуита лучше, чем большая деревня шакта¹.

30.2. Благоустроен город, всюду радость и покой².
О брат! [Но, если там] нет любящих Раму, [он] для меня — пустыня.

30.3. В доме, где не поклоняются садху, не служат и Хари. Такие дома подобны кладбищу — в них поселяются бхуты³.

30.4. Тысячи коней, слонов, колесниц; сотни тысяч знамен полощутся на ветру.

[Но] нищенство лучше такого счастья, если день проходит в раздумье [о Раме].

30.5. Тысячи коней, слонов, колесниц у супруги царя,
Но не сравнится ей с той, которая носит воду слуге Хари.

30.6. Почему порицается царица? Почему почет служанке Хари?

Эта красит пробор ради возлюбленного, а та поминает имя Хари.

30.7. Кабир: та красавица богата, которая родила сына вишнуита.

[Он], поминая Раму, стал бесстрашным, между тем как весь мир остался без [такого] сына.

30.8. Кабир: тот род хорош, в котором родился дас [Хари]⁴.

А род, в котором не родился дас, [подобен] аку паласу⁵.

30.9. Не встречайся с шактом, [будь он даже] брахманом, [а] встречайся с вишнуитом, [будь он даже] чандалом⁶.

Обними его так, как будто встретил Гопала⁷.

30.10. Поминать [имя] Рамы хорошо, [когда] ты нищ [и] крыша твоего дома провалилась.

Сожги высокие дворцы, где нет любви к Всевышнему.

30.11. Қабир стал цветком жасмина, все дасы стали пчелами⁸.

Везде, где цветет любовь Кабира, там обитает Рама.

31. Глава о срединном [пути]¹

31.1. Қабир: те, кто идут срединным [путем], быстро перейдут океан [бытия].

[Те], кто идут двумя [противоречивыми] путями, потонут в море сансары.

31.2. Қабир: оставь двойственность, придерживайся срединного пути.

Первый путь [дает] прохладу, второй — жар: оба [пути] — огонь [страданий].

31.3. [Птица] Анал² свила гнездо в поднебесье — [она] всегда придерживается срединного пути.

Она отдалилась от земли и неба — ее вера не [нуждается] в опоре.

31.4. Қабир построил жилище там, где не бывает ни дня, ни ночи,

Где нет ни сна, ни бодрствования; где нет ни холода, ни жары.

31.5. Люди толпой идут по дороге, по которой пошли пандиты³.

Қабир [же] взбирается по недоступной дороге, которую указал гуру.

31.6. Благодаря милости гуру [я] стал равнодушен к раю и аду.

[Погрузившись] в благодать лотосов — стоп [Всеvyšнего], я обрел бессмертие⁴.

31.7. Умирая, хинду зывают: «Рам!» Мусульмане — «Кхуда»!

Говорит Қабир: «Тот будет жив всегда, для кого оба имени значат одного Бога».

31.8. Несчастный оплакивает свое несчастье, счастливый — в заботах, как бы не утратить счастье.

[Только слуги] Рамы всегда радостны, потому что они далеки от счастья [и] несчастья.

31.9. Қабир: куркума — желта, известь бела⁵.

Когда любящие Раму встречаются, оба цвета исчезают, [сливаясь в один].

31.10. Теперь Қааба стала Қаши, Рам стал Рахимом⁶.

Мука грубого [помола] превратилась в муку высшего сорта⁷ — Қабир сидит и питается ею.

31.11. Земля и небо — две несвязанные сферы⁸.

[Поэтому] шесть философий⁹ впали в заблуждение и восемьдесят четыре сиддха¹⁰ [тоже].

32. Глава о постижении сути [Бога]

32.1. Имя Рамы — молоко, все остальное — вода.

Редкий садху, подобно лебедю, способен отличить их.

32.2. Кабир: шакт не знает ничего, вишнuitам же все известно¹.

Те, чьи уста не произносят [имя Рамы], гибнут.

32.3. Кабир: не приобрета́й пороков, собирай добродетели, Как пчела [собирает нектар с каждого цветка, так и ты] ищи в каждом теле Всевышнего.

32.4. Бесчисленное множество [различных] цветов [и] плодов на земле,

[Но] Кабир выбрал [из них самое] сладкое [и] ароматное — какой прок от ядовитого плода?

33. Глава о размышлении

33.1. Все твердят имя Рамы, но с разными мыслями.

По-одному зовет Раму сати¹, по-другому — лицемер².

33.2. Говоря «огонь», никто не обожжется, пока не сунет в [него] ноги.

До тех пор пока [ты] не познаешь [Раму], какая польза от повторения: «Рам».

33.3. Кабир: [я много] думал, размышлял [и пришел к выводу]: никого нет, кроме [Рамы].

Когда [я] увидел Всевышнего, [я] стал единым целым [с Ним].

33.4. Кабир — кукла, надутая воздухом, словно пузырь [на воде, который однажды лопнет].

В этом пузыре Творец возжег пламя [любви], поэтому он способен действовать.

33.5. Девять манов³ нитей, о Кабир, запутано в каждом доме.

Тот, несчастный, распутает [их], кто познает любовь к Мурари⁴.

33.6. Кто с верой прочтет [хоть] половину моего стиха, тот достигнет спасения.

Но [если] у кого в душе нет веры и любви, то распевай [он стихи] хоть день и ночь, от этого пользы не будет.

33.7. Те же буквы, те же слова, но люди произносят [их] по-разному;

Поэт [своим] мастерством придает [стиху] красоту, наполняя [его] чистой амритой [и] эликсиром жизни⁵.

33.8. Хари подобен жемчужному ожерелью, [жемчужины которого] нанизаны на тонкую нить [раздумья о Нем].

Чрезмерное стремление к мирской суете может пограть ожерелье.

33.9. Душа не избавилась от страстей, а страсти не покинули душу.

Такова их природа — они закабалили человека.

33.10. Если утрачена вера в Бога, как восстановить [былую] веру?

Как всё отражается в воде, так [и ты] признавай Раму проявленным во всем [бытии]⁶.

33.11. Та же душа, то же тело, те же чувства⁷; как назову его Господином трех миров?⁸

[Говорит] Кабир: он обитает во всех людях, как вода содержится в любой жидкости.

34. Глава о наставлении

34.1. Хари джи дает такое наставление: «О Кабир, слагай стихи, [чтобы помочь людям]!»

Много людей [обитают] в океане бытия, но редкие достигают берега.

34.2. Век Кали скор [на воздаяния], не совершай дурных поступков.

В левой [руке] зерно, в правой — серп; что посеешь, то и пожнешь¹.

34.3. Кабир: Человек затрудняется ответить на вопрос и объяснить,

Куда исчезает [душа], которая только что произносила разные слова?

34.4. Кабир: Удали сомнения, рождение, смерть, заблуждения,

И тогда пять элементов², [из которых состоит твоё тело], растворятся в Истине, [и] душа достигнет спасения.

34.5. Если [ты] домохозяин, то [тебя] одолевают хлопоты; если отшельник, то [приходится] просить милостыню.

Человек оказался в тисках [бытия]; о сант, [только] наставления [гуру] избавят тебя от [такого] состояния.

34.6. Отшельнику следует быть равнодушным [к бытию], домохозяину — **великодушным**.

[Если] оба лишатся своих свойств, то существование их будет бессмысленно.

34.7. Как появляются плоды на дереве, так и ты веди себя. Собирая пайсу к пайсе³, в конце концов соберешь тысячи и миллионы [благих деяний].

34.8. Кабир: [если бхакт] навсегда возлюбит имя Хари, То уста [его] будут источать жемчуг [и] бесчисленное количество алмазов.

34.9. Говори такие слова, смилив гордыню в душе, Которые охладят твоё тело [от жара мирских страстей и] принесут счастье другим.

34.10. Бхакту следует быть осмотрительным и осторожным, Так хранить посуду и одежду, чтобы воры⁴ не похитили [их].

35. Глава о вере

Сначала Хари создал тело из семени.

[Затем] сотворил уши, руки, ноги, душу, вложил в уста язык.

Вверху — ноги, внизу — голова, в таком состоянии [Всевышний] держал [человека] девять месяцев¹.

[В желудке] горит пища и вода, но ребенок не чувствует этого огня.

35.1. [Пребывая] в таком страшном месте, [эмбрион] никогда не остается в пустоте.

Говорит Кабир: «О милосердный Кришна!² Почему ты покровительствуешь [человеку]?»

35.2. Почему люди постоянно кричат: «Голоден!», «Голоден!»

[Неужели] тот, кто вылепил [этот] глиняный горшок и содеял рот, не способен наполнить его?

35.3. [О человек], признавай Творца! Почему просишь еды? Войдя в храм [своего] сердца, [где обитает Господь], стань беззаботным и засни счастливым сном.

35.4. Посей имя Рамы, [потому что] это семя — плодородное.

Ороси поле — и, даже если потом земля засохнет, все равно это зерно даст урожай.

35.5. В душе пребывает драгоценная жемчужина, поминай [же ее] в [своем] сознании.

Действуй, не суетясь. Господь позаботится [о тебе].

35.6. Кабир: почему ты суетишься напрасно? К чему твои хлопоты?

Хари джи исполнит все, не хлопочи напрасно.

35.7. Судьбу, предопределенную Всемилостным, уже не изменишь³.

Судьбу не изменишь ни на йоту, хоть примени сотни тысяч [различных] средств.

35.8. Что [Всевышний] уготовил, то и будет.

Судьбу не изменишь на на йоту, сколько ни бейся головой.

35.9. Не суетись, будь спокоен — Господин всемогущ.

[Кроме людей] на свете существуют животные, птицы и другая живность. Как можно сосчитать, [сколько их]?

35.10. Святые не собирают богатств, им нужно лишь немного еды.

Что просят, то [Всевышний] им [и] дает.

35.11. [Я] соединился с именем Рамы в своем сердце, и Яма потерпел урон.

Я [полностью] доверился Всевышнему — [Его] слуга не отправится в ад.

35.12. Кабир: Почему тебя одолевает страх? [Ведь] Хари покровительствует тебе.

Взобравшись на слона, не бойся, хоть тысяча собак будут лаять [на тебя].

35.13. Сладка, как патока, еда подаяний, хлеб всех видов.

Ни у кого [к тебе] нет претензий — велик владыка без владений⁴.

35.14. Основное в душе — сок любви; гордость и нежность — свойства тела.

Все исчезнет, когда произнесешь: «Поддай мне».

35.15. Просящий [подаяние], словно смерть⁵, редок [тот], кто спасается от нее.

Я говорю Рагхунатху⁶: «Не заставляй меня просить».

35.16. Это тело — цветок розы, душа — пчела, [которая обожает ее необыкновенный аромат].

Имя Рамы орошает их амритой, и появляются плоды веры.

35.17. Исчезла привязанность [к мирскому бытию], обрел веру в Брахму.

Теперь у меня [ничего] другого нет — только надежда на Тебя.

35.18. Почему страдает тот человек, в сердце которого поселился Хари,

[Ведь одна лишь [волна] Океана Хари смывает страдания и бедность.

35.19. Поглощен пением гимнов, [но в душе] не разорвал тенет сомнений.

Все [в мире] — пустое без веры в Единственного.

35.20. Как в песне присутствует рыдание, а в рыдании — рага⁷,

Так и в байраги⁸ может обитать [душа] домохозяина, а в домохозяине [душа] байраги.

35.21. Пением [религиозных гимнов] не смогли обрести [Все-вышнего], [потому что] находились вдалеке от [Него].

[Но] тот, кто пел [с верой в Раму], полностью в Нем растворился.

36. Глава о распознании Возлюбленного

36.1. [Каменная фигура] в храме, [но] это не Господин.

Того признавай [своим] Господином, кто обитает во всей Вселенной.

36.2. Вся Вселенная — в Господе, но Он отделен от иллюзорного мира бытия.

[Только] Ему верно служит Кабир [и] больше никому.

36.3. В заблуждении [душа] забыла [своего] Супруга [и] много раз [Его] обманывала.

[Но] гуру прочитал ей мантру, и она обрела первого Мужа.

36.4. У Него нет ни лица, ни лба, [Он] без формы.

[Он] тоньше аромата цветов — таков Несравненный.

37. Глава о безразличии

37.1. В моей душе пролегла глубокая трещина [между мной и миром бытия].

Как невозможно склеить трещину в расколотом горном хрустале, так и не соединить вновь мою душу с этим миром.

37.2. Как сворачивается молоко, как засыхает дерево ак,

Так и разорвалась моя душа от недоброго слова — разорвалась связь с верой [в мир бытия].

37.3. [Если] сандаловое дерево расколешь [на кусочки] или орех в листе бетеля, [они все равно] сохраняют свои свойства,

[Но есть] две вещи, [которые если] расколешь, [то уже] не скленишь, — это Жемчуг¹ и душа.

37.4. Как старая и рваная одежда не может сохранить своего цвета,

Так и Кабир, познав [эту истину], отверг золото и женщин.

37.5. О друг, погружившись в размышление [о Всевышнем], почему не был осмотрителен?

О чем будешь думать, когда в этом городе² столько страданий и переживаний?

37.6. Хочешь уйти [из этого мира] — уходи, [но это] ничего не изменит для тебя.

Ты встретишь [еще] столько людей, сколько в лодке у перевозчика [при переправе через реку].

37.7. Почему ходишь из дома в дом [и] поишь людей водой [из Океана]?

[Ведь] тот, кто почувствует жажду [любви ко Всевышнему], выпьет [ее] сам.

37.8. Аскет [для стойкости] завязывает на набедренной повязке] семь узелков, он не ведает страха [перед мирским бытием].

Упоенный восторгом от Рамы, [он] Индру³ считает бедняком.

37.9. Притязания порождают страх, не имеющий притязаний свободен от страха.

Тот, кто не имеет притязаний, считает Индру бедняком.

37.10. Кабир: обошел весь мир, взвалив на плечи [свой] скарб.

Внимательно все осмотрел [и пришел к выводу]: «Нет у меня никого, кроме Хари».

38. Глава о всемогуществе [Бога]

38.1. Я ничего не сделал, ничего не в состоянии сделать, [и] йог не в силах [что-либо] сделать.

Все, что [я] сделал,— содеял Хари, [только] его милостью Кабир стал великим¹.

38.2. Все, что сделал Кабир, не существует, но существует все, что не сделано [им].

Что сделано, то существует, [но это] содеяно Господом.

38.3. У кого [в этом мире] нет никого, у того есть Ты; у кого есть Ты — у того есть всё.

В твоём дворце, о Господин, не может быть пусто.

38.4. Один бхакт созерцает [Всевышнего]; другой, лишенный истинной любви, рыдает [по Нему].

Милосердный господин пробудил меня ото сна [мирского бытия].

38.5. [Если даже] семь океанов превратить в чернила, [все] деревья — в перо,

[Всю] землю превратить в бумагу, [то все равно] я не смогу описать величие Хари.

38.6. Как описать Неописуемого? Я не в состоянии описать [Его].

[Но я] опишу Его таким, каким я Его себе представляю. Я устал говорить постоянно о Тебе, о мой Друг!

38.7. Огонь слева, огонь справа, огонь повсюду — я сгораю в [этом] огне мирских страстей.

Впереди и позади [меня] тоже огонь, только Творец может меня защитить.

38.8. Мой Господин — купец, который занят торговлей:

Без гирь и весов Он взвешивает целый мир.

38.9. Я соединился с именем [Рамы], как смешалось горчичное зерно с солью.

[О Всевышний], как собьешь с пути того, кого Ты направил по пути [любви]?

38.10. Кабир: к чему твои хлопоты, если Рам не поможет [тебе]?

На какую бы ветку [ты] ни поставил ноги, она [все равно] согнется [под твоей тяжестью].

38.11. С тех пор как я познал этот мир, нет мне счастья.

Сколько ни брожу [в поисках счастья], страдания не покидают меня.

38.12. Господь располагает всем, у [Его] же слуги — нет ничего.

Горчичное зернышко он превращает в гору, [а] горю — в горчичное зернышко.

39. Глава о злословии

39.1. Рана от копья легка — получивший [ее] продолжает дышать.

Но тот, кто излечит рану от злословия, [будет мне] гурю, я — его слугой¹.

39.2. Как земля терпит [страдания] от того, что ее топчут, лес терпит [страдания] от [ударов] топора,

Так и слуга Хари терпит [страдания] от злословия, и никто другой.

39.3. Истинный покой не обретешь, оставаясь равнодушным.

Избавься от пороков, стань безупречным, [и тогда ты] не будешь страдать от злословия.

39.4. Кабир: [душа] обрела покой, получив знание Брахмана.

Огонь [страстей], который сжег весь мир, мне кажется водой².

40. Глава о слове [истинного гуру]

40.1. Кабир: в теле [живет] слово [истинного гуру], инструмент играет без струн.

Снаружи [и] внутри — все наполнилось [словом гуру], исчезли все заблуждения.

40.2. Истина, радость, бдительность, благородные помыслы — всем этим пронизано слово [гуру].

Милостью истинного гуру я достиг всех добродетелей, являющихся сутью всех учений.

40.3. Истинный гуру должен быть таким, как шлифовальщик.

Вращая [свое] слово на точильном камне, [он] делает тело [блестящим], как зеркало.

40.4. Истинный гуру — настоящий воитель — метнул в меня одно слово.

Едва [оно] коснулось [меня], я [пал] наземь, и в сердце [у меня] открылась рана¹.

40.5. Стрела [любви] Хари попала в [его] слугу, [и он] не в состоянии ничего сказать.

Удар поразил тело, [а] боль [осталась] в сердце.

40.6. Чем больше я поминаю достоинства Хари, тем глубже вонзается стрела [любви].

Чем сильнее натягиваешь тетиву лука, тем глубже вонзается стрела.

40.7. Чем больше я поминаю достоинства Хари, тем глубже вонзается стрела [любви].

Кто выдержит эту боль [разлуки], тот станет бхактом, подобно Кабиду.

40.8. Громко зовет здоровый, еще [громче] — раненый. Сраженный же словом [гуру], Кабир не сдвинулся с места².

41. Глава об умершем при жизни¹

41.1. [Если человек] живет, словно мертвый, отказавшись от всех мирских желаний,

И служит своему Господину, то Хари оберегает [своего] слугу от страданий.

41.2. Кабир: [моя] душа умерла, а тело [мое] ослабло.

Тогда Хари последовал [за мною], зывая: «Кабир», «Кабир»².

41.3. Кабир: умерев [при жизни], остался презренный [людьми] на кладбище — никто не понял моей тайны.

Только Хари нежно призвал меня, словно корова, любящая [своего] теленка.

41.4. [Если] сжигаю [фальшивый] дом, [то] спасаю дом [истинный], если сохраняю [фальшивый] дом, [то] теряю дом истинный³.

[Я] увидел удивительное — тот, кто умер [при жизни], победил смерть.

41.5. Смерть за смертью — так вымер [весь] мир, [но] никто не знает, как умирать.

Кабир: умирать надо так, чтобы не пришлось умирать снова.

41.6. Умер лекарь, умер больной, умер весь мир.

Не умер [лишь] один Кабир, опорой которому служит Рама.

41.7. [Моя] душа умерла, умерли все привязанности, прошла корысть, [все] исчезло.

Был йог, но слился с Всевышним, [и от] асаны⁴ [его] осталась [лишь горстка] пепла.

41.8. Смерть лучше, чем жизнь [в мире сансары], для тех, кто знает, как умирать.

Кто умирает до своей смерти, тот становится бессмертным в век Кали.

41.9. Никто из лицемеров не может выдержать испытания на пробном камне Рамы⁵.

[Лишь тот] выдержит испытание, кто живет, словно мертвый.

41.10. [Когда] подавишь в себе себялюбие, [тогда] встретишь Хари, [если] забудешь Хари — потеряешь все.

Невыразима история любви — сказанному никто не поверит.

41.11. [Тот, у кого] нет Госаина⁶, погубит себя, потому что у него нет опоры.

О человек, сделай бедность своей верой — и будь что будет!⁷

41.12. Кто беден, тот смирен; кто богат, тот объят гордыней. Сердце высокомерного полно яда, сердце бедняка переполнено Рамой.

41.13. Кабир.— ученик Святого, ничтожный слуга всех слуг [Рамы].

Кабир: «Я стал травой, которая стелется под ногами».

41.14. Стань камнем на дороге, отринув гордыню [и] лицемерие.

Кто станет истинным бхактом, тот встретит Бхагавана⁸.

42. Глава о лицемерии

42.1. Кабир: не иди туда, где лицемерная любовь.

[Я] сжег бутон канира¹, [у которого] тело красное, а душа белая.

42.2. Занятый мирскими делами² шакт — хорош, если он подобен девственнице.

Грешный вишнуит — плох, слуга Хари не должен приближаться [к нему].

42.3. Поминай чистейшее имя Хари! Молись самому чистому [имени Его], о брат!

Иначе ты так запачкаешься, что не отмоешься и мылом.

43. Глава о поисках наставления учителя

43.1. Не встретился [еще] тот, кто дал бы нам совет, Схватив рукой за волосы, вытащил бы тонущих в океане бытия.

43.2. Не встретился [еще] тот, кто, признав нас, сделал бы своими учениками

И, оказав [свою] милость, переправил бы нас на другой берег [океана бытия].

43.3. Не встретился [еще] тот, кто был бы преисполнен любви к Раме,

[Кому бы мы могли] вручить [свое] тело [и] душу, словно антилопа, очарованная песней охотника¹.

43.4. Не встретился [еще] тот, кто сжег бы собственный дом,

Изгнал бы [пятерых] сыновей² и сосредоточился на любви к Рама.

43.5. Не встретился [еще] тот, за кем мы могли бы последовать,

Видя, как горит все человечество в огне своих прихотей и желаний.

43.6. Не встретился [еще] тот, кому бы я [мог] рассказать все откровенно, все, что у меня на душе,

Кому бы я мог рассказать о том, что я мертв [при жизни].

43.7. Не встретился [еще] тот, кто показал бы нам дорогу [к Всевышнему],

Направил бы все мысли и чувства на Хари, который обитает один в пустоте.

43.8. Мы видим, [как] уходит мир, мир видит, [как] уходим мы.

[Но] не встретился [еще] тот, кто, взяв нас за руку, вывел бы [из круговорота рождений].

43.9. Три рода влюбленных встречаются часто, [но] любящих четвертого рода не встретишь³.

[Хоть] все и любят Раму, [но все равно] остаются верны своим страстям.

43.10. Много встречается околдованных мирским бытием [и] тех, кто предпочитает произносить никчемные речи.

[Но] не встретился еще такой, чье сердце ранено любовью к Господину.

43.11. Много встречается храбрых бойцов, но раненых [любовью к Раме] не встретишь.

Когда раненый⁴ встречает раненого, то любовь становится сильнее.

43.12. Я повсюду ищу влюбленного [в Бога], но не встретился мне воистину влюбленный.

[Если] любящий встречает любящего, то весь яд превращается в амриту.

43.13. Я сжег свой дом, взяв в руки факел.

Теперь я сожгу дом того, кто пойдет вместе со мной.

44. Глава о нежности и любви

44.1. Ночной лотос обитает в воде Хари, [а] луна обитает на небе,

[Но тот, кто] любит, всегда [находится] рядом.

44.2. Кабир: гуру живет в Бенаресе, [а его] ученик — на берегу океана.

[Но ученик] ничего не забыл — таковы свойства [его] души.

44.3. Любящие встречаются время от времени,
[Но] тот, кто вручил [свое] тело [и] душу [Возлюбленному], никогда не отдалится от [Него].

44.4. Хозяин [и] слуга — единое целое, я слился душою с богом.

Господину не нравится хитрость [его слуги],

[Он] признает благородство.

45. Глава об отваге

45.1. Трусостью не обретишь спасения, так будь же храбрым.

Отринь [лживое] оружие заблуждений [и] овладей копьем-поминанием.

45.2. Забившись в угол, не обретешь спасения, о глупец!
Кабир: чтобы достичь спасения, умри на поле брани с мирскими страстями.

45.3. Кабир: тот [настоящий] герой, [кто] сражается со [страстями своей] души,

[Кто], сразив пятерых пехотинцев¹, уничтожит двойственность².

45.4. Герой тот, кто сражается, окруженный [врагами] со всех сторон,

Кто сражается с одним войском, того не признавай героем,— говорит Кабир.

45.5. Кабир: тот герой, [кто], войдя в лес³, остается [в нем] властелином,

[Кто] остался верен своему Господину, не ожидая награды [от Него].

45.6. В пустоте раздается звон литавр, гремит барабан войны,

Герой сражается на поле брани, презрев саму смерть.

45.7. Кабир: я возлюбил Хари, и во мне не осталось сомнений.

На широком поле [бытия] я сражаюсь с вожделением и гневом.

45.8. Герой, взяв в руки меч [сосредоточенности], надел доспехи единства [с Божеством].

Он взобрался на слона знания, теперь настало время покинуть поле [боя].

45.9. Того признавай героем, [кто] сражается ради любви [к своему Господину].

[Если] даже [его] разорвут на мелкие кусочки, [он все равно] не покинет поля [боя].

45.10. Герой не оставит поля [битвы], сражаясь с [вражеским] войском,

В душе [своей] не думай ни о жизни, ни о смерти.

45.11. Не оставляй [поле] сражения, не беги вспять, ведь твой дом далек.

Вручи [свою] голову Господину, не заботься ни о чем.

45.12. Случилось так, что сбылось желание души —

Зачем бояться смерти, когда в руках синдур?⁴

45.13. Мир боится смерти, а я радуюсь [ей],

Когда же я умру, когда же увижу Истинное блаженство⁵?

45.14. Трус любит бахвалиться, герой никогда не хвастает.

Только их дела покажут — на чье лицо падает свет⁶.

45.15. Иди [и] спроси у раненого, [который] не спит от боли ни днем, ни ночью.

[Эту] боль знает [только тот, кто] пустил стрелу, или тот, кого [она] поразила⁷.

45.16. Раненый [словом гуру] бродит повсюду и не ищет убежища.

Кто ранен стрелой гуру, не переживет [боли] — смертельна его рана⁸.

45.17. Дерево высокое, плоды [его] в небе; птицы погибли, отчаявшись [достать их].

Великие мудрецы исчерпали [свои силы], тщась достать [их, но] безупречные плоды остались недосыгаемы⁹.

45.18. Остался вдалеке [от Всевышнего] — ну и что? Отдай свою голову [Господу] и станешь близким ему.

Но пока не вручишь [свою] голову [Всевышнему], не достигнешь успеха.

45.19. Кабир: этот дом любви — не дом кхалы¹⁰.

Сняв собственную голову, вручи [ее Господу] — вот плата за вход в [этот] дом.

45.20. Кабир: дорога к истинному дому любви — тернистая [и] труднопроходимая.

[Если] снимешь [свою] голову и положишь к ногам Всевышнего, тогда почувствуешь вкус любви.

45.21. Любовь не растет в поле, любовь не продается на базаре.

Раджа или слуга — всяк получит [ее], если взамен отдаст [свою] голову.

45.22. Отрезав [свою] голову, сделал противовес и отдал свою жизнь за каплю любви.

Всякий, кто хочет, пусть берет любовь за ту цену, какую я установил.

45.23. Герой снял [свою] голову, отрехшись от [всех] желаний тела.

[Тогда] Хари издали увидел слугу и радостно встретил [его].

45.24. Бхакти — супруга Рамы, она не для трусливых.

[Кто] снимет [свою] голову и вручит [ее Раме], тот обретет имя Рамы.

45.25. Бхакти — супруга Рамы, [она], словно [острое] лезвие.

Кто колеблется, тот порежется об него, стойкий пройдет по нему [невредимым].

45.26. Бхакти — супруга Рамы, [она], словно пламя огня.

[Кто] прыгнет [в него], тот спасется, сгорит [тот, для кого оно — просто] зрелище.

45.27. Кабир: осторожно взберись на коня любви.

И, вооружившись знанием, сильным ударом снеси голову смерти.

45.28. Кабир: [я] сторговал Алмаз по безумно дорогой цене: Взамен [его] отдал [свое] тело и пожертвовал головой.

45.29. У меня столько врагов, сколько звезд на ночном небе. [Но, если даже] отрежут [мне] голову и насадят на зубец крепости, а тело — на железный кол.

То [я все равно] не смогу отделиться от Тебя, [мой Господин].

45.30. Если [я] останусь побежденным, то буду с Хари; стану победителем — моя удача.

Буду служить Парабрахме ценою своей головы — это не такая большая плата.

45.31. Ценою [своей] головы служи Хари, оставь мирские заботы.

Кто отдал [свою] голову и встретил Хари — удачно сторговал [Алмаз].

45.32. Если оборвется канат, натянутый высоко в небе, никто не поддержит акробата.

[Так] садху, сати [и] герой балансируют на острие меча.

45.33. Сати восклицает, взойдя на костер: «Слушай, о мой муж на погребальном костре!

Все люди ушли, и наконец мы с тобой остались [наедине]».

45.34. Несчастливая душа совершила обряд сати — расстелила [брачное] ложе на костре.

[Она] заснула вместе со своим Возлюбленным, [и] огонь охватил [их] со всех сторон.

45.35. Сати и герой совершили подвиг, отдав [свое] тело [и] душу.

Пожертвовали собой ради Возлюбленного, и теперь поляна сожжения прославляет [их].

45.36. Сати вышла, чтобы сгореть [на костре, который разжег Возлюбленный], поминая Его с любовью.

Услышав [одно] слово [Возлюбленного], лишилась жизни, забыв о своем теле.

45.37. Сати вышла, чтобы сгореть [на костре, который разжег Возлюбленный], она думала только о Единственном.

Когда [она] вверила тело [и] душу своему Возлюбленному, [тогда] не осталось различия [между ними].

45.38. Кабир: я спрашиваю у тебя, о подруга, почему не умерла при жизни?

Умерла [вслед за Возлюбленным], совершив обряд сати, [но] почему [ты] при жизни не сделала это?

45.39. Кабир: взывай к Раме открыто, не воспевай [имя] Рамы тайком.

Избавься от соломенной занавеси майи, чтобы не загорелась [она] второй раз.

45.40. Кабир: Хари почитает всех, [но] никто не почитает Хари.

Пока ты заботаешься о своем теле, не станешь слугой [Всевышнего].

45.41. Весь мир охвачен корыстью, даже бхакт корыстен в [своем] служении [Раме].

[Но] корысть Кабира — [только] Рама, поэтому я расстался со своими желаниями.

46. Глава о смерти

46.1. О человек, поддельное счастье [ты] принимаешь за [истинное], радуясь этому в душе.

[На самом деле весь] мир для смерти — что жареные зерна; одни [у нее] во рту, другие [пока] в подоле.

46.2. Сегодня ночью [или] завтра [она] застанет нас в дороге.

Человек — воробей, смерть — сокол, [который] неожиданно нападает.

46.3. Смерть стоит у [твоего] изголовья. Проснись, о любимый друг!

Почему без любви к Раме спишь спокойно?

46.4. Весь мир погружен в сон, [только одному] святому не спится,

[Потому что] он понимает, что смерть стоит у изголовья, словно жених у ворот [невесты].

46.5. Сегодня говорит: «завтра буду почитать Хари». Завтра опять говорит: «завтра».

Так, откладывая со дня на день, упустил благоприятное время¹.

46.6. Кабир: не заметил, [как] прошло мгновение в хлопотах о завтрашнем дне.

Смерть внезапно нагрянет, как сокол на куропатку.

46.7. Кабир: [человек, как птичка], клевал кусочек за кусочком — [так] промелькнули мгновение за мгновением².

Душа [еще] не освободилась от забот, а Яма [уже] пришел и ударил в барабан.

46.8. Я один против двух, между ними нет разницы:

Если спасусь от Ямы, [все равно] старость настигнет [меня].

46.9. Один за другим ушли любимые друзья.
О душа, теперь [и] твоя очередь приближается с каждым днем.

46.10. Стоящее в лесу дерево, загоревшись, вызывает:
«Да не окажусь [я] во власти кузнеца, который сожжет [меня] второй раз»³.

46.11. Что взошло, закатится; что расцвело, завянет.
Что построено, разрушится; что пришло, уйдет.

46.12. Что надето, порвется; имя, [которое] дали, уйдет.
О Кабир, пойми ту истину, [которую] изрек истинный гуру.

46.13. Душа вызывает к сознанию: почему живешь без страха, оставшись без Рамы?

[Знай], ведь это тело — пузырь на воде, [который] очень скоро лопнет.

46.14. Пузырь на воде — такова наша жизнь.

Однажды [мы] исчезнем, как звезды на рассвете.

46.15. Кабир: этот мир — пустое. Иногда [бывает] горьким, иногда — сладким.

Тот, [кто] вчера восседал [на троне] во дворце, сегодня виден [горящим] на поляне сожжения.

46.16. Кабир: каждый день [женщина] в своем дворце скрывает свое лицо⁴,

Страшась смотреть на масан⁵, [а сегодня] ее сожгли на нем у всех на глазах.

46.17. Только вчера [женщина] блистала своей красотой, словно пламя светильника.

[А сегодня] лебедь⁶ отправился в путешествие, и люди сказали: «Вынеси этот мусор из дома»⁷.

46.18. Храм высок, высока башня, двери [его] разрисованы, [Но] без имени Рамы Яма даст подзатыльник.

46.19. Кабир: к чему гордиться, [если] смерть, схватив тебя за волосы,

Неизвестно куда швырнет — уничтожит в своем доме или на чужбине.

46.20. Кабир: инструмент не играет, порвались все струны.

Что может поделывать бедный инструмент, [если] ушел музыкант?⁸

46.21. Кузнец ушел, а кузнечный горн продолжает пылать.

Наковальня и кузнечный молот остались ненужными⁹.

46.22. Странник шагал по дороге, взвалив на спину мешок, [А] впереди его ждала смерть — все в жизни иллюзорно.

46.23. [Человек] пришел [в этот мир] издалека [и] сегодня же отправляется в далекий [путь].

[Он] остановился на полпути, [чтобы] насладиться [жизнью], [но] смерть уже стоит на обочине дороги.

46.24. Никогда не произносил имя Рама, [а тут] пришла старость.

Что успеешь вытащить, когда двери храма [уже] закрыты? ¹⁰

46.25. Годы прошли, силы иссякли, [даже] цвет [волос и кожи] изменился.

Разрушенного не восстановить, как ни раскаивайся.

46.26. Годы прошли, силы иссякли, а ты накопил [множество] дурных дел.

Выпустил Хари из своих рук, а день смерти уже пришел.

46.27. Кабир: возлюби Хари, не думай о дурном. [Как] привязанное к двери животное не знает, сколько ему еще осталось жить,

[Так и ты] не знаешь, когда [смерть] придет за тобой.

46.28. [Я] построил дом в ядовитом лесу ¹¹, а вокруг меня змеи.

Страх охватывает [мою] душу, [и] поэтому я не сплю по ночам.

46.29. Кабир: счастье — это Рама, все остальное — несчастье.

Боги, люди, святые, демоны — все попали в [сети] смеющейся смерти.

46.30. Тело бrenно, душа неустойчива, [а человек] беззаботно хлопочет о своем, не помяная имя [Рама].

[Но] чем беззаботней живет человек, тем [сильнее] смеется смерть.

46.31. Плакальщики умерли; умерли [те, кто] разжигал [костер].

Ушел тот, [кто] оплакивал [их], кого [теперь] позовешь?

46.32. Те, кто дал нам жизнь, умерли, [и] мы тоже собираемся в путь.

И те, [кто] нам встретится впереди, тоже уже увяжают поклажу.

47. Глава о жизни

47.1. Иди туда, где нет ни старости, ни смерти, где никто не слышал о смерти.

Иди, о Кабир, в ту страну, где лекарь — сам Всевышний.

47.2. Кабир: живет в лесу, став йогом, собирает и ест дикие корни.

[Но] я не знаю, от какого корня¹ [тело] стало бес-
смертным.

47.3. Кабир достиг стоп Хари, разорвались сети заблужде-
ний, [расставленных] майей.

Теперь [он] принял позу йога в пустоте², [и] смерть
ушла, колотя [себя] по голове.

47.4. Три и перетирай³ [грязь] со своей души, пока не ис-
чезнет себялюбие.

Словно паралитик, зывай [к Любимому]: «пиу»,
«пиу»⁴, тогда смерть не сможет поглотить [тебя].

47.5. Кабир отточил [свою] душу о точильный камень раз-
луки.

Теперь моя душа растворилась в стопах [Хари], и рука
смерти не дотянется туда.

47.6. Проводи много времени под таким деревом, [которое]
плодоносило бы двенадцать месяцев⁵,

[Давало] прохладную тень, изобилие плодов, [и на
нем бы] резвились птицы.

47.7. Дерево [дарует] милость, благодетельны плоды [его]
для живущих.

Но птицы⁶ улетают в далекие края от дерева, прино-
сящего благие плоды.

48. Глава об ослеплении

48.1. Бросил бесценный Драгоценный камень [и] взял в
руки [простой] булыжник¹.

Оставил лебеда ради дружбы с цаплей.

48.2. [Я] увидел одну удивительную [вещь]: на базаре про-
давался Алмаз,

[Но] не было [там] знатока, и пошел он за каури².

48.3. Кабир: на ненужный хлам нашелся покупатель.

[Он] связал [тяжелый] тюк негодных вещей — теперь
[ему] ничего не унести [с собой].

48.4. Жемчужины рассыпаны на дороге, вышел слепой [и
не заметил их].

[Так и тот, кому] недоступен свет Джагадиши³, обой-
дет весь мир, но не заметит [достоинств] мира⁴.

48.5. Кабир: этот мир слеп, как слепая корова.

Был теленок и умер, [а она] продолжает лизать его
шкуру [от любви и горя].

49. Глава о проницательности

49.1. [Если] найдется достойный ценитель [Драгоценного камня], то камень будет продан за тысячи.

[Но] если [такого] ценителя не найдется, то его можно продать за каури.

49.2. Кабир: в волнах моря [любви] рассыпаны жемчужины.

Цапля не понимает этого, лебедь [же] собрал и съел [их].

49.3. Хари — Алмаз, слуга [Хари] — ювелир. Взяв [его], открыл лавку.

Как только найдется ценитель, [он даст] за Алмаз [настоящую] цену.

50. Глава о рождении

50.1. Я не знаю названия [той] деревни, куда иду¹.

Только вчера [я] занозил [себе ноги] колючками, так почему же [сегодня] не надел деревянные сандалии?

50.2. Получив урок сансары, [я] пошел к [своему] Господину.

Нетленный увел меня [с собой] — исполнилось мое [заветное] желание.

50.3. [Увидев это], удивились все в раю. Брахма впал в раздумье.

Кабир отправился с Рамой, и собралось бесчисленное множество зрителей.

50.4. Все: животные, птицы, люди — утонули в своей гордыне.

[О бхакт], оставь гордыню и поселись в шунье².

50.5. Кабир извлек чистую воду из очень глубокого колодца и выпил [ее].

Все живые создания, погрязшие в мирской суете, умерли от жажды.

50.6. Кабир: во сне [ко мне] явился Хари, разбудил меня, и я восстал от сна [неведения].

[Но я] не в силах открыть глаза, боясь, что рассеется это сновидение.

50.7. У Гобинда³ множество добродетелей, [которые] записаны в моем сердце.

[Поэтому я] боюсь пить воду, чтобы не смыть [записанное].

50.8. Кабир: так случилось, что мое имя стало бесценным.

Прежде [же я] скитался с места на место, подобно [шарику] ртути.

50.9. Океан [бытия] полон ядовитой водой, душа лишена стойкости.

[Но], когда Кабир встретил любимого Хари, тогда [он] перешел океан бытия.

50.10. Целый и невредимый я перешел океан [бытия] — такова моя счастливая судьба.

[Я] ухватился за лодку Рамы, и ни вода, ни грязь⁴ не смогли коснуться [меня].

50.11. Кабир: Кешав⁵ оказал милость — удалил все мои сомнения.

Дни, прошедшие без бхакти, были днями заблуждений.

50.12. Кабир: [я] вышел искать счастья, [но] впереди встретил несчастье.

[Оно] увело [меня] домой, [и там я] нашел огромное сокровище [любви к Раме].

51. Глава о милости и дружелюбии

51.1. Кабир: сгорела река [сансары], вода и земля [тоже] в огне.

[Но огонь] не одолел Гопала¹, не уничтожил бесценную Жемчужину.

51.2. Поднявшись высоко, тучи извергли дождь раскаленных углей.

Поднимись, о Кабир, [и] громко зывай о том, что мир горит [в огне мирских страстей].

51.3. Пылает огонь, и все страдают², я не вижу ни одного счастливого.

[Но] там, куда Кабир направил свои стопы, он обрел облегчение.

52. Глава о прекрасной [возлюбленной]¹

52.1. Кабир: красавица вызывает: «Послушай [мою мольбу], о мой мудрый Супруг!

Если не встретишься со мной и не придешь ко мне, жизнь покинет меня».

52.2. Кабир: красавицу, которая добровольно прелюбодействует [с другими],

Никогда не будет почитать и любить Супруг.

52.3. Ту красавицу, которая почитает [своего] Господина, отринув все желания,

Никогда не покинет [Супруг] и не расстанется [с нею] ни на миг.

52.4. Терпеливо мели эту душу — перемалывай в муку мелкого помола.

Красавица тогда обретет счастье, когда появится свет Брахмы².

52.5. Над рекой висят качели³, которые Супруг повесил для [своей] возлюбленной.

[Его] возлюбленная счастлива, потому что днями качается [на них].

53. Глава о мускусной антилопе

53.1. Мускус находится в пупке антилопы, [а] она ищет [его] в лесу¹,

Хотя Рама [обитает] в каждом сердце, люди не видят [Его].

53.2. Редок тот святой, который знает, [что Всевышний обитает в каждом сердце], которому подвластны пять [чувств]².

[Но] кто не [может] обуздать [свои] пять [чувств], не будет с Хари.

53.3. Господин обитает в [каждом] сердце, [но] заблудшие не понимают этого.

Они подобны мускусной антилопе, [которая ищет его] повсюду, обнюхивая траву.

53.4. Кабир: в поисках Рамы [подвижник] отправился на Сингхалдвип³,

[Но] Рама обитает в теле того, кто верит в Него.

53.5. [Никто] и нигде не видел [Господа] ни малым, ни большим; [но] Брахма, как в зеркале, отражается повсюду.

Тот, кто знает [это], находится рядом [с Ним], далек от [Него тот], кто считает, что [Он находится] вдалеке.

53.6. Я считал, что Хари [находится] далеко, а Хари, как в зеркале, отражается во всем.

Я считал, [что] Он вне меня, а [Он] рядом.

53.7. Рама — сокровенный побег травы, скрытый высоко в горах.

[Но] я встретил истинного гуру, обрел видение [Бога], и тогда Хари проявился в [моем] сердце.

53.8. Имя Рамы во всех трех мирах, [Он], как в зеркале, отражается в душе [человека].

Сожги эту ложь, которая взыскует Господа вдалеке.

53.9. Как зрочки [находятся] внутри глаз, так и Господин обитает во [всех] сердцах,

[Но] невежды не знают [этого] и ищут [Его] снаружи.

54. Глава о поношении¹

54.1. Несчастливые люди, не обретшие знания [о Всевышнем], пребывают во сне [неведения].

Но [святые], которые обожают имя Рамы, не могут [уже] испытывать другие чувства.

54.2. Заметив недостатки других, [глупцы] поднимают [их] на смех.

[Они] не думают о своих собственных недостатках, которым нет ни начала, ни конца.

54.3. Держи клеветника около себя, построй [для него] хижину в своем дворе.

[Ведь он] без мыла и воды [своей клеветой] очистит твой характер.

54.4. Не гони клеветника, относись к нему с любовью и уважением.

[Он] очистит [твою] душу и тело своей клеветой.

54.5. Кто клеветает на аскета, тот навлекает на себя несчастье.

[Он] умрет в аду — спасение не для него.

54.6. Кабир: не порицай траву за то, что [она] стелется [у тебя] под ногами.

Если [хоть одна травинка] попадет [тебе] в глаз, принесет немало страданий².

54.7. Не восхваляй себя [и] не унижай других.

Неизвестно, под каким деревом [твой] скелет превратится в прах.

54.8. Кабир: обманывай себя самого, [но] не обманывай других.

Обманываешь себя — обретаешь счастье, обманываешь других — становишься несчастным.

54.9. Если сегодня встречу Господина, то, рыдая, расскажу [Ему] о [своих] страданиях.

Преклонив голову к Его стопам, скажу все, что хочу сказать.

55. Глава о лишенных [благих] качеств

55.1. Зеленый побег знает о милости воды [Хари].

Сухое [же] бревно не ведает, когда прольется дождь [милости Господа].

55.2. Дождь, [капля за каплей], пролился на камень.

Земля, [которую окропил дождь], измельчилась и соединилась с водой, а камень остался таким же твердым, каким и был¹.

55.3. Парабрахман излил дождь жемчужин и покрыл ими вершины гор.

Те, кто обрел истинного гуру, собрали их; с пустыми руками остались те, у кого [гуру] не было.

55.4. Кабир: сок Хари излился на вершины гор и холмов. [Но] вода стекла с вершин и задержалась в низинах².

55.5. Кабир: глупцы, совершающие ритуалы, подобны камню с ног до головы.

Что делать [бедному] лучнику³, [если] стрелы не могут пронзить камень?

55.6. Кабир: дни прошли в [бесполезной] болтовне и слушании [ее]; душа, попав в сети [сансары], не смогла распутать [их].

Говорит Кабир: «О душа! [Ты] ничего не поняла и находишься в заблуждении, как и раньше».

55.7. Говорит Кабир: [сердца мирян] так жестоки, что наставления [истинного гуру] — пустой звук для них.

[Но] наставление, попав в сердце [человека], обладающего знанием о Боге, рождает знание и поминание [Всевышнего].

55.8. В надежде найти облегчение люди остановились на длинной дороге [жизни].

Их тела полны ядом мирских страстей — в них нет места для амриты.

55.9. [Если] змею поить молоком, [то] и молоко превращается в яд.

Не встретился [мне] еще такой, кто бы мог проглотить яд⁴ змеи.

55.10. Не моя ошибка, что кхаджури⁵ так высока и [ветви] ее раскинулись во все стороны.

Птицы не могут найти тень [под ней], а плоды находятся так высоко!

55.11. Из-за того что бамбук высок, [он] считает себя высокородным.

[Он] не воспринял благоухание сандала, и все [его] высокородие сгорело в огне.

55.12. Кабир: в соседстве с сандалом дерево ним⁶ тоже становится как сандал.

Бамбук же утонул в гордыне — [пусть] никто не утонет так.

56. Глава о мольбе

56.1. Кабир: когда [я] встречу Господина, [то сначала] справлюсь [у Него] о новостях.

Затем расскажу [Ему] все до конца, что у меня на сердце¹.

56.2. Кабир: в своих заблуждениях я забыл Тебя, [о Господь]! Нет мне прощения.

[Но] Господин взирает на это спокойно, ибо в этом виноват всегда [только Его] слуга.

56.3. Творец обладает всеми благими свойствами — [у Него] нет недостатков.

[Если] я загляну в свое сердце, то найду там одни пороки.

56.4. Пропустил случай [познать Всевышнего], и Возлюбленный остался в чужой стране.

О Кешав! Уничтожь скверну [мирского бытия], удали заблуждения и сомнения.

56.5. Окруженный океаном бытия, Кабир взывает с мольбой к Господину.

«О Госаин!² [Яма] совершает насилие над Твоим слугой, отрази его [натиск]».

56.6. «Я много раз совершал хадж к Каабе, о, сколько раз!» — говорит Кабир.

«О мир³, в чем моя вина, что ты мне ничего не говорил? О мой пир⁴!»

56.7. О Всевышний! Как моя душа [слилась] с Твоей, так и Твоя [Душа слилась с моей],

Так плавится [в печи] железо, сливаясь в единый поток.

57. Глава о свидетеле

57.1. Кабир спрашивает у Рамы, Государя всей вселенной:

«О Всевышний! Создав все, [Ты] живешь отдельно. Скажи мне, почему Ты поступил так?»

57.2. В [тот] миг, когда встретишь Господа, не знайся ни с кем другим.

[Он] дарует всем счастье, дает наставление — каждый может [Его] обрести.

58. Глава о лиане¹

58.1. Случилось так, что не оказалось ни тыквы, ни лианы.

Полено, которое принесли, чтобы разжечь огонь, вдруг пустило зеленые побеги.

58.2. Сначала горит в огне, [а] потом снова зеленеет.

Я приношу себя в жертву такому дереву, которое приносит плоды, [если даже] вырубашь [его] корни.

58.3. Если рубишь [лиану, то она] зеленеет, если поливашь, то засыхает.

Невозможно рассказать о свойствах этой удивительной лианы.

58.4. Лиана [растет] во дворе, [а] плоды ее — в небе.

Это подобно молоку бесплодной коровы, смычку [музыкального инструмента] из усов зайца, игре с сыном бесплодной женщины.

58.5. Кабир: горька лиана, горьки и ее плоды.

[Только] тогда ты станешь святым, когда оставишь эту лиану.

58.6. Стал святым, слава [о тебе распространилась] повсюду. Но что с того?

Ведь семена [лианы] остались и сегодня, [а завтра] они дадут всходы.

59. Глава о неотделимом

59.1. Кабир: завел Друга, [которому] неведомо ни счастье, ни горе.

Я с любовью дружу и играю с Ним — я никогда не отделяюсь от [Него].

59.2. Кабир: кроме Творца, нет у меня добродетельней Друга.

Обладаю ли я достоинствами, или из корысти имею дело с людьми — Он все равно не бросит меня.

59.3. В начале, в середине и в конце [Рама] остается Нераздельным и Невидимым.

Кабир: слуга [Его] никогда не отделится от [своего] Творца.

КОММЕНТАРИЙ

1

¹ Уважение и доверие к гуру — духовному наставнику, без которого немислимо подлинное познание истины и достижение спасения, свойственно всей индуистской традиции. Кабир в этом смысле не представляет исключения, и в любом сборнике его произведений значительное число двустихий посвящено восславлению «истинного гуру». Этими же стихами и открывается собрание стихотворений.

² Хари — одно из имен Вишну. В данном контексте под Хари Кабир понимает высочайшую божественную субстанцию.

³ *хариджан* (*harijana*, букв. «человек Хари», «божий человек»), или адепт, дас, бхакт, т. е. «слуга Хари» (вишнуит); обычно хариджанами именовались представители низших каст, неприкасаемые. Кабир называет себя хариджаном, имея в виду и касту, и свою принадлежность к бхакти.

⁴ Бесконечный (Ананта) — в мифологии имя змея Шеши, на котором покоится Вишну в мировом океане. Данное имя может также относиться и к другим божествам. У Кабира — эпитет Рамы.

⁵ Калиюга — последний из четырех мировых периодов индийской космогонии, известный как век зла, насилия и страдания. Индийская космогония делится на четыре цикла, или юги: 1. Сатьяюга (истинный, или золотой, век); 2. Третаюга (серебряный век); 3. Двапараюга (медный, или бронзовый, век); 4. Калиюга, или Кали («черная», «бедственная», железный век).

⁶ *стрела* — метафора, символизирующая мистическое наставление, которое наставник-гуру передает своему ученику. Благодаря ему адепт постигает знание о Всевышнем.

⁷ *лесной пожар* (*davā*) — познание божества порождает в душе адепта мистическое озарение, которое сравнивается с всепожирающим лесным пожаром.

⁸ *Ведами*: путь Вед — священных книг связан с традиционной индуистской религией. Кабир — бхакт отказывается от традиции Вед и обращается к пути любви — бхакти.

⁹ *светильник* — символ духовного прозрения, приобретенного благодаря слову истинного гуру.

¹⁰ *базар* — аллегорическое изображение мирской жизни, которая является источником соблазна для людей и лишает их возможности вырваться из круга перерождений (сансары), см. 1.19.

¹¹ Гобинд, или Говинда, этимологизируется как «знаток коров», или «глава пастухов», возводится к Гопендра, Гопала — именам пастуха Кришны, земного воплощения бога Вишну. У Кабира Гобинд — одно из многих имен персонифицированного Всевышнего.

¹² По свидетельству Ш. Водевиль [96, 157], выражение «соль смешалась с мукой», близкое к пословице, — одно из клише средневековой поэзии хинди, обозначающее полное, неразделимое соединение.

¹³ *каменная лодка* — здесь под каменной лодкой подразумевается мирская жизнь, исполненная различных прегрешений, которые препятствуют адепту служить Богу и обрести спасение. В религиозно-философской литературе это понятие ассоциируется с вожделением, грехом, переселением душ и заблуждениями [12, 25, 137].

¹⁴ «возжены шестьдесят четыре светильника» — здесь светильники соотносятся с 64 различными видами искусств (kalā). Полный их список см. [108, 261].

¹⁵ Согласно Ш. Водевиль [96, 151], «14 лун — это 14 лунных дней, которые обратились в 14 видов наук». Число наук определяется индийской традицией по-разному, при данном подсчете оно складывается из четырех Вед, шести ведант, из пуран, мимансы, ньяи и дхармы, см. [108, 963—964]. Параснатх Тивари же замечает, что 14 лунных дней свойственны мусульманскому календарю, см. [60, 112].

¹⁶ Дом может быть символом человеческого тела. Ср. в «Дхаммападе» [12, с. 145].

¹⁷ См. примеч. 11 (1.13).

¹⁸ «восемьдесят четыре лакха лун» — это восемь миллионов четыреста тысяч (лакх — 100 тысяч) живых существ, в которых, перерождаясь, может воплотиться душа, но только одна оболочка — человеческая — позволяет освободиться из круга перерождений (сансары).

¹⁹ *мотылек* — символ базрассудной гибели. Приверженный мирским страстям человек гибнет, как мотылек в пламени. Этот образ — символ поэзии суфийской и бхакти.

²⁰ Светильник в данном контексте символизирует мирское бытие («мая»), в пламени которого сгорает человек, ввергнувший себя в пучину мирских страстей.

²¹ Кабир сравнивает нерадивого ученика, не прислушивающегося к наставлениям своего учителя, с полой бамбуковой трубкой, в которую сколько ни дуй, все равно не извлечешь музыкального звука.

²² *сомнение* — здесь отсутствие осознания себя и Божества как единого целого.

²³ *чауки* — высокий деревянный помост, на котором восседает сам гуру, а его ученики обычно располагаются ниже.

²⁴ *освободясь от страха и сомнения* — имеется в виду состояние, при котором исчезает страх перед мирскими искушениями.

²⁵ [*если*] *ткань загрязнена* — данная фраза плохо поддается переводу. П. Тивари интерпретирует слово «грязь» двояко: 1) грязь — *rāsi*, букв. «пыль», «грязь», «навоз» (удобрение); 2) специальный способ вымачивания ткани перед ее окраской [60, 163]. Шарлотта Водевиль переводит фразу так: «Если материя испорчена». Слово *rāsi* понимается, как «грязь». При опросе ткачей Бенареса, существует ли специальный способ окраски, она получила утвердительный ответ, однако с этим выражением ткачи оказались незнакомы [121а, 156]. П. Сингх слово *rāsi* читает, как *ruṭ deṇā* — «слегка обрызгать», «подкрахмалить», «подкрасить» [59, с. 75].

²⁶ В «Адигрантхе» [11, 64] вместо гуру («наставник») дается гуна («добродетель»), отсюда перевод — «волна добродетелей».

²⁷ *лодка дырявая* — символизирует мирское существование. У Ш. Водевиль — человеческое тело [96, 154].

²⁸ *умерев при жизни* (или умереть заживо) — эта концепция, заложенная уже в «Бхагавадгите», была разработана последующей вишнуитской традицией. Она содержит идею отказа от мирского бытия при жизни, чтобы полностью отдаться служению Господу и тем самым обрести спасение от цепи перерождений.

²⁹ Золото в данном случае символизирует духовную чистоту.

³⁰ Мансаровар — озеро Манаса в Гималаях, которое считается священным. Ш. Водевиль предлагает: «небесный источник», «амброзия» [96, 101].

³¹ Алмаз («хира») — у Кабира часто является аллегорическим изображением Рамы, символом знания любви-бхакти.

³² Имеется в виду Всевышний.

³³ *игральная доска* — клетчатая крестообразная доска для игры с использованием шестнадцати фишек четырех цветов и трех игровых костей: в иг-

ре участвуют двое. Здесь доска является символом человеческого тела, находящегося в мире сансары («базар»). Ш. Водевиль отмечает, что это сравнение принадлежит эзотерическому языку тантрической традиции [96, 159].

³⁴ *между верхом и низом базара* — это выражение Ш. Водевиль интерпретирует как парное сочетание, передающее процесс дыхания — вдох и выдох, согласно философии хатха-йога [96, с. 101].

³⁵ *дас* — санскр. *dasa* (букв. «слуга», «раб») — адепт, бхакт.

³⁶ В тексте: Пура (букв. «полный», «пройденный», «истекший»); у Кабира — один из эпитетов Всевышнего.

2

¹ Поминание (*sumīgaṇa*, *smāgaṇa*) имени Бога носит сакральный характер в традиционном вишнуитском культе. Согласно учению бхакти и Кабира, поминание имени Бога — важнейший элемент благочестивого поведения, отрывающего путь к спасению.

² Брахма — одно из главных божеств индуистской триады: Брахма — бог-создатель; Вишну — бог-хранитель; Шива — бог-хранитель. Махеш — «Великий бог» эпитет Шивы.

³ *тилак* — красная краска, получаемая из смеси желтой куркумы (хны) с негашеной известью (чуна); используется для нанесения на лоб ритуальных знаков.

⁴ «*трех миров*» — согласно индийской мифологии три мира — это воздушное пространство (бхувар), земля (бхуми) и небо (свар), находящееся во владении бога Вишну, с тех пор как Вишну совершил три своих знаменитых шага.

⁵ *бхакт*, или *бхагат*, букв. «преданный» — последователь какого-либо из течений бхакти. У Кабира — истинно верующий (см. примеч. 6 (2.4)).

⁶ См. Введение, с. 10.

⁷ *бхаджан* — букв. «поклонение Богу», «восславление», «молитва».

⁸ В данном случае бхакт, взывающий к Всевышнему, сравнивается с птицей чатак, или чатрик (индийская кукушка), которая издает звуки «пиу», «пиу». С птицей чатак связано поверье, будто она не пьет обычную воду. Лишь один раз в году, когда луна проходит через созвездие Свати (Млечный путь), чатака выпивает несколько капель. С помощью этой аналогии Кабир показывает страдания истинного бхакта, ищущего Раму.

⁹ Согласно различным школам индийской философии, обычное восприятие бывает двух видов: внешнее и внутреннее. К внешним чувствам относятся: обоняние, вкус, зрение, осязание и слух. По своей природе внешние чувства являются физическими. Шестым чувством считается манас, центр эмоций, способности осмысления [45, 156].

¹⁰ В тексте — *sūtī*, суті, букв. «раковина». Параснатх Тивари [60, с. 118] переводит как «рождение» (ребенка), объясняя свою точку зрения тем, что в тексте фигурирует число шесть. Ш. Водевиль трактует *sūtī* как «дождь Свати». Этот вариант нам кажется более логичным. Согласно поверью, капля дождя Свати, попадая на раковину, создает жемчуг.

¹¹ Т. е. помняй имя Рамы, не боясь отбросить все мирское.

¹² *огонь* — здесь имеется в виду жизнь.

¹³ *спящий* — предающийся мирским удовольствиям вместо того, чтобы поминать Всевышнего и тем самым стремиться к слиянию с ним. Тот же смысл и в последующих *саххи* (2.12—15).

¹⁴ Мурари (букв. «враг Муру») — эпитет Кришны, восходящий к легенде, согласно которой Кришна убил демона Муру. У Кабира — имя Всевышнего.

¹⁵ Яма, или Джама (букв. «близнец»), — первый из людей, ушедший под землю и ставший богом смерти и владыкой мертвых. Приговор умершим вы-

может сам Яма. Отсюда его эпитет Дхармараджа — «царь справедливости», «владыка закона».

¹⁰ Кешав (Keśo, Keśava, букв. «обладающий длинными или густыми волосами», «кудрявый») — эпитет Вишну и его ипостаси Кришны, сохранившийся с того времени, когда Вишну считался олицетворением Солнца.

¹⁷ У Кабира — это мистическая божественная субстанция, «пьянящая» душу и несущая откровение. Ср. «Глава о соке (Рамы)». См. Введение, с. 27.

¹⁸ *завязал узелок с ядом* — у Кабира это выражение обозначает множество грехов, которые человек совершил на протяжении своей жизни.

¹⁹ *дурных деяний* — в тексте: *карма* — концепция судьбы и воздаяния за прошлые деяния, основы ее были заложены еще в упанишадах — древнейших философских памятниках Индии. Согласно им после смерти живого существа его душа переходит в новую телесную оболочку. Поток перерождений регулируется законом кармы, по которому каждое последующее рождение детерминировано деяниями предшествующего (концепция воздаяния). Избавление от цепи перерождений достигается при слиянии индивидуальной души с Брахманом («Мировым духом»), представляющим собой первооснову всего сущего [31, с. 208]. У Кабира концепция освобождения проявляется в стремлении верующего к слиянию с Всевышним.

²⁰ Доктрина бхакти, которой следовал Кабир, провозглашает единственное условие спасения: достаточно одного акта веры, одного повторения имени Бога, чтобы загладить все грехи, содеянные на протяжении всей жизни.

²¹ *майя* (māyā) — одно из важнейших понятий в индийской мифологии, философии и литературе, имевшее на различных этапах исторического развития различное содержание. В «Ригведе» термин «майя» обозначал могущественную силу богов и демонов, их способность совершать сверхчеловеческие поступки и действия. В упанишадах майя понимается обычно как магическая способность Абсолютного духа (Брахмана) к сотворению мира, материи, имеющих реальное существование: «...материя (природа) есть майя, а Всемогущий является Творцом этой майи» («Шветашватара упанишад», IV, 10).

В философии веданты термин майя употреблялся в значении «иллюзия», «видимость», «мираж»; чувственно воспринимаемый материальный мир, окружающая нас природа лишь по незнанию (авидья) принимается обыденным сознанием за реально существующий. На самом же деле все многообразие мира — иллюзия, сон, т. е. майя, скрывающая истинную природу Брахмана.

Понятие майи нашло широкое отражение в литературе индийского средневековья. Как правило, в большинстве случаев образам, связанным с майей, дается отрицательная характеристика. Майя — это средоточие всего дурного, что существует в мире, особенно в аспекте морали, этики, нравственности. Майя лежит в основе мирской суеты: страсти к славе и богатству, алчности, скарденности, похоти, зазнайства.

Кабир называет майю великой мошенницей, чародейкой, околдовывающей и вводящей в заблуждение всех: святых, богов, аскетов и мудрецов, весь мир опьянен ею. Майя свращает с пути истины подвижников, бхактов и отвлекает от служения Господу. Ср. «Глава о майе» (16).

В вишнуитских верованиях майя, соотносимая с совокупностью атрибутов эгоистического мирского существования, рассматривается как основное препятствие на пути постижения единственной реальности (Всевышнего) и слияние с ней. См. об этом [31, 508].

²² Ср. чтение этой строки в «Адигрантхе» [11, 41]: «Иначе потом пожалеешь, когда жизнь покинет тебя». См. примеч. 16 (2,16).

²³ *десять дверей* — два глаза, две ноздри, два уха, рот, задний проход, мочеиспускательный канал и закрытое отверстие в темени (у младенца «дышит»), через которое выходит душа.

²⁴ Данную аллегория следует понимать так: путь к спасению очень труден. На пути достижения его — человеческие страсти («разбойники»), мешающие человеку соединиться с божеством.

²⁵ *сант* (букв. «суший») — святой; адепт воспитывает в себе идеальные качества, позволяющие ему познать блаженство слияния с Божеством и выйти из-под власти майи.

²⁶ *мантра* (мантр) — магическая формула, заклинание.

²⁷ *небольших прудов* — т. е. иных божеств, кроме Рамы.

²⁸ *амрита* (букв. «бессмертный») — нектар бессмертия; согласно индийской мифологии, возник от пахтанья мирового океана богами.

3

¹ *разлука* — вираха (*virāha*). Это слово связано с индийской литературной традицией. В поэзии Кабира и вообще в поэтической традиции сантов концепция разлуки связана со страстным желанием души соединиться с Божественной душой, которая находится с ней в разлуке.

² *кундж* (санскр. कृष्ण) — кроншнеп (журавль, цапля), в индийской традиции крик этой птицы связывается с отсутствием возлюбленного. Кундж и другие водоплавающие птицы играют важную роль в народных песнях о разлуке, особенно в Раджастхане; эти песни исполняются в сезон дождей [95, с. 160].

³ Возможно следующее толкование: водой Божественной истины наполнилось все вокруг, но ослепленные майей люди томятся жаждой, как кундж.

⁴ См. примеч. 11 (1.13).

⁵ *чакви* (*cakvi* — жен. от *sakvā*) — красная, или «брахманская», утка (*Apas Casarga*). В индийской поэтической традиции служит образцом супружеской любви и преданности. Согласно легендам, самка чаквы с наступлением ночи разлучается с самцом, и оба тоскуют в разлуке, издавая печальные крики.

⁶ *парас* — философский камень (*pāras, sparśa*), обращающий железо в золото. Здесь парас служит символом слова — наставления истинного учителя о бренности человеческого существования в исключительности рождения в облике человека. Отсюда мораль: размышляй о Раме сейчас, пока ты человек.

⁷ *к небу* — небо (сварга, букв. «ведущий к северу») в индуизме — райская обитель богов, обычно помещаемая на мифической горе Меру. Сюда направляются души тех, кто вел добродетельную жизнь, и здесь они пребывают в блаженстве, ожидая очередного рождения.

⁸ образ змеи — разлуки традиционен в индийском поэтическом каноне.

⁹ См. Введение, с. 15.

¹⁰ *рубаб* — струнный музыкальный инструмент арабского происхождения. Индийское его название — саранг. Особенно распространен среди странствующих музыкантов и йогов.

¹¹ *масан* — возвышенное место, предназначенное для сожжения трупов; кладбище.

¹² *папиha* — популярное название птицы чатак, или чатрик. См. примеч. 9 (2, 7).

¹³ Метафорические образы, связанные с пробным (пробирным) камнем (касаути), постоянно используются Кабиром, когда речь идет о моральных ценностях.

¹⁴ *бхагаван* (букв. «процветающий») — Всевышний; чаще всего встречается у кришнантов как эпитет Кришны.

¹⁵ Двуступище в форме притчи, или иносказания: Всевышний («отец») ввел в заблуждение душу человека («сына»), предоставив ему все соблазны иллюзорного мира («сладости»); его сын (бхакт) воззвал к отцу (Богу) и соединился с Ним. Ср. 3, 31, 32.

¹⁶ *пахар* — промешукот времени, равный трем часам; восьмая часть суток — стража, отсчет которой начинается с рассвета, с шести часов утра. Таким образом, восемь пахаров равны суткам.

¹⁷ Имеется в виду душа человека, которая разлучилась с душой Всевышнего и странствует от рождения к рождению.

¹⁸ *целебная трава* — здесь трава бути (būṭi), символизирующая соединение души бхакта с душой Всевышнего. Намек на самдживани (saṁjivani), мифическое целебное растение, которое символизирует соединение души адепта с душой Всевышнего [96, с. 165]. У П. Тивари бути — символ Всевышнего, или Возлюбленного [60, с. 116].

¹⁹ Имеется в виду отказ от всех мирских удовольствий и посвящение себя служению Всевышнему.

²⁰ *ослепли* — в оригинале букв. «сгорели».

²¹ Двустипшие аллегорично: любовь к Раме («плот») позволяет бхакту благополучно переплыть океан бытия. Но любовь эта неразлучна со страданиями, которые испытывает истинный бхакт в разлуке с любимым Божеством.

²² *от Океана* — Океан (genaidūra) — видоизмененная форма от genaiṅa (gātṇākara), букв. «делающий жемчуг». В данном случае Океан символизирует Мировую душу [6, 115].

²³ *раковина (шанкха)* — в данном контексте раковина — символ человеческой души, отделившейся от Мировой души. Шум, который слышен внутри раковины, если ее приложить к уху, интерпретируется как жалобный стон — раковина тоскует по океану, в котором она родилась. Смысл таков: пока душа человека отделена от Души божественной, ей каждый день приходится переносить страдания разлуки с Божеством. Ср. подобную интерпретацию у П. Тивари [60, с. 124]. Ш. Водевилл дает следующее толкование, соглашаясь с интерпретацией, данной П. Тивари: «На рассвете в каждом храме разнесится голос раковины, чтобы пробудить адептов к службе». Возможно, смысл данного стиха в том, что горестные стенания раковины никогда не прекратятся, т. е. от рождения к рождению, и она обречена стенать вечно» [96, 161—162]. Возможны еще два варианта перевода: 1. «О чакви, ночь разлучила (тебя с любимым). Не кричи так горестно, не зови его в храмах и домах. Взойдет солнце и соединит вас». 2. «Ночь (неведения) разлучила тебя с Богом. Ты, как чакви, горестно зовешь (Бога) в храмах, но только солнце (знания) соединит тебя (с Богом)» [59, 96].

²⁴ *дас* — см. примеч. 35 (1.32).

4

¹ Чувство разлуки появилось у бхакта от незнания, только знание истины приведет к встрече с Всевышним.

² Аллегория: духовное прозрение («светильник»), Всевышний («пламя») и любовь к нему («масло») соединились вместе и уничтожили суетную душу мирского человека («мотылек»). Ср. 1.12; 1.13.

³ *Ср. 3.14.*

⁴ *чаша для подаяний (кхапара)* — имеется в виду череп.

⁵ *джоги, или йог (yogin — «соединенный», «связанный с чем-либо»)* — последователь философии йога, уделявшей особое внимание физической тренировке тела как основе совершенствования духа. Позднее в обыденном смысле — странствующий аскет.

⁶ *асана* — (букв. «сидение», «пребывание») — практика йоги разработала целую систему поз (более 80), способствующих установлению контроля над чувствами и сосредоточению.

⁷ В литературной традиции секты натхов был весьма распространен жанр аллегорий. Аллегии лежат в основе стихов 5—10: «огонь» — Божественное знание в душе бхакта; «вода» — мирские страсти; «птицы» — освобождение души бхакта от круга сансары; «океан», «лес», «река» — символы мирского бытия; «побег травы», «рыба», «антилопа» — душа мирского человека; «охотник» — истинный гурв

³ Аллегория: огонь знания охватил мир, и Кабир увидел, что человек взбирается на дерево познания Божества, оставив мир страстей. Отсюда возможен и такой перевод этой строки: «...Кабир, увидев это, пробудись [от сна майи]».

5

¹ *о знакомстве [с Богом]* — в тексте; *parisaya* (букв. «знающий», «знание», «знак», «признак», «особенность», «знакомый»). У Кабира «знакомство с Богом» означает внутреннее откровение, своего рода мистическое ощущение единства бхакта с Богом.

² *красавица* — душа преданного бхакта; «супруг» — олицетворение Божества. Здесь традиционная для бхактов (а также для суфиев) аналогия между стремлением к Богу и любовным влечением и отождествлением союза с Богом — с брачным союзом. Ср. «Глава о прекрасной [возлюбленной]» (52).

³ *чудесный свет* — Кабир проповедовал любовь к Божеству, не имеющему никаких форм, лишенному каких-либо качеств (ниргуна); он не признавал Раму как персонифицированное (сагуна) божество.

⁴ *Парабрахма* — букв. «дальний», «отдаленный». В индийской философии имеет также вертикальный смысл: «высокий», «небесный», «божественный»; у Кабира — эпитет Всевышнего, Абсолюта.

⁵ *Кабир* — араб. «великий», у мусульман — один из постоянных эпитетов Аллаха, которым поэт пользуется наряду с именами индуистских богов для обозначения Всевышнего.

⁶ *оставив ограниченное* — т. е. мир иллюзий, майи.

⁷ *лотос, который цветет без цветов* — метафора, весьма популярная в средневековой поэзии, особенно для секты натхпантх, символизирующая Всевышнего. Ср. 5.6.

⁸ *душа-пчела* — традиционная индийская метафора. Ср. в «Махабхарате» [11, с. 190].

⁹ *нет и капель [дождя]* *Свати* — т. е. нет условий, при которых зарождается жемчуг. Ср. примеч. 10 (2.7).

¹⁰ *шунья* (*śūnya*, букв. «пустой», «лишенный») — философский термин. Например, философы Махаяны (школа мадхьямиков) в своей доктрине шуньявады рассматривали вселенную как шунью, т. е. пустоту.

В понятиях же хатха-йоги «шунья» означает место, где реализуется состояние единства с Божеством. У Кабира шунья часто выступает как эквивалент Рамы, или обители Рамы.

¹¹ Согласно хатха-йоге, выражение «солнце (*pingalā nāḍī*) растворилось в луне» (*idā-nāḍī*) означает состояние единения с Божеством, которое достигается путем овладения дыханием.

¹² *муни* (букв. «вдохновенный») — термин, которым с ведических времен обозначались окруженные ореолом святости мудрецы и подвижники. У Кабира муни, являясь носителем ортодоксальных верований, противопоставлен санту, как заблуждающийся — просветленному.

¹³ См. примеч. 19 (2.19).

¹⁴ *рот полон аромата мускуса* — символ имени Рамы, которое вслух, губами поминает истинный бхакт.

¹⁵ *Ниранджана* (*hir-añjan*) — «букв. «непорочный». Этот термин часто встречается в йогической литературе, где он значит «Абсолют». В традиции секты натхов «ниранджан» — это Брахман, а также мистическое состояние, к которому стремятся йоги. У Кабира Ниранджан — эквивалент Рамы.

¹⁶ В тексте: *map* — «душа» — в традиционно-философском употреблении. См. манас, примеч. 9 (2.7).

¹⁷ В тексте: *иптап* — Мировой дух, Абсолютная душа, именно с ним человеческая душа стремится к мистической транспозиции.

¹⁸ Соль растворяется в воде, а вода исчезает в соли — состояние полного слияния с Божеством. Ср. подобную символику в «Чхандогья упанишаде» [48, 117].

¹⁹ Двустийшие можно истолковать так: страх перед рождениями, внушенный мне наставником в вере, заставил меня забыть весь видимый мир и обратить мысли к Раме. В результате душа моя слилась с Мировым духом, подобно тому как градины, вначале существующие обособленно, затем тают и с потоком воды вливаются в озеро.

²⁰ Здесь, как и в (22.10), «воры», а также «пять недругов» (13.21) и «пять пехотинцев» (45.3) символизируют пять видов дурных страстей: страсть (*kāma*), гнев (*krodhe*), горячность (*māda*), алчность (*lobha*), заблуждение (*moḥa*) [75, 69]. Ср. в «Дхаммападе» (12, 121): «Отсеки пять, откажись от пяти, стань выше пяти! Бхикшу, преодолевший пять привязанностей, называется «Пересекающий поток».

²¹ Образ птицы у Кабира символизирует душу человека (птица без клюва — душа), стремящуюся освободиться от мирских страстей и желаний. Ср. замечание Р. К. Шармы [116, 72]: «Движение птицы в небе выражает идею полной свободы». Ср. в «Дхаммападе» [12, 74]: «... их удел — освобождение от желаний и условий. Его стезя, как у птиц, трудна для понимания».

²² В тексте — *сахадж* (*sahaja*), букв. «мистический транс». Кабир заимствовал понятие «сахадж» у натхпантхов, но употребляет его в различных значениях. В одних случаях этот термин поэт идентифицирует с Высшим божеством Рамой и состоянием полного слияния с ним, см., например, главл 21 (1—24), в других случаях мистическое понимание этого термина исключается, и оно означает «легкий», непосредственный», «естественный», «обыденно простой», ср. 5.26; 13.1; 21.3. Подробно см. [50, 240]. В данном случае уместно именно одно из этих значений — «легко».

²³ См. примеч. 21 (2.24).

²⁴ *остыл* — в смысле «обрел покой». Познав сущность Мировой Души (Брахмана), душа человека обрела покой, отрешилась от мирских забот, порождаемых иллюзорным миром (майей), в огне которых горят суетные смертные. См. также 5.31; 5.32; 5.33.

²⁵ См. примеч. 10 (5.8).

²⁶ См. примеч. 17 (2.17).

²⁷ Значение выражения «стало стойким» (*syābatibhayū*) не совсем ясно. В одном случае оно может пониматься как *svāti* (капля дождя Свати, благодаря которой в раковине появляется жемчуг). П. Сингх считает его производным от *sābut* «целый», «полный» [59, 110]. Ш. Водевилль употребляет это слово в значении «стойкий», непоколебимый», «неделимый». Ср. (121.106). Мы считаем, что *syābati* — искаженное *sthāpita*, букв. «определенный», «уставленный».

²⁸ В тексте: Самаратха (букв. «способный», «могучий», «сильный»); у Кабира — эпитет Рамы.

²⁹ См. примеч. 2 (5.1).

³⁰ *парас* — в данном случае философский камень выступает как символ Рамы.

³¹ Образ лебедя — символ освобожденной от мирских страстей души человека. Ср. подобную символику в «Дхаммападе» (12, 89): «Лебеди путешествуют тропой солнца; они путешествуют по небу с помощью иддхи (мистического трансa. — Н. Г.). Мудрые уходят из мира, победив Мару с его воинством». Обычно мудрый человек сравнивается с лебедем. Существует легенда, что лебеди, резвясь в священном озере Мансаровар, обрели необыкновенный дар — умение отделять молоко от воды.

³² Здесь Кабир развивает концепцию спасения, или освобождения, «заложенную в упанишадах и продолженную в «Бхагавадгите»: «освобождение» достигается через преданную любовь к Всевышнему. Верховное божество «ос-

возбуждает» адепта от тягостных уз земного существования и тем самым спасает от вечного колеса перерождений.

³⁸ См. примеч. 28 (2.31).

³⁴ Согласно йогической символике, небо, небесный свод — это шунья, где очищается амрита. Лотос тысячелепестковый и банан у Кабира символизируют Божество.

³⁵ Соотнося размер двери с кунжутным семенем — традиционным символом мизерности, Кабир подчеркивает, насколько трудно стать истинным бхактом и достичь слияния с Божеством. Вторую часть двуступища надо понимать так. У человека есть все, что необходимо для почитания Всевышнего: дары, приносимые Божеству («листья», «вода»), и он сам — почитающий («пуджанахар»). Здесь отражена основная доктрина философии бхакти, согласно которой Бог внутри человека, а не в местах паломничества и храмах. В «Адигрантхе» [11, 58] вместо «дверей», ведущих в храм, — «двери спасения».

³⁶ Согласно системе хатха-йоги, «небесный колодец» (сахасрадал, или шунья-мандала) — точка, находящаяся в верхней части черепа, где реализуется состояние единения с Божеством, достигаемое благодаря контролю над дыханием.

³⁷ *панихари* — букв. «черпающий воду», «водонос».

³⁸ *эту воду* — имеется в виду раса (санскр. *gāsā*). См. примеч. 6 к гл. III «Введения».

³⁹ Видимо, Кабир имеет в виду тех, кто почитает Шиву и Шакти, т. е. сторонников шактизма и шиваизма. Он считает их поведение неестественным («лев на воде», «рыба на пальме»), особенно при сопоставлении с амритой бхакти (5.47).

6

¹ См. Введение, с. 27, а также примеч. 17 (2.17).

² Метафоры — «кувшин» (6.7), «глиняный горшок» (25.6), «деревянный горшок» (12.31), «необожженный горшок» (12.38); (12.39) — подчеркивают идею бренности человеческого бытия. В данном случае «обожженный горшок» символизирует «освобожденную» душу человека.

³ В тексте: *расаин* (*rasain*), санскр. *gāsāyaṇ* — «эликсир жизни», «волшебный напиток».

⁴ *Калал* — калал, калавар — каста винокуров и продавцов спиртных напитков. Согласно интерпретации Ш. Водевилля, «сок любви» (она называет его ликером) сравнивается с народным напитком, который сами изготавливают и продают в своих лавках калавары [96, 226]. У Кабира — продавец напитка символизирует Раму (см. также термин «виночерпий» у суфиев).

⁵ «Опьяненный слон» — трафаретное сравнение в индийской литературе. Опьянение соответствует состоянию слона в брачный период течки. У Кабира этот образ соотносится с бхактом, погруженным в созерцание Божества и опьяненным этим созерцанием. В религиозной литературе, например в «Дхаммападе» (с. 114), символизирует неукротенный дух.

⁶ Первая часть аллегории раскрывается следующим образом: мирской человек («кувшин») не чувствует («не тонет») любви к Раме («пруд»). Истинный же адепт («опьяненный слон») полностью посвятил себя служению Всевышнему («совершает омовение»). Вторая строка может быть истолкована так: тело («храм») погрузилось в «океан любви Рамы», но души адептов («птицы»), не осознавшие свое единство с Рамой, не могут утолить своей жажды любви к Божеству.

7

¹ *камандал* — сосуд, в котором аскет держит воду. В данном случае «камандал» соотносится с телом человека, а «вода» — с душой.

² *душа перевернулась* — в смысле «душа была убита». См. примеч. 17 (5.16).

³ *о подруга!* — обращение к душе.

⁴ *капля* — душа и Океан — Мировая душа. — Эти образы связаны с идеей мистического слияния души адепта с душой Всевышнего.

9

¹ *пандит* — ученый-богослов.

10

¹ Двустипшие содержит сложную систему философских категорий. Пункт между Гангой и Джамуной (Гангом и Джамной) географически соотносится с городом Праягом (Аллахабад) — местом слияния обеих рек, священным и почитаемым; гхата — «спуск к реке», «место, где берут воду и моются». В индуистской религиозной традиции — это места, где совершаются очистительные омовения, они привлекают много паломников. Сахаджшунья состоит из двух терминов: *сахаджа* (см. примеч. 23 (5.26)) и *шунья* (см. примеч. 22 (5.24)), каждый из которых служит для обозначения трансцендентального состояния, когда адепт осознает свое единство с Высшей реальностью.

11

¹ [я] *выкрашу зубы [свои] в черный цвет* — т. е. «я стану бесчестной». В Индии женщины древней профессии употребляют черный порошок (мисси) для подкрашивания зубов и губ.

² *синдур* — свинцовый сурик, красная краска; употребляется, в частности, в свадебной церемонии: жених окрашивает ею пробор невесты при заключении брака. У последователей секты натхов и у Кабира красный цвет — символ супружеской верности.

³ *каджал* — ламповая сажа; символизирует мирские привязанности.

⁴ *ад* — в тексте: нарака («обитель мучений»), куда на время может попасть душа умершего. Нарака имеет подразделения (обычно их двадцать одно, а иногда во много раз больше), различающиеся характером принимаемых там мук [15].

⁵ См. примеч. 7 (3.11).

⁶ *построил свой дом на воде* — т. е. в мире сансары.

⁷ См. примеч. 5 (1.5).

⁸ *мутя* — уменьшительное от моти (*mōti*) — «жемчужина». Ш. Водевиль допускает здесь ассоциацию с термином «мукти» (*mukti*) («освобождение», «спасение»), создающую характерную для Кабира антитезу: «ошейник Рамы — залог освобождения» [96, 108].

⁹ *Парамесура, Парамешвара* — букв. «Высший бог», «Всевышний».

12

¹ *литавры* — в тексте: наубати (араб. *paubat*) — устанавливались в специальном помещении у подъезда в крепость или во дворец индийских феодалов, а также на дверях богатых людей; их боем отмечалось время. Первую строку можно понимать как рекомендацию следить за часами своей быстротечной жизни и не тратить их попусту.

² В «Адигрантхе» [11, 80] вторая строка гласит: [«Наша жизнь»] — слово

встреча на лодке [у перевозчика через] реку — больше встретиться не доведется.

³ Объятый гордыней дух («бьющий в литавры» см. [96, 127]) уподобляется слону, которым в пору спаривания овладевает бешенство.

⁴ *Дхол* — народный инструмент; имеет форму удлиненного барабана; его кладут на плечо и играют на нем, одновременно пританцовывая. *Дамама* — большой барабан. *Дурабар* — маленький барабан, разновидность тамбура, на котором играют палочками, подвесив на шею. *Саханаи*, или *шаханаи* (перс. *šah-nāi*), — разновидность индийской флейты; сделанная из бамбука флейта отличается превосходным качеством звучания. *Бхери* — большой военный барабан. Подробно об инструментах см. [1].

⁵ Семь звуков — имеются в виду семь нот, составляющих гамму *раги*; *рага* — букв. «цвет», «оттенок», «тон», «мелодия», «мотив». В более широком смысле рага — это строгая мелодическая схема, которая является исходной для создания произвольного музыкального образа. Набор раг чрезвычайно разнообразен: существуют раги настроений, раги, связанные с различным временем суток, сезонами года, например, «басант» — для весны, «калахар» — для сезона дождей и т. д.

⁶ Здесь аллегория: *город* символизирует преисполненное страстями тело человека с десятью органами.

⁷ См. примеч. 20 (5.19).

⁸ См. примеч. 23 (2.26).

⁹ См. примеч. 15 (2.14).

¹⁰ *палас* — дерево (*Butea Frondosa*); пышно цветет, но дает некрасивые и несъедобные плоды; символ бесполезного существования.

¹¹ «цветку хлопчатника» — хлопчатник (сенбал, самал, *Salmalia Malabarica*) цветет яркими цветами. Символ соблазна для попугая, не знающего, что внутри нет плода.

¹² *стели урожай* — букв. «съели поле». Аллегория раскрывается следующим образом: без наставлений истинного гуру («сторожа») земные страсти («птицы») уничтожили в душе человека любовь к Всевышнему («съели урожай»). Но еще есть время и, если хочешь спасти свою душу, то иди путем любви к Всевышнему.

¹³ Согласно религиозному обычаю индуистов, тело покойника подвергается кремации. Картина кремации и побудила Кабира напомнить своим последователям о бренности человеческого тела. См. вторую строку в «Адигрантхе» [11, 36]: «Видя, как горит этот мир, Кабир стал печален».

¹⁴ Аллегория: «храм» — тело; «каменщик» — Всевышний. Мысль такова: возлюби Творца, чтобы не попасть в водоворот сансары. Ср., однако [12, 185]: «Строитель дома — имеется в виду желание, жажда (*taṇhā*) — одно из важных понятий в буддизме. Желание жить вовлекает в свою сферу все новый жизненный материал и строит из него новые формы бытия (цепь рождений, привязывающая к колесу существования)».

¹⁵ В этом двустишии отражена основная этико-философская мысль Кабира — в действии, в труде почитать Бога и тем самым достичь единения с Ним.

¹⁶ Кабир имеет в виду исключительность рождения в облике человека. Ср. 12.3.

¹⁷ См. примеч. 11 (1.13).

¹⁸ Ср. вторую строку в «Адигрантхе» [11, 27]: «...Ведь босыми ушли те, у кого [было богатство на] лакхи и кроры».

¹⁹ *Один столб, два слона: как привязать [двух слонов] к дверям* — смысл этой аллегории таков: «у тебя одна душа («столб»), как совместишь в одной душе и любовь к Рае и гордыню?» («два слона»)»

²⁰ Т. е., умирая, человек лишается своего имущества и прочих мирских благ.

²¹ В соответствии с учением о карме, все добрые и злые дела, совершае-

мые живым существом, предопределяют последующую форму его существования. См. примеч. 19 (2.19).

²² *Обрети, безродный, родство с Рамой* — т. е. отрешись от связи с миром. В тексте: кул — «род», «семья», а также «племя», «каста».

²³ *кулатхи* — сорт бобовой культуры (Dolichos Uniflatus), стручок которой содержит одну-единственную горошину.

²⁴ *расала* — санскр. rasāla — простокваша с сахаром и специями.

²⁵ *пан* — жевательная смесь слабого наркотического действия. Лист бетеля смазывают раствором извести и соком каттха (Mimosa Catechu), посыпают толчеными орешками арековой пальмы (Arecas Catechu) и другими пряностями, сворачивают и жуют [25, 26—7].

²⁶ *супари* — бетелевый орешек (плод пальмы Arecas Catechu) коричневого цвета, сладкий на вкус. Используется для жевания как в составе пана, так и в чистом виде.

²⁷ Джампур (Ямнур) — в индийской мифологии обитель Ямы, бога смерти и правителя царства мертвых. Согласно индуистским верованиям, сюда направляются души умерших для определения их дальнейшей судьбы, диктуемой кармой. Приговор им выносит Яма, отсюда его эпитет Дхармараджа — «царь справедливости», «владыка закона». Ср. примеч. 15 (2.14).

²⁸ *чужая* — т. е. временно живущая в этом мире.

²⁹ *хранить огонь, завернутый в вату* — значение этого выражения не совсем ясно. Ш. Водевиль трактует его как «мудрость несовместима с эгоизмом и чувственностью». Ср. [96, 146]. Мы предполагаем следующий смысл этого выражения: эгоизм человека возрастает, становится все сильнее.

³⁰ Аллегория: «море» — мирское существование; «лодка, нагруженная тяжелым вьюком грехов» — тело; «лодочник-грешник» — душа.

13

¹ Уподобление зеркалу души человека известно было уже древнеэпической литературе: «Бог тот, кто лучше всех среди аскетов; дисциплинирован, одарен силой медитации, видит самого себя, как отражение в зеркале». См. [116, 115].

² Горакхнатх — имя известного святого, основавшего секту натхов в VIII в. Во времена Кабира Горакхнатх якобы воплотился в знаменитого йога Горакхнатха, жившего в Бенаресе (XV—XVI вв.) и имевшего множество учеников. См. [84, с. 143]. Здесь возможен намек и на того, и на другого Горакхнатха.

³ См. примеч. 11 (1.13).

⁴ Красный цвет — символ преданной любви, цвет свадебного сари.

⁵ Имеется в виду Всевышний.

⁶ Метафора «конь», символизирующая дыхание, весьма популярна в поэзии натхов и сиддхов. Считалось, что с помощью дыхательных упражнений можно достичь единства с Божеством. У Кабира же «конь» символизирует душу аскета. См. свидетельство Р. К. Шармы [116] о том, что в древнеиндийском эпосе «кони» символизируют органы чувств человека. Ср. также «Дхаммападу» [12, 74]: «Чувства у него спокойны, как кони, обузданные возницей. Он отказался от гордости и лишен желаний».

⁷ *плоть* — любовь к Раме; соотносится с идеей сдерживающей и управляющей силы.

⁸ См. примеч. 20 (5.19).

⁹ См. примеч. 3 (12.2).

¹⁰ *анкуш* — металлический крюк, с помощью которого погонщик управляет слонем. Ср. «Дхаммапада» [12, 115]: «Этот ум бродил прежде, блуждая, как ему хочется, как ему нравится, как ему угодно. Теперь я его полностью сдержу, как погонщик — взбесившегося слона».

¹¹ Ср. примеч. 2 (5,1).

¹² См. примеч. 20 (5,19).

¹³ Двустипшие аллегорично: душа отрешилась от иллюзорного мира, отдавшись целиком служению Раме. Но, поддавшись влиянию соблазнов мира иллюзии, она вновь вернулась в водоворот мирской жизни. Ср. 13.25.

¹⁴ *бабул* — акация (*Mimosa Arabica*). Это дерево не дает цветов и не дает тени, поэтому является символом бесполезности. У Кабира — символизирует дурные дела, совершаемые человеком.

¹⁵ Плоды манго в данном контексте — символ счастья, соединения с Всевышним.

¹⁶ *из пяти элементов* — имеются в виду земля, вода, огонь, воздух и небо.

¹⁷ *олень* — это человек в мирском бытии или его душа, которая является активным посредником между ним и миром бытия.

14

¹ Смысл данного двустипшия основан на реальном сравнении: по крутой или отвесной скале муравью легче взобраться, нежели волю. В традиционной символике йогов муравей — символ подвижника, постепенно и упорно идущего к Богу. Образ же вола, нагруженного (доверху) грузом, соотносится с невежеством и приверженностью к мирским страстям, которые лишь отдаляют человека от пути к спасению.

15

¹ См. примеч. 28 (1.26).

16

¹ См. примеч. 4 (2.24).

² *стрелами [майи]*. Кабир, очевидно, соотносит стрелы «майи-чаровницы» со стрелами бога любви Кандарпа (Камадевы).

³ Джагадиша (букв. «владыка мира») — эпитет Брахмы, а затем и других великих богов традиционного индуизма (Шива, Вишну); у Кабира — имя Рамы.

⁴ *джакас* — колючий кустарник (*Algarı Maugoum*, или *Hedysarum Algarı*). В жаркий сезон он сохраняет листья, в то время как другие деревья их сбрасывают. В сезон же дождей он теряет листву. Образ джаваса соотносится с идеей жажды в «Рамаяне» [8, 644]: «в великом изобилии жажда, как колючий джавас...».

⁵ *с тремя видами страданий* — тривидха, букв. «тройной», «утроенный». Согласно индийской философии, страдания бывают трех видов: 1) телесные — от тела (даихика); 2) божественные — от богов (даивика); 3) происходящие от злых духов (бхаутика, бхута). Возможно, здесь имеются в виду гуны (букв. «волокно», «кратность», «свойство»); в философском смысле гуны — три начала, составляющих природу (пракрити): сатва — «легкое и светлое»; раджас — «подвижное, деятельное»; тамас — «тяжелое и инертное». Майя в этом случае идентифицируется с гунами.

⁶ Аллегория: «лотос» — душа человека; «Океан» — Брахман (Мировая душа); «пожар» — символ майи.

⁷ См. примеч. 21. (2.24). В данном случае Кабир рассматривает майю не как мировую иллюзию, абсолютную нереальность — так понимают майю ведантисты, а как божественную женскую силу (шакти), проявляющуюся

в гунах — эта мысль была детально разработана в «Бхагавадгите». См. [42, 58].

⁸ *остались сухими* — т. е. от цепи перерождений спаслись те, кто служил Раме; *промокли* — погибли те, кто в мире бытия поклонялся другим божествам.

⁹ См. примеч. 13 (2.11).

¹⁰ Согласно традиции веданты, а также теологии бхакти, майя является энергией Абсолюта, ей подчиняются и боги, см. примеч. 7 (16.23).

¹¹ Лиана — вьющееся растение (Aegle Marmehus), довольно часто встречающееся в лесах Индии. В индийской литературе — символ желаний, проникших в человека через органы чувств и память и буyno разросшихся в нем. См. «Дхаммапада» [12, 155]. Ср., однако, примеч. 1 (58.1—6).

¹² Аллегория: чистая душа адепта («лебедь») не поддается мирским соблазнам, в то время как люди («птицы») находят радость в суетном мире бытия.

¹³ Нарада — имя мифического божественного мудреца, который почитается сыном Брахмы, Творца вселенной. С именем Нарады связано много легенд. См. [7, 233].

¹⁴ См. примеч. 29 (12.60).

17

¹ В этом двустиишии, как и в последующих, Кабир порицает лжесадху, для которого нажива — главное в жизни, противопоставляя ему бхакта, живущего во имя любви к Богу.

² В оригинале — Алакх (Alakh), санскр. Alakhya, букв. «невидимый», «незаметный», «неопиcуемый») — эпитет Всевышнего.

³ Кабир иронически сравнивает жадного и корыстного гуру, собирающего дань со своих учеников [«слуг»], а не дающего истинного духовного наставления, с овцой, которую привели, чтобы снять с нее шерсть, а она съела весь хлопок, который был дома.

⁴ *разносчики [товара]* — ученики гуру, которые «продают» мирянам имя Рамы ради процветания своего духовного наставника.

⁵ См. примеч. 5 (1.5).

⁶ *четыре Веды* — четыре древнейших сборника ритуальных гимнов: 1. «Ригведа»; 2. «Яджурведа»; 3. «Самаведа»; 4. «Атхарваведа». См. примеч. 8 (1.11). Кабир отрицал авторитет Вед, противопоставляя Ведам путь бхакти.

⁷ См. примеч. 1 (9.1).

⁸ Смысл двустиишия в том, что Кабир обрел Бога («урожай»), в то время как пандиты тщетно ищут Бога, выполняя все обряды, предписанные Ведами.

⁹ *Шакт*, или *сакат*, — почитатель Шакти (Дурги, Кали), Божества, воплощавшего в себе женскую творческую энергию. Культ Шакти в средние века был особенно распространен в Бенгалии, Ассаме, на юге Декана (подробнее о шактизме [31]). У Кабира шакт олицетворяет нечестивца, противостоящего благочестивому бхакту-вишнуиту.

¹⁰ Буква, обозначающая слог, с которой начинается имя Хари или Рамы («ХА» и «РИ»; «РА» и «МА»).

¹¹ См. примеч. 27 (12.54).

¹² *джайн* — последователь джайнизма — индийского религиозно-философского учения, возникновение которого связано с именем Махавиры Джинны (VI до н. э.). Джайны отличаются крайним аскетизмом и бережным отношением ко всему живому. Джайны пьют воду, процеживая ее, боясь, что вода содержит какие-нибудь зародыши, на рот надевают марлевую повязку, чтобы невзначай не проглотить мушку, ходят с веником, очищая себе дорогу, дабы не раздавить какое-нибудь насекомое.

¹³ *остался со ртом, полным песка*, т. е. «остался ни при чем». «Адигрантх» [11, 98] дает иной вариант: «Кабир: [Пусть] песком наполнится рот у того, кто дает советы другим. Он следит за урожаем чужих, а свой давно проел». Двустиише представляет собой пословицу.

¹⁴ Каши (Варанаси, Бенарес) — считается святым городом (штат Уттар-Прадеш). Расположен на берегу Ганга.

¹⁵ По представлениям индуизма, брненное человеческое тело бесконечно умирает и рождается снова.

18

¹ В этой главе речь идет о пандитах, которые рассказывают народу предания из эпоса и пуран, сопровождая их комментариями и назиданиями.

² См. примеч. 4 (53).

³ *пад*, или *шабда* (сабад), — небольшие стихотворения — гимны различных метрических размеров. В падах содержатся раздумья и душевные переживания.

⁴ *сакхи* (букв. «свидетель») — одна из основных жанровых форм в творчестве Кабира. По форме это двустиише, по содержанию — афоризм.

⁵ *киртан* — религиозный гимн, прославляющий и восхваляющий Бога.

⁶ В тексте: «тунда», что означает «клюв птицы» или «голова животного».

19

¹ *Возлюби же имя Рамы, даже если люди осудят [тебя]*. Второе полустишие в «Адигрантхе» (11,45) гласит: «... (Но) буду (только) бхактом, (преданным) Раме, даже если люди осудят меня». В данном двустииши отражено отношение Кабира к путям достижения спасения. Из шести путей Кабир выбрал единственный путь преданности — бхактимарга (*bhaktimārga*).

² *Пятьдесят две буквы* — алфавит санскрита в основном состоит из сорока восьми (48) букв. Но если к ним прибавить, как это практиковала традиция йоги, еще три буквы и мистический звук Ао, то мы получим пятьдесят две буквы. Кабир выделяет из всего алфавита только два слога, составляющих имя Всевышнего («РА» и «МА», или «ХА» и «РИ»). Ср. примеч. 10 (17.11).

³ Ср. «Адигрантх» [11, 173]: «Кабир: Отбрось сомнения, пусти книги плыть (по реке). Изучи пятьдесят две буквы и склони свои мысли к стопам Хари».

20

¹ См. примеч. 2 (23).

² Ср. «Адигрантх» [11, 17]: «Кабир: Шакт подобен (тому, кто ест) пищу с чесноком. Сидя в углу (тайком) съешь, но в конце концов (запах) обнаружится».

³ Сравни подобную мысль в «Дхаммападе»: «Беспечный человек, желающий чужую жену, получит четыре вещи: достижение бесчестья, нарушенный покой, в-третьих, осуждение, в-четвертых, преисподнюю» [12, с. 111].

⁴ Традиционное для религий понятие особой греховности женщины (см. христианство, ислам, буддизм), противопоставленное аскетизму спасающегося праведника.

⁵ См. примеч. 16 (2.16).

⁶ Т. е. среди и мирских людей, и аскетов.

¹ *сахадж* — здесь мистический транс. См. Введение, с. 48.

² *джи* — букв. «почтенный», «многоуважаемый».

¹ Смысл аллегории в том, что Всевышний («ростовщик») даровал милость человеку — рождение. Ш. Водевиль толкует слово «ростовщик» как судьба, которая потребует свой долг в конце жизни человека. Ср. [96, с. 269].

² *никто не схватит тебя за полу*, — т. е. не уличит в греховных деяниях. Ср. вариант в «Адигрантхе» [11, 201]: «Кабир: Запись (в книге деяний) обличит (твою участь), если на сердце (у тебя) чисто. И на высшем суде никто не схватит (тебя) за полу».

³ *Счетовод* — *Читрагупта* (citragupta) — один из приближенных бога смерти Ямы. Мусульманская и индуистская религиозные традиции предусматривают регистрацию богами всех поступков, совершаемых человеком в течение жизни. По мусульманским представлениям, такой реестр (a'māl-nāma) ведут ангелы у престола Аллаха, по индуистским, — подобный список (agrasandhūni) составляет Читрагупта. В том и другом случае этот список зачитывается, когда душа умершего является на высший суд, и на его основе решается его дальнейшая судьба. Ср. 22.3; 22.4; 22.8; 22.9. Поскольку в сакхи 22.8 данный список назван просто «тетрадь» (перс. daftar), представляется затруднительным определить, на какую из двух традиций опирался Кабир.

⁴ В тексте: *нивага* (nivāga). Ш. Водевиль переводит его «пять чувств». Мы предполагаем, что здесь имеется в виду намаз — обязательный молитвенный ритуал, совершаемый мусульманами пять раз в день.

⁵ *Кази* — ученый-богослов у мусульман.

⁶ *Бхакти*, как и представители многих других индийских религиозных учений (начиная с буддизма и джайнизма), в качестве одного из важнейших этических принципов выдвигали требование не причинять зла живым существам (ahimsa), с этим связано, в частности, строгое вегетарианство.

⁷ *насилие* (перс. zōri) — Кабир осуждает установления, которые санкционируют действия, содержащие элемент насилия (например, употребление животных в пищу, ср. 17.7, 9, 12).

⁸ См. примеч. 20 (5.19).

⁹ *шейх* (араб. šaiḥ) — глава мусульманской общины.

¹⁰ *Кааба* (араб. Ka'aba) — храм в Мекке, главная святыня мусульман и объект их паломничества, именуемого хадж.

¹¹ *кхичри* — похлебка из риса с лученым горохом, иногда на молоке, слегка сладковатая и приправленная небольшим количеством соли, служила основным блюдом крестьян Индии и признавалась бхактами, проповедовавшими умеренность, подходящей пищей.

¹² Ср. первую строку в «Адигрантхе» [11, 188]: «Кабир: хороша еда кхичри, в ней и сладость, и горечь...»

¹³ *пуджа* (pūjā) — совершение богослужения.

¹⁴ *Все варны объединились* — *варна* (букв. «цвет») — каждая из четырех главных сословных групп: брахманы, кшатрии, вайшьи, шудры.

¹ Ср. в «Адигрантхе» [11, 136]: «Кабир: Из камня сделан Парамешвара. Весь мир поклоняется (ему)...»

² «Каменными идолами усеяна земля — такой дорогой ведут пандиты». Это двустипие, как и другие, направлено против атрибутов ортодоксальной

брахманской обрядности: священных книг и идолов («камни»), преклонение перед которыми проповедовали пандиты. Р. Варма предлагает несколько иное чтение заключительного полустипа: «...таков путь, выбранный пандитами» [71, 177]. Ср., однако, вариант «Адигрантха» [11, 137]: «Кабир: [Книги] — бумажная темница, двери [в которую] — чернильные буквы. Камнями забросана земля — такой дорогой ведут пандиты».

³ *шалиграм* — разновидность черного камня, который был найден в реке Гандаки. Впоследствии индусы стали поклоняться ему как воплощению бога Вишну.

⁴ Хлопчатник привлекает птиц и особенно попугаев своими яркими оранжевыми цветами. Они жадуют плодов, но вместо них находят только бесполезную для них вату. См. примеч. 11¹ (12,13).

⁵ Здесь Кабир уподобляет себя Шиве, который, чтобы спасти мир от огня, проглотил яд. Поэт хочет, избавившись от зла, спасти людей от сансары.

⁶ Матхура — один из семи священных городов Индии, где, по преданию, родился бог Кришна.

⁷ Дварака — по легенде, столица бога Кришны в Гуджарате, которая была затоплена океаном спустя семь дней после его смерти. Это один из семи священных городов. Сейчас в этом штате есть город с таким же названием.

⁸ См. примеч. 23 (2.26).

24

¹ Кабир намекает на известных гималайских паломников Кедарнатха и марнатха, которые, кочenea в снегу и во льдах Гималаев, преодолевали все трудности аскезы и обрели сан святых.

² *стал чурбаном*, т. е. душа его одеревенела, и в ней нет живого чувства любви к Богу.

³ Колесо для выкачивания воды из колодца напоминает Кабиру огромные четки, которые, по мнению пандитов, способствуют утолению духовной жажды.

⁴ Амарapur — букв. «обитель бессмертных». Ш. Водевиль интерпретирует Амарapur как сахасарара, или гаганмандала, — место в теле йога, которое считается центром единения с Божеством, согласно философии хатха-йоги. Ср. [96, 176].

⁵ ср. «Адигрантх» [11, 25]: «Кабир: Если ты возлюбишь одного (Раму), то все сомнения покинут тебя, носишь ли (ты) длинные волосы, или бреешь (голову) наголо». По мнению Кабира, аскетические подвиги сами по себе не приводят к конечному освобождению. Имеются и иные толкования: М. Маколиф считает, что здесь можно усмотреть намек на несущественность противопоставления мирян («носящих волосы») и отшельников («бритоголовых»), см. [102, 203]. Менее обоснованным представляется толкование Р. Вармы «... и если желаемое тобою исполнится, носи длинные волосы; в противном случае — обрей голову наголо», ср. [71, 170].

⁶ Ср. вариант «Адигрантха» [11, 101]: «Кабир: Дух (свой ты) не обрил, так зачем же обрил голову? Все, что (ты) сделал, сделал (твой) дух, (так что) бритье ни к чему».

⁷ *чхана* — один из видов ритуального рисунка на лбу, обычно обозначает имя божества.

⁸ Ср. вариант «Адигрантха» [11, 145]: «Кабир: Стал вишнуитом, надел четыре ожерелья, но что с того? Снаружи чистейшее золото, (а) внутри полно мусору».

⁹ *сиддхи* — здесь восемьдесят четыре подвижника, наделенные сверхъестественной силой и обрешие спасение.

¹⁰ *внешними (средствами)* — имеются в виду четки, тилак, идолопоклонство, паломничество и пр.

¹¹ *лодка Рамы* — олицетворение праведной жизни, осененной любовью к Раме.

¹² Гопинатх (Gopī-path) — букв. «Владыка пастушек», эпитет Кришны. У Кабира — одно из имен Всевышнего.

¹³ Т. е. эгоизм, собственное «Я».

¹⁴ См. примеч. 20 (5.19).

25

¹ М. Маколиф усматривает здесь следующую аллегория: «чистая капля» — слово откровения, исходящее от наставника; «земля» — душа адепта [102, с. 308—309]. Р. Варма, напротив, соотносит «каплю» с человеческой душой, а «земля», по его мнению, это земное существование [71, 183]. Ср. «Адигрантх» [11, 195].

² Согласно народному поверью, капля дождя Свати, попадая на дерево банана, образует камфору, на раковину — жемчуг (ср. 2.7; 5.7), в пасть змеи — яд. Точно так же характер человека может меняться в зависимости от того, в какой компании он находится.

³ *Ююба*, или бэр, — дерево, имеющее острые шипы, о которые легко могут ободраться мясистые листья банана. Ср. «Адигрантх» [11, 88].

⁴ См. примеч. 9 (17,11).

⁵ Здесь «смерть» соотносится с идеей духовного разрушения. Ср. «Дхаммапада» [12, 62]: «Легкомыслие — путь к смерти. Серьезные не умирают. Легкомысленные подобны мертвецам».

⁶ *гур* — необработанный сахар, сладкое вещество, вид патоки.

26

¹ *кто окрашен в цвет любви [к Господу]* — букв. «пропитан красным цветом». См. 2 (11.4).

² Ср. 26.2.

³ *камень и глиняная посуда* — подразумеваются люди, погрязшие в эгоистическом мирском бытии.

⁴ Ср. вариант первой строки в «Адигрантхе» [11, 186]: «Кабир: Дух, словно птица, которая во время полета десять [раз] меняет направление...»

⁵ Здесь говорится об иллюзорности мира и воздается хвала тому, кто, поняв это, обращается к служению Богу и достигает спасения. Ср., однако, «Адигрантх» [11, 26]: «Кабир: Этот мир — каморка с сажой. Слепнут (те, кто находятся) в нем...»

27

¹ Цапля, верхняя часть оперения которой — белая, а нижняя — черная, символ лицемерия. Обычно цапля подолгу стоит у воды, высматривая лягушку или рыбу, а затем моментально хватает свою жертву.

28

¹ *Дерево ним* — маргоза (Ficus Religiosa) обладает сильным и едким запахом.

² См. примеч. 6 (23.10).

³ См. примеч. 7 (23.10).

⁴ Джаганнатх[пур] (совр. Пури) — город в штате Орисса, один из семи

священных городов, где находится священное изображение Кришны—Джаган-натха.

⁵ Ср. первую строку в «Адигрантхе» [11, 164]: «Кабир: В вере [человеку] необходимы двое: один — сант, другой — Рама...»

⁶ *Я долго бродил по лесам* — т. е. претерпевал различные рождения.

⁷ *бетель* — дерево (Piperbetel), листья которого употребляются для приготовления жевательной смеси. См. примеч. 24 (12.54).

⁸ См. примеч. 2 (21.4).

⁹ См. примеч. 35 (1.32).

¹⁰ См. примеч. 9 (17.11).

29

¹ Ствол сандалового дерева на ощупь прохладный, а яд змеи порождает в теле жар. Ш. Водевиль свидетельствует, что данное выражение относится к поговоркам [96, с. 178]. Ср. первую строку в «Адигрантхе» (11.174): «Кабир: «Совершенный не теряет [своего] совершенства, [даже] когда встречает миллионы не обладающих совершенством...»

² *желания умерщвлены* — в тексте: (manmāgna). Достижимое в результате состояние именуется циптан. См. [95, VI—VII].

³ *то на меня свалились все беды* — имеются в виду страдания в разлуке с Господом.

⁴ См. примеч. 25 (12.54).

⁵ Кама — бог любви. Ср. примеч. 2 (16.6).

⁶ Кабир подчеркивает мысль о невозможности совмещения чувственного мира бытия с Рамой. Подтверждением этому служит вторая строка двустишия, где упоминается имя Сукхадевы, сына святого Вьясы, известного почитателя Кришны, лучшего сказителя пуран.

⁷ Горакхнатх — см. примеч. 2 (13.10).

⁸ Здесь — Кхуда (от араб. Хувва) — Бога как Высшую действительность Кабир определяет термином, заимствованным из ислама.

⁹ *миран*, мир (перс. mīr «глава», «руководитель»). В историческом плане — титул сейндов, потомков пророка Мухаммада.

¹⁰ Вероятно, здесь намек на паломничество (хадж) к Каабе в Мекку, которое мечтает совершить каждый правоверный мусульманин.

30

¹ Ср. вариант в «Адигрантхе» [11, 15] — «Кабир: Хижина сантов хороша: селение неправедных (подобно пышущему жаром) горнилу. (Пусть) сгорит тот дворец, где нет имени Хари».

² Ср. первую чарану в «Адигрантхе» [11, 14] — «Кабир: Куда ни повернусь — везде зрелище...»

³ *бхуты*, *бхута* (букв. «бывший») — духи умерших, обитающие в местах сожжения трупов. Суеверия, связанные с бхутами, заимствованы индуизмом из анимистических представлений неарийских племен. Ср. «Адигрантх» [11, 192].

⁴ Ср. «Адигрантх» [11, 111]: «Кабир: Тот род хорош, в котором родился раб Хари...»

⁵ *аку палас* — ак, дхак палас — дерево (Butes Frondosa), которое пышно цветет, но дает некрасивые, несъедобные плоды. Оно как бы является символом беспечного существования.

⁶ *чандал* — представитель одной из самых низших каст в Индии.

⁷ См. примеч. 11 (1.13).

⁰ Адепты стремятся к Кабиру так же, как пчелы слетаются на запах жасмина. Ср. вариант «Адигрантха» [11. 147], где Кабир сравнивает себя с мускусом.

31

¹ В тексте: *мадхи* (санскр. *mādhya*, букв. «середина»). Этот термин служит для обозначения трансцендентального состояния, когда адепт отрешается от дуалистического восприятия мира и осознает свое единство с Высшей реальностью.

² Согласно Параснатху Тивари (60, 150), огненная птица Анал, вероятно, идентифицируется с птицей Феникс, которая свила себе гнездо в небесах, а затем сгорела от собственной песни, вновь возродясь впоследствии из пепла, как гласит известная легенда. Во всяком случае, первая строчка свидетельствует об этом. Кабир не говорит, что Анал сгорела в собственном огне (хотя ее имя подтверждает это), а поселилась в «середине» между небом и землей.

³ Люди идут по дороге, по которой пошли пандиты, — т. е. дорогой ритуалов и идолопоклонства, которая, согласно Кабиру, ведет к заблуждению. Ср. вариант второй строки в «Адигрантхе» [11, 165]: «...Но по крутой тропе, (ведущей) к Раме, взбирается (только) Кабир».

⁴ *обрел бессмертие* — букв. «остался без начала и конца».

⁵ *куркума* — желта, *известь* — бела. Куркума (*Curcuma Longa, haldi*) под воздействием негашеной извести (*sūpā*) приобретает красный цвет, который у сиддхов (одна из шиваитских сект), натхов и у Кабира признается цветом любви. Получаемая таким путем краска используется, в частности, для нанесения на лоб ритуальных знаков. Традиционные комментаторы усматривают здесь следующую аллегорю: под куркумой подразумеваются представители низших каст, обладающие смуглой кожей, а под известью — светложкие представители высших каст; встреча истинно верующих из обеих групп открывает перед ними путь к Богу и способствует ликвидации кастовых различий. Ср. «Адигрантх» [11, 56].

⁶ Рахим (араб. «милосердный») — эпитет Аллаха. Индусские и мусульманские святые и боги играют огромную роль в процессе постижения Бога как у мусульман, так и у индусов. В этом стихе Кабира звучит тема единства индусов и мусульман. Поэт отвергает идею исключительности тех и других. Его Бог принадлежит всем народам, несмотря на различные вероисповедания. Ср. [12, 47].

⁷ Мука грубого [помола] превратилась в муку высшего сорта, т. е. исчезла двойственность и наступило состояние единения с Божеством.

⁸ Первая строка двуступища допускает ряд толкований, вытекающих из различной трактовки слов: *tūmbārī* (1. *tūmārī*, *tōbārī* — «бутылочная тыква» и такие изделия из нее, как «нищенская чаша для подающей» или «резонатор струнного музыкального инструмента»; расширительно — сфера; 2. *tobārī* — «ты — великая»); *abadhā* (1. *abadhya* — санскр. «нерушимый»; 2. *abadhā* — санскр. «несвязанный», «свободный») и *quī* (1. «два»; 2. «двойность»). Однако во всех случаях здесь усматриваются ассоциативные связи, порожденные представлением Кабира о спасении как о преодолении дуалистического восприятия мира и достижения единения с Богом. Традиционным символом дуальности является вина — струнный инструмент с двумя резонаторами [11, 95].

Предлагаемый М. Маколифом вариант перевода: «О двойность, на земле и в небе ты нерушима», — не противоречит сказанному выше. Ср. «Адигрантх» [11. 202].

⁹ Шесть философий (*darśana*, санскр. *darsāna* — шесть основных систем классической индийской философии: ньяя (*nyāya*), вайшешика (*vaiśeṣika*), санкхья (*sāṅkhya*), йога (*yoga*), миманса (*mīmāṃsā*) и веданта (*vedānta*). См. подробно [25; 31].

¹⁰ Традиция тантрического буддизма и индуизма насчитывает восемьдесят четыре имени наставников (siddhi или siddha), достигших просветления. Ср. примеч. 9 (24.17).

32

¹ Перевод первой строки у Ш. Водевиль гласит: «Кабир, нет шактов, всех считай вишнуитами...» Автор поясняет: «Смысл первой строки не совсем ясен. Возможно, поэт считает, что все люди рождены вишнуитами, т. е. потенциальными святыми, так как Высшая реальность, Рама, обитает во всех людях. Только отвернувшись от Рамы, они стали «шактами», т. е. безразличными людьми...» [96, 288]. Правомность нашего варианта перевода подтверждает вторая строка двустихия.

33

¹ сати (букв. «сушая» и «истинная») — верная жена, которая, овдовев, живо предаёт себя огню вместе с телом мужа. У Кабира сати — символ истинного бхакта.

² лицемер — в тексте: «актер». Истинный бхакт («сати») любит Раму и произносит Его имя с упованием и любовью; лицемер же («актер») — с холодным расчетом. Ср. вариант «Адигрантха» [11, 190]: «Кабир: К Раме взывают по-разному, помни об этом одно: тот, кого все зовут Рамой, (на самом деле) просто актер».

³ ман — мера веса, равная 40 кг. Первая строка двустихия аллегорична: «девять манов нитей» — это деяния — хорошие и дурные, которые совершает человек в своей жизни.

⁴ См. примеч. 14 (2.12).

⁵ См. Введение, с. 27, а также примеч. 28 (2.31); 3 (6.8).

⁶ Кабир развивает здесь пантеистические идеи, содержащиеся уже в древнеиндийском мировоззрении — брахманизме, индуизме, веданте, а также в исламе, — о безличном Мировом духе (Боге), скрытом в самой природе.

⁷ Речь идет о человеческих ипостасях (аватарах) Всевышнего — Кришне, Раме.

⁸ См. примеч. 2 (2.3).

34

¹ Аллегорический образ сеятеля; «зерно» — благие дела, «серб» — дурные поступки.

² См. примеч. 16 (13.30).

³ пайса — медная монета.

⁴ См. примеч. 20 (5.19).

35

¹ Первые два двустихия в оригинале идут без нумерации.

² Кришна (букв. «черный») — самый почитаемый герой в индийской мифологии и самое популярное божество индийского пантеона (обычно его изображают окрашенным в синий цвет из-за его темного цвета кожи), у Кабира — имя Всевышнего.

³ В двустихии Кабир декларирует неотвратимый характер судьбы, детерминированный волей Всевышнего.

⁴ Велик владыка без владений — Кабир оправдывает «нищенство» такого рода как путь к духовной и материальной свободе («ни у кого к тебе нет претензий — велик владыка без владений»).

⁵ В данном случае Кабир порицает аскета, получающего подаяние от мирян, сравнивая его со смертью.

⁶ *Рагхунатх* — защитник царского рода (рагху, букв. «защитник», «опора рода»); у Кабира — одно из имен Всевышнего.

⁷ См. примеч. 5 (12.4).

⁸ *Байраги* — отшельник, аскет преимущественно вишнуйского толка.

37

¹ Жемчуг — символ Рамы.

² *в этом городе* — т. е. в этом мире сансары.

³ Индра — ведийский бог небес, глава древнеиндийского пантеона. Хотя впоследствии Индра отошел на второй план по сравнению с великой триадой (Брахма, Вишну, Шива), представление о нем как Верховном боге, владельце роскошных дворцов и несметных богатств, сохранилось. Ср. «Адигрантх» [11, 169].

38

¹ Ср. вариант «Адигрантха» [11, 62]: «Кабир: Я не сделал (ничего) и не сделаю, и тело (мое) не в состоянии (что-либо) сделать. Как я могу знать, (что мне делать?) Ведь это Хари сделал так, что Кабир стал Кабиром».

39

¹ Ср. «Адигрантх» [11, 183].

² Кабир излагает здесь концепцию «освобождения», которая состоит в следующем. Познав сущность Мировой души, или Всевышнего, и достигнув слияния с Ним, душа индивида обрела покой, отрешившись от забот, порождаемых иллюзорным миром (майей). Кабира эти заботы не трогают. Ср. вариант второго полустихия в «Адигрантхе» [11, 175]: «...Огонь, который опалил весь мир, слуге (Хари) кажется водою».

40

¹ Ср. двустихие (1.7), а также «Адигрантх» [11, 194].

² Двустихие допускает ряд толкований (см. [67.71; 102]), сводящихся к противопоставлению либо показной и подлинной боли, либо боли телесной и духовной. Наиболее приемлемым представляется второе противопоставление (телесный — духовный), которое укладывается в систему используемых Кабиром аллегорий (например, «рана от копыя — рана от слова»). Ср. также вариант «Адигрантха» [11, 182]: «Кабир: Раненые (телесные) сильно кричат, но испытавшие настоящую боль ведут себя по-другому. Пораженный в самое сердце, Кабир не сдвинулся с места».

41

¹ См. примеч. 28 (1.26).

² Ср. вариант «Адигрантха» [11, 55]: «Кабир: Душа стала чистой, как вода Ганги. Хари последовал (за мной), зывая: «Кабир», «Кабир»».

³ Смысл двустихия в том, чтобы подавить в себе мирские устремления и обратить все помыслы к Раме. По Маколифу, «дом» соотносится с телом и «поджечь его» — значит воспламениться любовью к Раме [102, 284]; однако Р. Варма трактует «сожжение дома» как искоренение желаний [71, 172].

⁴ См. двустихие (4.4) и примеч. 6 (4.4).

⁵ Ср. вариант первого полуступища «Адигрантха» [11, 33]: «Кабир: ни один лжец не может выдержать испытания на пробном камне Рамы...»

⁶ Госаин (Gusāi, Gosvāmin, букв. «владыка коров») — 1) вишнуитский нищенствующий подвижник, 2) эпитет бога Кришны и отсюда, расширительно, обозначение Всевышнего. Двузначность термина дает повод к расхождению в толковании двуступища. М. Маколиф переводит «лишенный гуру», т. е. наставника в вере [102, 286], тогда как у Ш. Водевиль находим *maîtra* в значении «владыка», «господин», т. е. Бог [96, 63]. Так же следует понимать его и в нашем толковании. Ср. «Адигрантх» [11, 51].

⁷ Здесь дано одно из возможных толкований. У Маколифа [102, 286] два варианта: «Будь покорным и смиренным — и будь что будет» и «Сделай смирение своей верой — и будь что будет». Расхождение основывается на двояком понимании слова *dîp*: как санскр. *dîpa* («смирненный» и т. п.) или как араб. *dîp* («вера», «религия»). Последнее представляется менее удачным как по лексическим (практическая неупотребительность этого слова в средневековых диалектах хинди), так и по метрическим (нарушает метрическую структуру стихотворения) соображениям.

⁸ См. примеч. 14 (3.30).

42

¹ *канир* — ароматный олеандр. Бутон олеандра — белый, а раскрытый цветок — красный, поэтому олеандр служит символом лицемерной любви.

² *занятый мирскими делами* — в тексте: «сансари». П. Тивари переводит это слово как «мирской» [60, 132]. Ш. Водевиль предлагает свое чтение — «женатый» [96, с. 242].

43

¹ Аллегория: адепт («антилопа») вверяет свое тело и душу истинному гуру («охотник»).

² Под пятью сыновьями подразумеваются пять дурных страстей, искоренение которых необходимо для бхакта. Ср. примеч. 20 (5. 19), а также «Адигрантх» [11, 83] «Кабир: Нет такого, кто бы сжег собственный дом [и], убив [своих] пятерых сыновей, отдал [свою] любовь Раме».

³ *три рода влюбленных* — три цели, которые человек старается достичь в своей жизни: богатство (*artha*), физическая любовь (*kāma*) и выполнение своего долга (*dharma*); четвертой является спасение (*mokṣa*, или *mukti*), т. е. соединение со Всевышним и избавление от круга перерождений.

⁴ *раненый* — преданный бхакт, который ранен наставлением — словом истинного гуру, связанным с Божественным откровением.

45

¹ См. примеч. 20 (5.19).

² См. примеч. 1 (гл. 31).

³ *лес* — традиционный символ темных и греховных желаний. Ср. подобную идею в «Дхаммападе» [12, 106]: «... Из леса рождается страх. Вырубив лес и чащу, вы, о бхикуш, станете свободными».

⁴ *синдур* — посольство синдур (красная краска) служит символом супружеской верности. (ср. примеч. 2 (11.4), герой уподобляется верной жене (сати). Ср. «Адигрантх» [11, 71]: «Мечта сбылась. (Рама простер над) душой свою милость. Что мне смерть, когда уже в руках синдур?»)

⁵ *увиджу Истинное блаженство* — т. е. Всевышнего.

⁶ *на чье лицо падает свет* — т. е. на чьей стороне будет победа.

⁷ Ср. подобную идею 3.14.

⁸ См. гл. 41 «Мертвый при жизни».

⁹ Аллегория: «птицы» — бхакты, ищущие Божественного откровения, «плоды» — результат познания Всевышнего истинным бхактом.

¹⁰ *кхала* — тетка по материнской линии.

46

¹ *упустил благоприятное время* — т. е. человеческое рождение.

² Т. е. беззаботный человек, занятый мирскими удовольствиями, не заметил, как уже пришла пора расставаться с этим миром.

³ Аллегория: «дерево» — тело, «загоревшееся» — чувствующее близость смерти, «кузнец» — Яма, «сожжет второй раз» — заставит родиться вновь и, следовательно, вновь умереть. Ср. «Адигрантх» [11, 90].

⁴ [*женщина*] *в своем дворце скрывает свое лицо* — в домах знатных хинду молодой женщине разрешалось находиться рядом с мужчиной, накинув на лицо вуаль или край сари.

⁵ См. примеч. 11 (3.21).

⁶ *лебедь* — душа. Ср. примеч. 31 (5.39).

⁷ Как только душа покидает тело, семья умершего спешит вынести труп за пределы дома, так как считается, что присутствие его оскверняет домо-чадцев и привлекает злых духов.

⁸ Под инструментом подразумевается тело; под струнами — чувственные восприятия; под музыкантом — душа. Ср. «Адигрантх» [11, 103]: «Кабир: У инструмента, на котором я играл, порвались струны...».

⁹ Символика этого двуступища такова: «кузнец» — символ души; «кузнечный горн» — тело; «наковальня и кузнечный молот» — чувственные восприятия.

¹⁰ См. примеч. 23 [2.26].

¹¹ *В ядовитом лесу* — т. е. в мире бытия.

47

¹ *корень* (sañjivāṇi) — магический корень бессмертия, который у Кабира отождествляется с Рамой — дарующим бессмертие. В традиции бхакти «корень бессмертия» — это истинное почитание Рамы или Вишну — Хари. Согласно индийской мифологии, sañjivāṇi, или mṛt sañjivāṇi, — один из четырех целебных корней, который, как предполагают, устраняет смерть.

² *принял позу йога в пустоте* — букв. «остановился в пустоте».

³ *три и перетирай* — здесь показан типично индийский способ стирки белья, когда его с силой бьют об камни и энергично перетирают руками. Кабир советует таким способом «очистить» свою душу, пока она не станет чистой.

⁴ См. примеч. 8 (2.7).

⁵ Имеется в виду древо любви к Раме, источник благого существования. Под птицами подразумеваются адепты, ищущие божественного откровения. Ср. «Адигрантх», первое полуступище [11, 229]: «Кабир: Посади семя этого дерева, чтобы оно плодоносило круглый год...»

⁶ Птицы в данном контексте символизируют души людей, живущих в мире сансары.

48

¹ под «беспенным Драгоценным камнем» подразумевается Рама; «простой булыжник» — бренное существование.

² *каури* — небольшая раковина, использовавшаяся в Индии в качестве мелкой монеты.

³ См. примеч. 3 (16.10).

⁴ *не заметит [достоинств] мира* — имеются в виду пути достижения Всевышнего — бхакти («путь любви»); гьяна («путь знания»); садхана («подвижничество», «йога»).

50

¹ Имеется в виду путь к спасению.

² См. примеч. 10 (5.8).

³ См. примеч. 11 (1.13).

⁴ *вода, грязь* — в данном контексте символизируют мирские страсти.

⁵ См. примеч. 16 (2.16).

51

¹ См. примеч. 11 (1.13).

² Сравнение страдания с горением весьма распространено также и в буддийской литературе. Ср. параллель: «Что за смех, что за радость, когда мир постоянно горит? Покрытые тьмой, почему вы не ищете света?» [12, 143].

52

¹ Глава в аллегорической форме повествует о любви возлюбленной (души) к супругу (Богу), что характерно для бхакти и суфизма. Ср. «Глава о знакомстве [с Богом]», а также Введение, с. 13.

² Ср. двустичия 5.1—3.

³ *качели* — блаженство и покой, которые супруг (Рама) доставляет своей прекрасной возлюбленной (душе).

53

¹ Аллегория: невежественный человек («мускусная антилопа») тщетно ищет спасения в мирском бытии («лес»), т. е. в посещениях святых мест, поклонении идолам, в соблюдении ритуалов, а на самом деле спасение — в сердце каждого.

² См. примеч. 20 (5.19).

³ Сингхалдвип, или Сварнадвип («золотой остров»), — древнее название острова Цейлон. Здесь имеется в виду, что подвижник отправился очень далеко в поисках Рамы, а Он обитает в его сердце.

54

¹ Общая мысль этой главы типична для религиозной литературы бхакти — «не восхваляй себя и не унижай других».

² Смысл: не презирай скромность, покорность и смиренность, отбрось гордыню духа, «гордыня» в индуизме — один из главных грехов.

55

¹ *Зеленый побег и сухое бревно, земля и камень* — противопоставление преданного Богу бхакта и мирского человека, который остается глух к словам откровения истинного гуру. Ср. 25.1.

² Люди, объятые гордыней («вершины гор и холмов»), никогда не смогут познать любовь («сок, вода») Всевышнего; только преданные бхакты («низины») способны постичь ее.

³ *Лучник* — символ истинного гуру, религиозного наставника, без которого немислимо, по убеждению поэта, подлинное познание истины и достижение спасения. «Стрела» — слово наставника. Ср. в «Дхаммападе» [12, 64]: «Трепещущую, дрожащую мысль, легко уязвимую и с трудом сдерживаемую, мудрец направляет, как лучник стрелу».

⁴ Реминисценция мифологического сюжета о Шиве (ср. примеч. 5 (23.9)). В данном случае истинный гуру уподобляется Шиве, который своими наставлениями спасает бхакта от цепи перерождений.

⁵ *кхаджури* — финиковая пальма (Borassus us Froleli Formis), дерево тал, пальмира. В индийской литературе — символ гордыни и спеси.

⁶ *дерево ним* — см. примеч. 1 (28.1).

56

¹ Ср. двустиише 54.9.

² См. примеч. 6 (41, 11).

³ См. примеч. 9 (29.21).

⁴ *пир* — (перс. pīr, букв. «старец») — глава мусульманской секты, обычно учитель у суфиев. Здесь обозначает либо наставника в вере (гуру), либо — что представляется более вероятным — самого Раму. Ср. «Адигрантх» [11, 198].

58

¹ Первые четыре двустииши носят характер стихов-парадоксов, известных под названием ультабамси (ulṭabāmsi), и имеют много общего с поэзией натхов. Последние использовали этот поэтический стиль, бывший в традиции тантрического буддизма и индуизма. Его, в свою очередь, переняли у натхов Кабир и другие поэты-санты эпохи позднего средневековья. См. [50; 60; 67; 80; 95; 96].

Аллегория: тыква, выдолбленная и высушенная, которая служит аскету посудой, — символ человеческого тела; лиана — мир бытия, майя; ср. примеч. 1 (16.26); полено отождествляется с мирскими страстями.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **Алендер И. З.** Музыкальные инструменты Индии. М., 1979.
2. **Антонова К. А.** Очерки общественных отношений и политического строя Монгольской Индии времен Акбара. М., 1952.
3. **Ашрафян К. З.** Из истории суфиев в Индии конца XIII — середины XIV в.— Краткие сообщения Института востоковедения. 1960, вып. 38.
4. **Ашрафян К. З.** Проблемы развития феодализма в Индии.— Народы Азии и Африки. 1969, № 4.
5. **Балин В. И.** Стихи Кабира в переводах Рабиндраната Тагора.— Ученые записки ЛГУ, № 294. Серия востоковедческих наук. 1961, вып. 12.
6. **Баранников А. П.** Индийская филология. Литературоведение. М., 1959.
7. **Баранников А. П.** Короткий начерк новоиндийских литератур. Харьков — Киев, 1938.
8. **Баранников А. П.** Рамайна. Тулси Дас. М.— Л., 1948.
9. **Гафурова Н. Б.** К проблеме творческого наследия Кабира.— *Problemy literature orientalnych. Warszawa*, 1974.
10. **Гафурова Н. Б.** Произведения Кабира в «Адигрантах».— Гуру Нанак. К 500-летию со дня рождения поэта и гуманиста Индии. М., 1972.
11. **Гафурова Н. Б.** Кабир и его наследие. М., 1976.
12. **Дхаммапада.** Пер. с пали, введ. и коммент. В. Н. Топорова. М., 1960.
13. **Дьяков А. М.** Историческое значение сектантских движений XV—XVII веков в Индии.— Доклады советской делегации на XXII Международном конгрессе востоковедов. Секция индоведения. М., 1954.
14. **Жуковский В. А.** Человек и познание персидских мистиков. СПб., 1885.
15. **Законы Ману.** Пер. С. Д. Эльмановича. Пров. и испр. Г. Ф. Ильин. М., 1960.
16. **Зограф Г. А.** Глагольная система в «шлоках» Кабира.— Проблемы истории языков и культуры народов Индии.— Сборник статей памяти В. С. Воробьева-Десятовского. М., 1974.
17. **История Индии в средние века.** М., 1963.
18. **История и культура древней Индии.** М., 1963.
19. **Кабир.** Лирика. Пер. с хинди С. Липкина. М., 1965.
20. **Кабир.** Пер. С. Липкина.— Восточный альманах. Вып. 2. М., 1958.
21. **Кальянов В. И.** Об этимологическом толковании терминов *varṇa jāti*.— История и культура древней Индии. М., 1963.
22. **Лаллу джи Лал,** Прем сагар. Пер. с хинди, вступит. ст. и примеч. А. П. Баранникова. М.— Л., 1937.
23. **Литература и фольклор народов Востока.** Сборник статей. М., 1967.
24. **Литературы Индии.** Сборник статей. М., 1958.
25. **Мерварт А. М.** Краткий очерк индийской культуры по материалам Отдела Индии Музея антропологии и этнографии. Л., 1927.
26. **Мюллер М.** Шесть систем индийской философии. М., 1901.
27. **Независимая Индия. 10 лет независимости (1947—1957).** Сборник статей. М., 1958.
28. **Неру Дж.** Открытие Индии. М., 1955.
29. **Осипов А. М.** Индия в XI в.— Всемирная история. Т. 2. М., 1958.

30. Паниккар К. М. Очерк истории Индии. М., 1961.
31. Радхакришнан С. Индийская философия. Т. 1—2. М., 1956.
32. Рейснер И. М. Очерки классовой борьбы в Индии. Т. 1. М., 1932.
33. Рейснер И. М. Крестьянское движение сикхов во второй половине XVII и в начале XVIII века.— Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. 3. М., 1951.
34. Рейснер И. М. Восстание джаатов области Агра-Дели в конце XVII — начале XVIII в.— Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. 18. М., 1957.
35. Рейснер И. М. Народные движения в Индии в XVII—XVIII вв. М., 1961.
36. Сазанова Н. М. Океан поэзии Сур Даса. М., 1973.
37. Сазанова Н. М. Сур Дас Кришнаяна. Т. I—II. Лейпциг — Веймар. 1978 (пер. текста на англ. и нем. языках).
- 37а. Сазанова Н. М. Творчество Сур Даса и современная литературная традиция. Автореф. докт. дис. М., 1983.
38. Семенова Н. И. История сикхского движения в Индии. М., 1963.
39. Серебряков И. Д. О становлении пенджабской национальной литературы. Автореф. канд. дис. М., 1964.
40. Тагор Рабиндранат. Поэмы Кабира. Пер. Б. Васина. М., 1916.
41. Тулси Дас. Рамайна, пер. с инд. (хинди), комм. и вступит. ст. акад. А. П. Баранникова. М.— Л., 1958.
42. Философские тексты «Махабхараты». Пер. с санскрита, предисл., примеч. и толковый словарь Б. Л. Смирнова. Ашх., 1977.
43. Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970.
44. Хумаюн Кабир. Индийская культура. М., 1963.
45. Четтерджи С., Датта Д. Введение в индийскую философию. М., 1955.
46. Чельшиев Е. П. Литература хинди. Краткий очерк. М., 1968.
47. Чельшиев Е. П. Эпоха Ренессанса в индийской культуре.— Доклады советской делегации на XXVII съезде востоковедов. М., 1966.
48. Чхандогья Упанишада. Пер. с санскр. А. Я. Сыркина. М., 1965.
49. Чаттопадхьяй Д. История индийской философии. М., 1966.
50. Ачарья Парашурам Чатурведи. Сур вивечан. Аллахабад, 2022 г. в.вир.
51. Бадж-бхаша сур кош. Лакхнау, 1963.
52. Бхаратбхушан Сародж. Махатма Кабир: Кабирдас ке вьяктитва крититва аур даршаник вичарон ка алочнатмак адхьяян. Дели, 1958.
53. Говинд Тригунаят. Кабир аур Джайси ка рахасьявад аур тульнат-ма вивечан-Дехрадун. 1930.
54. Джоши В. Сант-кавья. Гвалнор, 1968.
55. Кабир-биджак. Сампадак Хансдас Шастри, Махавир Шастри. Барабанки, 1950.
56. Кабирбиджак мул. Матхура, 1950.
57. Кабир вачанавали артхат Кабир сахаб ке уттамоттам бхаджанон аур сахитйен ка санграх. Санграхкарта Айодхьясинх Упадхьяй (Харнудх). Аллахабад, 1967 г. в.вир.
58. Кабир грантхавали. Сампадак Шьямсундар Дас. Аллахабад, 1928.
59. Кабир грантхавали сатик. Лекхак проф. Пушпапал Сингх. Дели, 1961.
60. Кабир-санграх-сандживани. Сампадак Параснатх Тивари. Иллахабад, 1965.
61. Кабир сахей ки сакхи санграх, бхаг 1—2 самшодхит санскаран. Аллахабад, 1926.
62. Кабир сахей ки шабдавали, бхаг 1—4. Аллахабад, 1967.
63. Матабадал Джаясвал. Кабир ки бхаша. Аллахабад, 1965.
64. Мунширам Шарма. Кабир вачанамрит (сакхи бхаг). Канпур, (б. г.).
65. Набха Дас. Бхакта мала. 1604.
66. Парамананда Дас. Кабир и Мансур. Фирозпур (Панджаб), 1880.
67. Кабир грантхавали. Сампадак Параснатх Тивари. Аллахабад, 1962.

68. *Парашурам Чатурведи*. Кабир сахитъя ки паракх, двития санскаран. Аллахабад, 2022 г. викр.
69. *Пурушоттамлал Шривастав*. Кабир сахитъя ка адхъяян. Каши, 1951.
70. *Рамкумар Варма*. Кабир ка рахасьявад (Кабир ке даршаник вичарон ка гамбхир вивечан). Аллахабад, 1966.
71. *Рамкумар Варма*. Сант Кабир. Аллахабад, 1947.
72. *Рамкумар Варма*. Сант Кабир. Аллахабад, 1955.
73. *Рамратан Бхатнаган*. Кабир сахитъя ки бхумика. Аллахабад, 1950.
74. Рас аур бхав. Горакхпур, 1965.
75. Сабад салок пагтан де. Лахор, 1901.
76. Садгуру кабир сахаб ки саххи грантх. Барода, 1935.
77. Садгуру кабир сахитъя ка грантх биджак, тикакар Вичардас Шастрин, тисри бар. Аллахабад, 1954.
78. *Сарнамсинх Шарма*. Кабир: ек вивечан (Кабир ке व्याктитва евам крититва ка гавешатмак адхъяян). Дели, 1960.
79. *Свами Чинмайянанда*. Нарада-бхакти сутра. Мадрас.
80. *Хазарипрасад Двиеди*. Кабир. Бомбей, 1953.
81. *Хазарипрасад Двиеди*. Кабир: Кабир ка व्याктитва, сахитъя аур даршаник вичарон ки алочна. Бомбей, 1967.
82. *Хазарипрасад Двиеди*. Кабир, Натх-санпрадай. Аллахабад, 1970.
83. *Чатурведи Дварапрасад Шарма*. Чаритра Кош. Дели, 1983.
84. *Яджнядатта Шарма*. Кабир сахитъя аур сиддхант. Дели, 1953.
85. The Adi Granth, or the Holi Scriptures of the Sikhs. L., 1877.
86. Asiatic Researches. Calcutta, 1828, vol. 16; 1882, vol. 27.
87. *Barthwal P. D.* The Nirguna School of Hindi Poetri. Benares, 1936.
88. *Block J.* Some Problems of Indian Philology.—Bulletin of the School of Oriental Studies. Vol. 5. L., 1928—1930.
89. *Bhandarkar R. G.* Vaisnavism, Saivism and Minor Religions Sistem. Vol. IV. Poona, 1929.
90. *Dowson J.* Classical Dictionary of Hindu Mythology and Religion, Geography, History and Literature. L., 1928.
91. *Ezekiel J. A.* Kabir — the Great Mystik. Delhi, 1966.
93. *Garssin de Tassy J.* Histoire de la littérature hindoie et hindoustanie. P., 1839.
94. *Hopkins T. J.* The Vaisnava Bhakti Movement in the Bhagavata Purana. N. Y., 1963.
95. Kabir Granthavali (Doha), avec introduction, traduction et notes par Charlotte Vaudeville. Pondichery, 1957.
96. Kabir. Ed. Charlotte Vaudeville. Vol. 1. Ox., 1974.
97. Kabir-Vāṇi. Ed. Charlotte Vaudeville. Pondichery, 1982.
98. Kabir Granthavali. Ed. by Shastri Das. Varanasi, 1928.
99. *Kabir H.* The Indian Heritage Bombay, 1964.
100. *Keay F. E.* Kabir and his Followers. Calcutta, 1931.
101. *Kellogg S. H.* A Grammar of the Hindi Language. L., 1938.
102. *Macauliffe M. A.* The Hymns of Bhagat Kabir (Including His Bawan Akhari, Thiti and War) Contained in tre Grantha Sahib of the Sikhs. Ox., 1909.
103. *Macauliffe M. A.* The Sikh Religion, its Gurus, Sacred Writings and Authors. Vol. 1—6. Ox., 1909.
104. *Macnicol N.* Psalms of Maratha Saints, one Hundred and Eight Hymns translated from the Marathi. Bombay — Madras, 1919.
105. *Majumdar A. K.* Bhakti Renaissance. Bombay, 1965.
106. Medieval Mysticism of India. Ed. by Shri Kshitimohan Sen. L., 1935.
107. *Mohan Singh.* Goraknath and the Medieval Hindu Mysticism. Lahore, 1937.
108. *Monier-Williams M.* Indian Wisdom or Examples of the Religious, Philosophical and Ethical Doktrines of the Hindus. L., 1876.
109. *Partiger F. E.* Ancient Indian Historical Traditions. L., 1922.

110. *Pincott F.* The Arrangement of the Hymns of the Adigranth.— Journal of the Royal Asiatic Society. L., 1886, vol. 18.
111. *Price W.* Hindee and Hindostanee Selections. Calcutta, 1827.
112. *Prem Chad.* A Translation of Kabir's Complete Bijak into English. Bombay, 1890.
113. *Santiniketana Kabir.* By Sri Kshitimohan Sen. 4 Pt. Bolpur, 1910.
114. *Wilson H. H.* Selected Works. Vol. II: Religion of the Hindus, 1861.
115. *Sharma D. S.* Hinduism through the Ages. Bombay, 1856.
116. *Sharma R. K.* Elements of Poetry in Mahābhārata. Berkeley, 1964 (1966).
117. *Shrivastava A. L.* Medieval Indian Culture. Jaipur — Agra — Indor, 1964.
118. *Sri Guru Granth Sahib.* Ed. Gopal Singh. Vol. 1—4. Delhi, 1964.
119. *Sunderaraj Theodore Devendra Kumar, Hakari A.* Thus Spoke Basava. Bangalor, 1915.
120. *Tara Chand.* Influence of Islam on Indian Culture. Allahabad, 1963.
121. *The Bijak of Kabir.* Transl. into English by Revrend Ahmad Shah. Hamirpur, 1917.
122. *Vaudeville Charlotta.* La conception de l'amour divin chez Muhammeden Javasi.— Extrait du Journal Asiatique. P., 1962.
123. *Westcott G. H.* Kabir and the Kabir Panth. Cownpure, 1907.

SUMMARY

N. B. Gafurova's translation of *Kabir granthavali* edited by N. Sazanova deals with India's medieval saint poet Kabir (1440—1518), one of the more outspoken advocates of the religious-reformist bhakti movement opposed to Hindu orthodoxy and caste system. His bhakti aspirations were culturally consummately pervasive in northern India.

The book consists of an introductory monograph of five chapters written by N. Gafurova and N. Sazanova and the translation, commentaries, and bibliography.

The study's focus and translation is on a collection of Kabir's works revealed in the early 1920s in a cataloging of manuscripts undertaken by the Benares Nagari prakarini sabha society and published by Indian scholar Syamsundar Das in 1928 under the title of *Kabir granthavali*. Revealing this previously unknown collection was a major event in Kabir studies and exerted a considerable influence on further studies.

Chapter One illumines the epoch of this great bhakti poet. Its major concern is the ideology and aesthetics of the bhakti movement. The chapter also endeavors to trace in some measure the fusion of Hindu and Sufi literary traditions in medieval India; what makes them historically and culturologically significant in their representing one of the more essential cross-sections of the ideologies of religious reformation movements in India commonly known as the bhakti Renaissance.

Chapter Two offers insights into Kabir's life. The names of celebrity poets, particularly those who, like Kabir, instilled people with a new heretical faith, intrinsically humane and democratic, were shrouded in legend, whose patchy facts bred all sorts of miraculous conjecture. Such legends did not fail to affect Kabir's earlier biographers from among his disciples and associates, who were prone to venerating him. Clearly this only added to the study's complexities.

It is noted that the facts of traditional legends need to be meticulously ascertained. The primary gauge should be, apart from the very scanty facts yielded by some historical sources, the

poet's works as such. Kabir had many disciples and they spread his message throughout all India. His verses were passed by word of mouth and later recorded by his followers who unwillingly transformed Kabir's universalism into parochialism. What we now have was jotted down dozens and even hundreds of years after the poet's death. The researcher's thorniest challenge is textologically fathoming works ascribed to Kabir and establishing the measure of their authenticity. Chapter Three appropriately rises to the challenge.

Chapter Four examines Kabir's bhakti and poetry. *Kabir grant-havali* is a landmark in Indian philosophy projecting the human dimension of the bhakti as expounded by Saint Kabir. The study endeavors to elucidate the poet's ethical, philosophic, and social views and illuminate his creative merit.

Kabir's works are an intricate blender of philosophic lyricism **and religious sermon, often laced with mystical overtones.** His verses are multifaceted and not infrequently pointedly ambiguous; on top of that, they are studded with images and symbols projecting his philosophic and religious conceptions of Nirguno-Bhakti. Interpreting them may well prove rough going.

In undertaking a translation of distiches from *Kabir granthavali* Dr. Gafurova wanted not only to translate them but also to reveal their message as best she could. Extensive commentaries are helpful indeed, as are references to Indian and Western studies in this field.

The poetry of Kabir is a classic by virtue of its relevance to every age, although the nature of this relevance has differed from time to time.

Научное издание

КАБИР

ГРАНТХАВАЛИ (Собрание)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Заведующий редакцией *С. С. Цельникер*
Редактор *Т. М. Швецова*
Младший редактор *Г. А. Парфенюк*
Художник *И. Д. Брейвешко*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. Г. Гуцина*
Корректор *Р. Ш. Чемерис*

ИБ № 16396

Сдано в набор 25.06.91. Подписано к печати 9.04.92. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 8,82. Усл. кр.-отт. 8,94. Уч.-изд. л. 9,63. Тираж 4500 экз. Изд. № 7063. Зак. № 296. «С»—1.

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

